

ПИОНЕР

МАЙ 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1964 г.

РАЗ В ГОДУ, В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, 19 МАЯ, У МАВЗОЛЕЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА СТОИТ ПОЧЕТНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КАРАУЛ.

Фото И. Гольдберга.

Год издания 41-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

40 лет спустя

Красная площадь полна ребят в красных галстуках... Обычная картина. Ты видел ее в кино или на снимках. А может, и сам бывал на таком празднике 19 мая, если ты живешь в Москве или приезжал в столицу.

А теперь представь себе, как это было в самый первый раз — 19 мая 1924 года.

В тот день пионеры приняли имя Ленина и принесли присягу на верность делу Ильича.

В тот день Красная площадь с удивлением смотрела на ребят в красных галстуках, знакомилась с ними. Познакомилась — и подружилась навсегда.

Сорок лет прошло с тех пор! И клятва, произнесенная тогда, от звена к звену, от отряда к отряду, как олимпийский факел, передана тебе, пионер 1964 года.

В большой работе, в крепкой дружбе, в умной игре, в честных спорах доказывают пионеры свою верность той великой клятве, которая за сорок лет стала еще крепче.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

Михаил ШАТРОВ

Первый отпуск

Киносценарий

Рисунки Ф. Лемкуля.

Эта история началась 23 декабря 1917 года.

За решетчатыми воротами светился огнями Смольный. Деревья в саду стояли голые и сиротливые. Зима еще не установилась, падал талый снег, а вдоль Невы дул холодный ветер. Перед зданием Смольного лежали огромные штабеля дров, приготовленные для укрытия на случай вооруженного нападения. Тут же стояли пушки и пулеметы.

Длинные гулкие коридоры Смольного, освещенные редкими электрическими лампочками, были запружены красногвардейцами, рабочими, солдатами и матросами.

На больших белых дверях висели эмалированные дощечки: «Классная дама», «IV класс», «Учительская», «Дортуар». Но над этими дощечками уже были приколоты листы бумаги с надписями: «Исполнительный Комитет Петроградского Совета», «ЦИК», «Бюро иностранных дел», «Центральный армейский комитет». Повсюду расклеены плакаты: «Товарищи! Для вашего же здоровья соблюдайте чистоту».

На третьем этаже в северном крыле здания было сравнительно немноголюдно. Здесь находился кабинет Председателя Совнаркома. У дверей кабинета стояли часовые. Мимо них один за другим проходили наркомы: вот-вот должно было начаться заседание.

Недалеко от часовых, прислонившись спиной к стене коридора, стоял и громко, во весь голос, хохотал Ленин. Две женщины, обе со строгими лицами — Надежда Константиновна Крупская и Александра Михайловна Коллонтай, нарком по делам социального обеспечения, стояли перед ним и наперебой отчитывали его. Ленин все время порывался вырваться из плена, но женщины не отступали.

— У меня же заседание Совнаркома, — смеялся Ленин, — опоздаю — мне шею намылят, ей-богу!

— Владимир Ильич, мы с вами говорим серьезно, а вы хуже маленького! В конце концов, — рассердилась Коллонтай, — можете вы уделить нам пять минут?

— Да дело ведь плевое! — ответил Ленин, но, поймав взволнованный взгляд Крупской, поднял руки вверх и сказал: — Ну хорошо, пять минут я в вашем распоряжении.

— Говорите, Надежда Константиновна, — сказала Коллонтай.

— Володя, напрасно ты так. — Крупская взяла его за руку. — Дело совсем не шуточное. С Октября два месяца прошло, а на тебе уже лица нет. Кому ты такой нужен? И работоспособность не та. Ну, ты сам посуди — вечные головные боли, бессонница...

— Ну и что же? — пожал плечами Ленин. — А у кого сейчас сонница? Спроси любого... Все до чертиков заработались...

В это время к Ленину подошел Подвойский.

— Владимир Ильич, простите, телеграмма с румынского фронта.

Ленин быстро пробежал глазами телеграмму и сказал:

— Срочно подготовьте решение Совнаркома с такими предложениями: упорядочить транспорт и снабжение фронта продовольствием и немедленно отправить туда красногвардейские отряды Петроградского и Московского военных округов. И согласуйте с Крыленко [1].

— Хорошо, Владимир Ильич.

Подвойский ушел. Но около Ленина уже стояли Бонч-Бруевич и Горбунов.

— Владимир Ильич, — начал Бонч-Бруевич, — декрет о всеобщей трудовой повинности петроградского населения по очистке улиц от снега мы отпечатали и направляем в редакции газет.

— Только проследите, чтобы его дополнили пунктом о повинности в первую очередь лиц, не занятых производительным трудом.

---

[1] Н. В. Крыленко — Верховный главнокомандующий революционной армией.

— Я это уже сделал.

— Владимир Ильич, — сказал Горбунов, секретарь Ленина, — звонили из Петроградского Совета относительно платежей по купонам. Что им ответить?

— Скажите, что дадим ответ через час. Я хочу подумать и посоветоваться с товарищами.

— И вы полагаете, что здесь вам дадут подумать? — сказала Коллонтай. — Расчистка улиц и платежи по купонам... Всю эту мелочь, Владимир Ильич, могли бы решать и другие люди, не вы...

— Учимся, учимся... — улыбнулся Ленин.

— Владимир Ильич, не отвиливайте, — прервала его Коллонтай. — Пользуясь вашей терминологией, вас первого за растрату государственного имущества — своего здоровья — под суд. А председательствовать буду я. Пощады не ждите!

— Да уж... — усмехнулся Ленин.

— Поймите, несерьезный вы человек, две недели отдыха...

— Две недели — вы скажете...

— Две недели — и ни на один день меньше! Эти две недели преобразят вас, вы вернетесь здоровым человеком! Да что там говорить! В Финляндии, на Карельском перешейке, есть небольшой санаторий «Халила», там отдыхают питерские рабочие, солдаты, а в маленьком отдельном домике поместят вас.

— Там чудесный лес, Володя, и большая охота, — сказала Крупская.

Лицо Ленина посерьезнело, еще резче обозначились темные круги под глазами, он взял обеих женщин под руки и, мягко повернув их, повел к своему кабинету.

— Охота — вещь хорошая, да вот дел у нас непочатый край. — Он остановился перед дверьми. — Развернуться развернулись, а наладить новое государство в два месяца — этого и большевики не могут...

Ленин ушел в кабинет.

— Вот ведь, — развела руками Крупская, — всегда так...

— А мы на него Свердлова напустим, — решительно сказала Коллонтай.

●

В кабинете Ленина шло уже не первый час заседание Совнаркома. За окном была темная ночь. Выступал Луначарский. Ленин очень устал и поймал себя на том, что не слышал его. Он посмотрел на наркомов, никто не заметил, что он плохо себя почувствовал. Ленин успокоился и взглянул на часы, лежавшие перед ним: было уже около пяти утра. Свердлов протянул записочку. Ленин развернул и прочел: «Н. К. сказала мне, что вы восьмой день не спите. Необходим отдых. Не поедете добром — вышлем по этапу. Я. С.».

Ленин взглянул на Свердлова, хитро улыбнулся и покачал головой. И тут же он получил еще одну записку: «Улыбаться будете, когда вернетесь, а сейчас собирайте вещи. Я. С.».

Луначарский закончил свою речь и сел.

— Так, товарищи, — поднялся Ленин, — переходим к семнадцатому вопросу нашей повестки...

— Только что обсудили, — сказал Крыленко.

Ленин удивленно взглянул на листок бумаги.

— А, да-да, — виновато улыбнулся он, — простите меня, товарищи. Пять утра, а в повестке у нас столько всякой мелочи — тридцать два вопроса и половина из них — вермишель...

— Вот и надо создать вермишельную комиссию, — подал голос Свердлов.

— Наверное, — кивнул Ленин, — и название подходящее, а пока слово товарищу Крыленко. Имеете пять минут.

Крыленко начал свой доклад. Ленин сел на место, провел рукой по лбу, закрыл глаза, а когда открыл их, встретился взглядом с Коллонтай. Та укоризненно покачала головой. Ленин взял лист бумаги, оторвал от него четвертушку и стал быстро писать.

— Товарищи, — говорил Крыленко, — положение складывается трагическое. Переговоры в Бресте затягиваются, мира пока нет. На юге Каледин перешел в наступление, и если мы не поможем сейчас Антонову-Овсеенко, боюсь за успех этой операции. А учитывая отправку красногвардейских отрядов на румынский фронт, помогать нам Антонову нечем. Вот справка военной коллегии, прошу ознакомиться.

В это время Свердлов кончил составлять какую-то бумагу и передал ее соседу — наркому по делам продовольствия Шлихтеру. Тот взглянул на бумагу и прочел:

«Решение Совета Народных Комиссаров от 23 декабря 1917 года. Предоставить Председателю Совнаркома Ульянову (Ленину) В. И. отпуск».

Под решением стояла подпись Свердлова. Шлихтер тоже расписался и пустил листок дальше. Наконец он вернулся к Свердлову, подписанный всеми наркомами.

Тут же и Ленин протянул ему записку. «Ваша взяла: если в наркомате у Коллонтай

в самом деле есть отдельный домик, где мне никто не будет мешать, то я готов ехать».

Ленин и Свердлов одновременно кончили читать, посмотрели друг на друга и рассмеялись.

●

Ленин и Свердлов шли по длинному, пустому в этот предутренний час коридору Смольного. Яков Михайлович провожал Ленина к его квартире на втором этаже. Они шли не спеша, молча. Наконец Ленин сказал:

— И все-таки у меня нет морального права уехать сейчас.

— Права нет, — кивнул Свердлов, — есть обязанность. И пусть вас это не волнует. Мы живем два месяца напряженнейшей жизнью.

— Да, день — за год...

— Накоплен известный опыт, надо обобщить, осмыслить, подумать. Если бы вы могли все это сделать здесь, я бы не стал настаивать. Но вы буквально тонете в вермишельном море! Сколько времени у вас это отнимает!

Ленин тяжело вздохнул.

— Ох, эти дела, делишки, подобия дел, суррогаты дел, помеха делу! Как я ненавижу всю эту суетню, хлопотню, и как я с ними навсегда и неразрывно связан!

— Но и не только это, Владимир Ильич. Давайте говорить прямо, по-мужски. Так вы протянете не долго. Два месяца — и ни одной нормальной ночи. Два месяца — и каждый день головная боль. Кому это нужно? Простите меня, но это неразумно.

— Хорошо, Яков Михайлович. — Они остановились перед ленинской квартирой. — Я даже писать там не буду, только гулять и думать, только гулять и думать.

— Как глава государства, — усмехнувшись, сказал Свердлов, — властью, данной мне пролетариатом, я вам приказываю: вернуться бодрым, свежим и здоровым!

— Слушаюсь и повинуюсь, — улыбнувшись, ответил Ленин.

●

К подъезду Финляндского вокзала подъехала черная легковая автомашина. Из нее вышли Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Мария Ильинична и Эйно Рахья, постоянный провожатый Ленина. С небольшими саквояжами в руках они прошли в здание вокзала. Владимир Ильич был в своем поношенном осеннем пальто, в котором он приехал из-за границы, и в фетровой шляпе, хотя стоял уже довольно сильный мороз. Они остановились в центре зала ожидания.

— Эйно Абрамович, — обратился Ленин к Рахья, — поедем самым обычным пассажирским вагоном второго класса. Это будет спокойней. Там ведь никакой толкучки...

— Володя, — перебила его Мария Ильинична.

— Так будет лучше, — непреклонно сказал Ленин и достал из кармана деньги.

— Хорошо, — кивнул Рахья и пошел к кассам.

На перроне было многолюдно. Только что объявили посадку. Ленин с интересом следил за публикой. Около одного из вагонов он увидел Смирнову, жену работника Совнаркома, с двумя сыновьями-погодками. Шурику было десять лет, а Сереже — одиннадцать. Мальчики плакали, а Смирнова успокаивала их.

Вернулся Рахья с билетами. Ленин и его спутницы двинулись к вагону.

Владимир Ильич уселся возле окна, в самый угол, чтобы быть менее заметным, достал блокнот и что-то стал не то писать, не то рисовать. Рядом с ним села Мария Ильинична, а напротив — Надежда Константиновна и Рахья.

В вагон вошла Александра Михайловна Коллонтай. За ней шел матрос с меховыми шубами в руках.

— Вот и Александра Михайловна, — обрадовался Ленин, — она наверняка взяла отпуск и едет с нами, чтобы удостовериться, не сбегу ли я по дороге...

— Позже приеду. Сбежите — вернем. А это, товарищи, — Коллонтай показала на шубы, которые матрос положил на лавку, — вы наденете, когда вам придется ехать на санях в открытом поле. От станции до санатория довольно далеко. Здесь и ушанки. Только не забудьте их нигде: шубы взяты из склада наркомата.

— Это и видно, — засмеялся Ленин, отвернув полу одной из шуб. На ней была прикреплена фанерная бирка с инвентарным номером. — Правильно, Александра Михайловна, а то народ тут со мной ненадежный едет, шубеечки могут и исчезнуть. Вот-вот, посмотрите на Маняшу, видите — уже что-то задумала...

— Вы ничего не забыли? — спросила Коллонтай.

Ленин вдруг пощупал карман и сказал упавшим голосом:

— Ну, конечно, забыли...

— Что? — заволновалась Мария Ильинична.

— Деньги.

— Да есть же — и у меня и у Нади.

— Финские деньги. Александра Михайловна, голубушка, раз уж мы такие тетери, было бы очень хорошо, если бы вы смогли достать хотя бы сто финских марок. Для разной мелочи, на всякий случай...

— Я сейчас. — Коллонтай быстро вышла из вагона и направилась к кассам.

На перроне все еще стояла Смирнова с сыновьями. Но теперь вместе с ними был отец — небольшого роста, в кожаной тужурке, с бородой, на боку висел маузер. Мальчики с гордостью смотрели на отца.

— Вот, Аня, вроде и все... Деньги, билеты я тебе отдал... Ну, мальчишки, смотрите: уговор дороже денег — мать не изводить, отдыхать как следует, вести себя примерно. Брата своего, Шурка, не бей, он старше тебя, и ты его должен уважать, а ты, Сергей, не будь рохлей: ударит — сдачи дай, ты же старше...

— Петя... — остановила его жена.

— А еще лучше — совсем не драться. Выполните все — в следующие каникулы останетесь в городе, научим вас стрелять.

— Петя... — снова сказала жена.

Они поднялись в вагон. Прибежала обратно Коллонтай.

— Вот, Владимир Ильич, — протянула она Ленину деньги, — немножко меньше ста...

— Спасибо, Александра Михайловна, вы нас выручили... Так, значит, в лесу охотиться можно? И зайцы там есть? — прищурив один глаз, Ленин весело, с хитрецой смотрел на Коллонтай.

— За зайцев не ручаюсь, но белки есть наверняка.

— Ну, белок стрелять — это детская забава.

— Лишь бы только Володя не просидел все дни у письменного стола, — сказала Крупская.

— А там и в комнате воздух чище, — отпарировал Ленин, — но тем не менее даю слово: буду гулять!

Раздался звонок. Коллонтай стала прощаться.

— До свидания, Александра Михайлов-

на, — пожал ей руку Ленин. — Спасибо вам, что выгнали меня... А вот эту записочку, — он вырвал из блокнота листок, — передайте, пожалуйста, Якову Михайловичу. Тут кое-какие мысли о Бресте.

Вагон покачивало. Шурик и Сергей лежали на верхней полке. Сергей читал газету, а Шурка, подперев голову руками, смотрел на проплывающие в окне дачные места Петрограда.

Сережа толкнул брата и сказал:

— Слушай! «Обращение к населению Петрограда. Постановлением Петроградского Совета, а также его солдатской секции в городе Петрограде утверждается осадное положение в связи с появлением вражеских цеппелинов, а также участившихся случаев погромов продовольственных складов безответственными элементами».

— Ну вот, — тяжело вздохнул Шурик, — а мы уехали... Пойдем, Сережка, по вагону, посмотрим что к чему...

Сергей не успел ответить, снизу поднялась мать.

— Ребенок только успокоился, читать лег, — закричала она по привычке, — а ты опять его на хулиганство подбиваешь? Ну, скажи, ради бога, чего тебе от ребенка нужно?

— Ничего мне от ребенка не нужно, — буркнул Шурик, соскочил с полки и с независимым видом отправился в путешествие.

Люди ехали в вагоне самые разные. Солдаты, дымившие махоркой, студенты, несколько попов, женщины с маленькими детьми, какие-то злые господа в шляпах.

Вдруг Шурка увидел Ленина. Обрадовался. Шагнул в купе и сказал:

— Здравствуйте. А мы тоже в «Халилу» едем.

— Да что вы? — Ленин сделал удивленные глаза. — Какие приятные попутчики! А ну, иди сюда! Ты чего ревел на вокзале? Весь перрон слезами затопил...

— Это не я, это Сережка...

— А Сережка почему?

— Из Питера уезжать неохота, — объяснил Шурик. — Нас обещали стрелять научить, а в деревне что? Ничего. Вот и плакали...

— Значит, и ты?

— Немножко, — признался Шурик. — Только я все равно оттуда сбегу. Сережка пусть остается, а я сбегу...

— Ну, одному нехорошо бежать, надо с братом.

— Сережка — рохля, я его луплю все время — не помогает. Как уставится в книжку, так не оторвешь.

— А ты книжек не любишь?

— Люблю. И побегать люблю.

— Понятно. Но все-таки брата бить не стоит. Маленьких бить — это самое последнее дело. Раз ты старше, ты должен оберегать его.

— Так это ж я маленький, — засмеялся Шурик. — Мне десять, а ему одиннадцать. Ой, смотрите, как красиво! — закричал он, показывая в окно.

Сквозь разрыв свинцово-серых туч выглянуло бело-желтое солнце. Косые лучи ударили по городу, раскинувшемуся на плоской равнине. Вздымались вверх белые, позолоченные купола и шпили, а чуть левее — лес огромных заводских труб. Лишь над некоторыми из них струились дымки. За городом, над Финским заливом, низко плыли тучи.

— Действительно красиво, — сказал задумчиво Ленин. — А вот то, что заводы не дымят, — это страшно.

Быстро-быстро замелькали ели, посаженные у самой дороги. Город исчез.

— Ну, я пойду, — сказал Шурик, — я вам еще успею надоесть.

— Ишь ты какой! — рассмеялся Ленин.

— Это мама так говорит. Вообще-то она у меня добрая, просто устала от нас. До свидания...

Шурка ушел, а Ленин продолжал посмеиваться.

— Успеет надоесть, — улыбнулась Мария Ильинична, — это уж точно, я чувствую...

— Ничего, ничего, — ответила Надежда Константиновна, — пусть надоедает. Володя повозится с ними, и голова пройдет.

Они шли по перрону, огромные и неуклюжие в своих шубах. Ветер гнал им навстречу снежную пыль, она залезала под шубы, била в лицо.

— Вот сюда, товарищи, — сказал Рахья, показывая на сани, стоявшие у крыльца станционного домика.

— Мальчишек давайте ко мне, — попросил Ленин.

Они тут же юркнули к нему. Рахья и возница закутали всех шубами, прикрыли пологом.

— Поехали!..

Метель с каждой минутой усиливалась. Ленин полулежал в санях, рядом с ним пыхтели мальчишки. Владимир Ильич с удоволь-

ствием прислушивался к скрипу полозьев, диким завываниям ветра, каким-то односложным выкрикам возницы.

— Страшно, — сказал Сергей.

— А чего страшно? — спросил Ленин.

— Не знаю, — прошептал мальчик, — темно очень...

— Подумаешь, темно! Разве это страшно? Вот если бы волки за нами бежали, тогда другое дело, было бы очень интересно.

— Ой, не надо, дядя Володя. — Сережа сполз куда-то вниз.

— Где волки? — Шурик высунул нос из-под шубы. — Нету ничего...

— Как же нету? — удивился Ленин. — Вон светлячки бегут следом — это волчьи глаза... Смотри — раз, два, три...

— Не видно, снег один... Сережка, вылезай скорее, волки!

— Ну, Сережку теперь уж не найдешь, — смеялся Ленин.

— Да нет же, дядя Володя, — вдруг разочарованно сказал Шурик. — Нет никаких волков, это снег крутится.

— Да не может быть! — пряча улыбку, воскликнул Ленин. — Действительно, снег один... Вот ведь промашка какая!..

— Эй, болтуны, — крикнула им Мария Ильинична, — накройтесь, а то нас всех снегом засыпало!

— Видишь, — сказал Ленин Шурке, — уже попало. Накрывайся, будем по очереди в щелочку смотреть...

Когда они накрылись пологом, Ленин притянул мальчика к себе и сказал:

— Завтра прямо с утра пойдем на финских санках кататься. Пробовали?

— Нет, — ответил Шурик.

— Я вас научу.

Запорошенные снегом сани мчались к далекому, едва заметному в ночи желтому огоньку.

Вся комната была озарена оранжевым блеском солнца. Ленин смотрел на белые стены комнаты, на белые занавесочки на окнах, на всю эту белую, специфически финскую чистоту; прямо в окно тянулась ветка сосны с пухлыми пластами снега. Ильич открыл форточку и жадно глотнул морозного воздуха. Потом быстро надел поверх белой рубашки жилет, сбежал по крутой лестнице вниз, толкнул дверь и вышел на крыльцо. И сразу зажмурился от ослепительно белого снега, сверкавшего и горевшего под солнцем. Куда ни посмотри — везде снежная целина, не видно ни одного следа. Одинокие сосны, бронзовые на солнце, стояли, как часовые, охраняя всю эту великолепную картину. Вдали зеленовато-синими красками темнел лес.

Ильич запрокинул голову и увидел, как с высоких сосен длинными прядями слетал и рассыпался в пыль снег. По соснам прыгала белка. Было настолько тихо, что даже можно услышать, как она шелушит сосновые шишки. Ленин начал делать гимнастические упражнения и не смог продолжать, зачарованный фантастической красотой необыкновенного утра. Он нагнулся, слепил снежок и пустил его высоко в небо. И, радостно улыбаясь, смотрел за его полетом.

Открылась дверь, появилась Мария Ильинична.

— Володя, простудишься!

Он медленно пошел в дом, все время оглядываясь. Поднимался по лестнице он на цыпочках, как будто старался кого-то не разбудить, хотя все уже давно встали. Надежда Константиновна удивленно посмотрела на него.

— Как тебе здесь нравится? — спросила она.

— Не знаю, — шепотом ответил Ленин, — все так красиво, что даже нереально. — И, помолчав, добавил: — Эта красота давит...

Он на цыпочках, пригнувшись, подошел к окну и задвинул занавески.

— Много солнца — будет мешать, — снова шепотом сказал он.

— Что с тобой, Володя? — забеспокоилась Надежда Константиновна.

— А что?

— Шепотком разговариваешь и на цыпочках...

— Шепотком? — удивился Ленин. — Гм-гм... Интересно. Чем-то мне все это гельсингфорсское конспиративное житье напоминает... Помнишь, в седьмом году и перед Октябрем?.. Шепотком, говоришь? Ну-ну. — Быстрым движением он вынул часы, хлопнул крышкой.

— И на часы, как в Смольном, смотришь, а спешить некуда... Вот, Володя, посмотри, я поставила тебе простоквашу, а вернемся из леса...

— Только не сейчас. В лес после обеда.

— Будешь работать? — спросила упавшим голосом Надежда Константиновна.

— Да, — ответил Ленин. — Хочу набросать темы для разработки. Только темы, чтобы не забыть. Справься, пожалуйста, о газетах...

— Рахья поехал на станцию.

Надежда Константиновна прикрыла за собой дверь и сказала Марии Ильиничне:

— Ну вот, сел работать.

Мария Ильинична всплеснула руками, поднялась из-за стола, за которым пила чай, и сказала:

— Надя, мы не можем допустить, чтобы он с утра до вечера просидел за письменным столом. Надо что-то придумать.

Снизу раздался стук в дверь.

— Мальчики пришли.— Мария Ильинична спустилась вниз.

— А мы за дядей Володей,— сказал Шурик.

— К сожалению, дядя Володя сел работать. В другой раз, мальчики...

Мария Ильинична поднялась и застала Надежду Константиновну сидящей за рукописью.

— Надя, ну что это такое? И ты туда же?

— Да на мне две статьи висят,— начала оправдываться Крупская.

— Горе мне с вами,— рассердилась Мария Ильинична.— А ну-ка, марш на улицу! Хоть ты воздухом подыши. Нет, нет, надо что-то придумать...

Стоя спиной к стене, руки в карманах, Ленин насвистывал «Я вас люблю, люблю безмерно» и покачивался с пяток на носки. Потом провел рукой несколько раз по голове — он делал это всегда перед началом работы или выступления — и решительно пошел к письменному столу. Стоя начал что-то быстро записывать.

Потом он побарабанил пальцами по стеклу, резко повернулся и стал ходить по комнате из угла в угол, на цыпочках, насвистывая теперь уже «Смело, товарищи, в ногу». Но вот он перестал насвистывать и начал говорить вполголоса — это была его манера работать.

— Как завоевывать на сторону России Советов другие нации вообще и нации, угнетавшиеся доселе великороссами в особенности? Так. Хорошо. Учет и контроль, как сущность социализма... Хорошо. Волны революции набегают одна на другую не гладко, не равномерно, не по-одинаковому. Не по-одинаковому,— повторил он и, подсев к столу, взялся за листок бумаги. Скоро весь листок покрылся мелкими, убористыми записями.

С улицы раздался шум, голоса Сережи и Шурика. Ленин недовольно покачал головой и закрыл форточку. Он еще раз просмотрел записи и стал черточками, знаками «плюс» соединять их, подчеркивать отдельные мысли.

Шурка и Сережа шли по лесу и палками сражались с маленькими елями и соснами. Оба были в упоении битвы. Сергей все время докладывал брату:

— Уничтожен восьмой резервный полк! Окружена и захвачена вторая баварская бригада! Кончила свое бесславное существование шестая рота его величества императора Вильгельма!

— Генерал,— крикнул брату Шурик и знаками подозвал к себе,— спасибо за службу, генерал!

— А что отвечать?— хлопая ресницами, спросил счастливый Сережа. Но Шурка не успел подсказать брату, послышался хруст снега, рядом кто-то шел.

— Ложись!— крикнул Шурик и плюхнулся в снег. Брат бросился рядом.

— Генерал, — зашептал Шурик, — получаешь боевое задание идти в разведку.

Сережа на четвереньках полез под елку.

— Это дядя Володя,— через минуту сообщил он.

Ленин, Надежда Константиновна и Мария Ильинична остановились посреди полянки и смотрели вверх, на кроны сосен. Над вершинами деревьев дул слабый ветер. Он сбрасывал с ветвей снег. Сотни снежных хлопьев серебрились в лучах солнечного света.

— Нет, не могу я на это смотреть,— сказал Ленин.— Пойдемте. Хочется всякие глу-

пости делать... Да вы поглядите! Видите, вон там совершенно темный, глухой лес. Какая-то тень на него легла, от тучи, наверное... А вон бронзовый, почти красный блеск сосны. И этот свет падает на ели и раскрашивает их... Смотрите, сколько красок, смотрите... И все в белом ореоле. Художников бы сюда. Построить им здесь дом, и пусть пишут. Нет, не могу, пойдемте!

Надежда Константиновна и Мария Ильинична взглянули друг на друга и пошли следом за Ильичем. Но он вдруг остановился и сказал:

— А я ведь, Маняша, читал ту статью, о которой ты мне говорила.

— Ну и как?

— Да видишь ли, это верно, что мудрость приходит со старостью. Но это не значит, что молодой дурак, постарев, станет мудрецом. Тут только одна перспектива: молодой дурак, постарев, становится старым дураком. Вот и автор твой — безнадежный дурак.

Обе женщины рассмеялись.

Сережа вернулся к брату и сказал:

— Домой пошли. Про дураков говорили.

— Про нас?

— Не разобрал.

— Давай обгоним их!

И мальчишки побежали по лесу.

Когда Ленин, Надежда Константиновна и Мария Ильинична подходили к дому, они увидели на скамейке чинно сидящих мальчишек, которые тут же вскочили и в один голос крикнули:

— Здравствуйте!

Ленин, напряженно думавший о чем-то, мельком кивнул им и прошел в дом.

— Обиделся, — сказал Шурик.

— На кого? — спросил Сережа.

— Не знаю, — пожал плечами Шурка. — Сережка! — вдруг перешел он на шепот. — Знаешь что?..

— Что?

— Вон лестница, прямо к его окну. Давай залезем и позовем гулять. Про санки скажем...

— Влетит.

— Ну и что? Только ты лестницу поддержи...

Когда Шурка добрался до середины лестницы, из дома вышла Мария Ильинична.

— Идут! — крикнул Сергей и бросился бежать, но Шурка не успел спуститься.

— Мальчики, да чего вы испугались? — засмеялась Мария Ильинична.

— Мы дядю Володю хотели снова на улицу позвать, — стал оправдываться Шурик. — Он хотел с нами на санках покататься...

— И хорошо! И чудесно! Ему очень полезно быть на воздухе. Вот что, Шурик, — она подозвала мальчика к себе, — вы его вообще почаще вытаскивайте. Он много интересного знает, пусть вам расскажет. Или на каток с ним пойдите. Он вас всяким фигурам научит. Договорились? Только одно условие: о нашем разговоре ему — ни слова! Ладно?

— Ладно, — ответил слегка озадаченный Шурик.

— Ну, лезь, лезь, зови его, — сказала Мария Ильинична и ушла в дом.

Шурка быстро добрался до окна и заглянул в комнату. В комнате были Ленин и Рахья. Сквозь открытую форточку доносилось:

— Надежде Константиновне я все купил. А с газетами плохо, Владимир Ильич. Буран был, пути занесло.

— Жаль, весьма, — тяжело вздохнул Ленин. — Как вас устроили?

— Хорошо.

— Ну, тогда до вечера. Попробую поработать. — Ленин потер виски.

— Снова голова болит? — участливо спросил Рахья.

— Я привык.

Рахья ушел, а Ленин сел к столу. Он поднял голову и увидел Шурика. Лицо у Ленина было такое печальное, усталое, что Шурик, ни слова не говоря, кубарем скатился вниз. Ленин зажмурился от боли, потер виски, потом подошел к окну, прижал лоб к холодному стеклу и закрыл глаза.

Когда он открыл их и посмотрел на двор, все расплывалось. Он вытер глаза и тогда увидел мальчишек, которые бегали друг за другом, играя в снежки.

Он отошел от окна и сел. Но крики со двора мешали сосредоточиться. Владимир Ильич снова поднялся. И вдруг глаза его озорно заблестели; он быстро обмотал шею шарфом, нахлобучил меховую шапку и побежал во двор.

— Дядя Володя! Ура! — закричал Шурка, увидев, как Ильич лепит снежок. И в ту же секунду он получил этим снежком по ноге. — Ага! В атаку на дядю Володю! — крикнул он брату, и град снежков полетел в сторону Ленина. Тот ловко увертывался от снежков, прячась за сосны, и отвечал довольно меткими выстрелами.

— Сережка! В обход! В обход! — кричал Шурик, забрасывая Ленина снежками.

Ленин стоял за деревом и только посмеи-

вался, отвечая снежком на снежок. Но вот Шурка стал отвлекать его, а Сергей медленно, но верно приближался к нему сзади. И в тот момент, когда Сергей уже был готов кинуть свой снежок, Владимир Ильич поймал его и, громко смеясь, стал крутить вокруг себя. Шурка бросился на помощь брату.

— Плен! Плен! — радостно кричали мальчики, обхватив Владимира Ильича с двух сторон.

— Признаю себя полностью побежденным! — хохотал Ленин.

— Дядя Володя, а пошли на каток? — предложил Шурик.

— У меня коньков нет.

— А мы в санатории возьмем. У вас какой размер?

— Сороковой.

Небольшое озеро превращено в каток. Сейчас здесь никого не было, только Шурка с Лениным, взявшись за руки, делали круг за кругом. Сережка пугливо жался к лавочке.

— Сережа! — кричал ему Ленин. — Ну что же ты трусишь? Беги к нам!

Сережа смущенно покачал головой, но потом, видимо, решившись, заковылял к Ленину.

— Держи руку, — сказал ему Владимир Ильич, и они покатили вместе.

— Хорошо, — смеялся Ленин, — хотя и тяжеловато, но старое умение не забывается. Я гимназистом очень этим спортом увлекался. Да уставал после коньков, спать хотелось, стало мешать занятиям, и я бросил. А потом, когда в Сибири был, снова катался. Девятнадцать лет назад. У меня товарищ там неподалеку жил — Глеб Кржижановский, он меня в Минусе разным фигурам научил. Я ретиво учился — даже руку однажды зашиб. Гигантские шаги, испанские прыжки, ну и, конечно, пистолетик... Хотите научу?

— Хотим! Хотим! — закричал Шурка.

— Показать я, пожалуй, сам уже не сумею. Делается это так: разгоняешься, потом приседаешь, а одну ногу вперед. Вот так. Понятно?

— Понятно.

— Ну давай, я подержу тебя...

И они покатили с Шуриком.

— Вот видишь, уже получается. Будешь тренироваться — знатным конькобежцем станешь. Только коньки нужны другие — лучше всего «Меркурий».

— Дядя Володя, пойдемте в лес, — предложил Сережа. — Там очень красиво сейчас.

— Там же холодно! — закричал Шурка, который хотел еще покататься.

— Ну и что же, — улыбнулся Ленин, — а мы костер разожжем.

— Костер? Зимой? — сделал большие глаза Шурик.

— Конечно. Я вас научу. А ну, быстро за спичками, солью и картошкой. Я буду вон там.

Владимир Ильич стоял на опушке леса один. Уже темнело. Он собрал большую кучу хвороста, соорудил основание для костра. В лесу было тихо. Владимир Ильич протоптал тропинку, ходил по ней туда и обратно, думая вслух:

— Сепаратный мир... Его опасность и его возможное значение. Является ли брестский сепаратный мир соглашением — да нет, поставим вопрос острее, — соглашательством с империалистами? Надо исходить из объективной картины: да, мы пойдем на мирное сожительство с империалистами, пойдем, иначе мы существовать не можем, не улетая на луну...

Сверху посыпался снег. Ленин остановился, поднял голову и увидел белку, которая сидела совсем близко и смотрела на него.

— Ты чего смотришь? — спросил Ильич.

Но белка молчала.

— Ты боишься? Я стрелять не буду. Кинь орешков! Ну, поделись, я же знаю, что у тебя их много. Ну, беги тогда, ты мне мешаешь работать! Я тебя больше не задерживаю! — крикнул Ленин белке, и та послушно запрыгала по веткам. Ленин смотрел ей вслед и весело смеялся.

Прибежали мальчишки. Сергей нес картошку, спички и соль. А Шурик тащил пальто.

— Вот, — сказал он, — тетя Надя велела вам надеть, а то замерзнете...

— Спасибо, — поблагодарил Ленин, надел пальто и зажег спичку, — а теперь смотрите...

Он быстро и ловко разжег костер. Оранжевые языки устремились вверх, к небу полетели искры.

— Костер разжечь — это для охотника первое дело.

— А вы охотник? — спросил Шурка.

— Баловался иногда.

— А какое у вас ружье?

— Раньше централка Франкотта была, шестнадцатого калибра. Хорошее ружье. А еще раньше — легонькая берданка... Кладите картошку. Вот так...

— А патроны какие?

— Ну, патроны разные бывают... Я любил медные, фабрики Торбек...

— У папы тоже такие. А пыжи?

— Пыжи — это ненужная роскошь. Можно и газетную бумагу использовать. Картошку кладите поглубже, в угли ее закопайте...

Ленин посмотрел на поляну и замер: по поляне бежала лисица.

— Глядите — лиса!

Мальчишки открыли рты, зачарованно следя за лисой.

Она остановилась, посмотрела на костер и побежала дальше.

— Эх, ружьишко бы! — с досадой воскликнул Ильич.

— Дядя Володя, — вдруг закричал Шурик, — пойдемте завтра на охоту! У директора ружье есть, он даст, честное слово!

— А лыжи? — спросил Ленин.

— И лыжи там есть. И даже маленькие, на нас с Сережкой, только без креплений.

— Ну, это самим сделать можно, — заметил Ленин.

— И сделаем! Пойдемте завтра?

— Нет, завтра никак! А вот послезавтра — пожалуй. Только с одним условием: до четырех часов, пока я работаю, должна быть абсолютная тишина, чтобы я вас не слышал. Идет?

— Идет, — кивнул Сергей.

— Это нам Мария Ильинична велела вас после часа на улицу вытаскивать, — сказал Шурик. — А мы теперь будем после четырех!

— Мария Ильинична? — улыбнулся Ленин. — Ах, вот как!

— Дядя Володя, — спросил Сережа, — а мне дадите стрельнуть?

— Так ты же боишься всего!

— Я постараюсь не бояться, вот честное слово!

— Ну, если только постараешься... — хитро улыбнулся Ленин. — Итак, ребята, уговор дороже денег: вы тишину, а я охоту. А после охоты — санки. Обязательно.

•

На следующий день с самого утра Шурка и Сергей, вооруженные дубинками, которые они носили, как ружья, на плечах, ходили по территории санатория и устанавливали тишину.

В беседке под стук костяшек домино шел спор. Спорил рабочий с раненым солдатом:

— Нельзя с немцем замиряться, раз он нашу землю требует! Двойку клади.

— А ты на фронте был? Тебя вша жрала? Дуплет!

— Ты мне вшой не тыкай! Мы в тылу этих вшей навидались. Я только так скажу: или справедливый мир и никаких аннексий, или война. Пятерочка.

— А кто воевать будет? Ты подумал? На заводах пусто, работы нет, народ по деревням разошелся, жрать нечего, вон по осьмушке здесь, в санатории, давать стали, а в городе что?

— Тише! — сказал им Шурик. — Или подложите что-нибудь мягкое, чтобы не стучало.

— А что такое?

— Распоряжение директора.

Мимо домика Ленина мальчики шли на цыпочках, поглядывая на окна и не разговаривая друг с другом. У ворот они остановили двух женщин, которые хотели пройти здесь через территорию санатория.

— В обход, — сказал Шурик.

— А что такое?

— Распоряжение директора.

Женщины покачали головами и пошли в обход.

Мальчики уселись на скамейке возле домика и стали смотреть в окна; им очень хотелось увидеть Ленина, чтобы он похвалил их за тишину. Но Ленина в окнах не было. В окнах было голубое небо с мелкими белыми облачками и гигантские сосны.

Шурке надоело сидеть без дела, и он что-то промычал брату. Тот не понял и замычал в ответ. Шурка показал знаками, что пойдем, мол, дальше. Сергей согласился, но в этот момент к ним подошли Надежда Константиновна и Мария Ильинична.

— Мальчики, что ж вы? — ласково спросила их Мария Ильинична. — Уже много времени, а вы к дяде Володе не идете. — Она показала на лестницу. — Мы же договорились с вами.

— Нет, — шепотом ответил Шурик, — мы ему мешать не будем. До четырех часов полная тишина. И вы тоже, пожалуйста, потише, а то слышно.

Мальчики пошли дальше.

— Ну, вот видишь, — засмеялась Крупская, — обвел он нас вокруг пальца.

Наконец мальчишки пришли на хозяйственный двор. Здесь было довольно шумно. Из сараев доносилось кукареканье, похрюкиванье.

— Поросята, — сказал Шурка. — Пойди, Сережа, успокой их, а я курочек.

Они разошлись по сараям, но через некоторое время Сергей прибежал за Шуркой.

— Они не слушают! — закричал он. — Я им говорю, а они свое: хрю-хрю, хрю-хрю...

— Сейчас мы с ними по-другому поговорим. — Шурка решительно направился в сарай к поросятам.

Буквально через секунду территория санатория огласилась диким визгом поросят и воплями мальчишек:

— Лови! Лови его! Бросайся! На меня, на меня гони! За ноги его!

Владимир Ильич, привлеченный шумом, подошел к окну и рассмеялся. По двору носились свиньи. Мальчишки бросались на поросят, но те каждый раз успевали вырваться.

— Вот, — Мария Ильинична вошла в комнату и укоризненно посмотрела на брата, — попросил мальчиков богу молиться, а они и лоб расшибли.

— Но ведь ты их тоже, кажется, о чем-то просила?

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Ильич вынул часы, щелкнул крышкой.

— Ничего, уже можно шуметь, — двадцать минут пятого. Сейчас мы с ними крепления на лыжах будем делать, а завтра на охоту.

— Хочется? — спросила Мария Ильинична.

— Очень.

Владимир Ильич шел к главному зданию санатория. По пути он встретил Рахья.

— Ну что, Эйно Абрамович? — спросил Ленин.

— Ничего, Владимир Ильич. Три часа я там просидел — ни одного поезда. Потом сообщили, что сегодня опять поездов не будет. Туда идут.

— М-да, — сокрушенно покачал головой Ленин, — без газет — это трагедия...

— Но, Владимир Ильич, если в Питере что случится, вас телеграфом вызовут...

— Я понимаю...

— А там все спокойно. Вы не волнуйтесь!

— Я не волнуюсь, — ответил Ленин и зашагал дальше.

Шурка у крыльца демонстрировал свое мастерство.

Хорошо держит, — сказал Ленин, проверяя крепление. — Ну-ка, попробуй резко повернуть...

Шурка разогнался и сделал лихой поворот, но не удержался и упал. Нога выскочила из валенка, а лыжа с валенком отлетела в сторону. В этот момент Ленин увидел, что нога мальчика была обернута, как портянкой, газетой. Он стремительно бросился к Шурке.

— Не ушибся? — Глаза его были уже прикованы к газете.

Он поднял Шурку на руки и принес в гостиную. Следом шел Сережка с лыжами.

Да что вы, дядя Володя? — смеялся Шурик. — Это же пустяковина, а крепления хорошие...

— Это что за газета? — спросил Ленин, снимая ее с ноги мальчика. — А, за двадцать четвертое! Читал, читал...

— Это папа нам купил на вокзале, чтобы заворачивать, — ответил Сережа, — у нас еще есть...

— Да неужели? — Глаза Ленина загорелись. — А ну, неси сюда.

Он разглаживал и просматривал газеты, снятые с ног Шурика.

— Так, так, так. Ну, это «Новая

жизнь» — лучшего применения она не заслуживает... В сапоги ее! В валенки! А вот это совсем хорошо, — он схватил пачку газет, которую принес Сережа, — гм-гм... тоже старые, но все равно интересно...

— Шура! Сережа! Спать! — позвала мать мальчиков.

— Спокойной ночи, дядя Володя!

— До завтра, дядя Володя! Завтра мы всех лисиц и всех зайцев перебьем! — провозгласил Шурик.

— Обязательно! — засмеялся Ленин.

— Мы лыжи здесь, у крыльца, оставим, — сказал Сережа.

— А я газеты здесь, — Ленин показал на рояль. — Спокойной ночи.

Мальчики ушли.

Ленин углубился в газеты, но вдруг поднял голову, посмотрел в окно, аккуратно сложил газеты, надел пальто и медленно вышел из подъезда. Все так же медленно он пошел к своему домику, но с середины дороги заторопился, пошел быстрее, а к себе наверх, где сидели за чаем Мария Ильинична и Надежда Константиновна, он почти взбежал.

Крупская обеспокоенно посмотрела на его взволнованное лицо.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего, — покачал головой Ильич, сделал несколько шагов по комнате, потрогал рукой занавески на окне, щелкнул крышкой часов и вдруг решительно сказал:

— Надя, Маняша, мы завтра уезжаем.

— Что? — поднялась Крупская.

— А как же отпуск? — спросила Мария Ильинична.

— Потом, все потом! Завтра же в Питер!

— Володя, но так нельзя! — заговорила Надежда Константиновна. — Опять головные боли, опять бессонница, отпуск еще не кончился...

— Кончился, кончился, — весело сказал Ленин.

— Но ведь нельзя же безжалостно жечь себя с двух сторон!

— Все жгут себя, Надя, время такое...

— Но пойми, то, что ты здесь сейчас делаешь, гораздо важнее для революции, чем твои вермишельные дела.

— Никто, Надя, не знает, что важнее для революции. И потом — там не только вермишель. Там...

— Володя, — вступилась Мария Ильинична, — но ведь ты не докончил свои статьи, в оборот ты сейчас их пустить не можешь, а может быть, они принесут громадную пользу, гораздо бо́льшую...

— Знаешь, Маняша, — перебил ее, улыбнувшись, Ленин, — опыт революции гораздо приятнее и полезнее проделывать, чем писать о нем. Успею еще, будет время...

И обе женщины поняли, что спорить бесполезно.

●

Рано утром, почти в полной темноте, они садились в сани, которые стояли у крыльца главного здания. Когда Ленин с саквояжем в руке подошел к саням, он увидел три пары лыж у крыльца и сразу все вспомнил.

— А мальчики? — сказал он.

— Еще спят, Владимир Ильич, — ответил Рахья, — только шесть утра.

— Я не могу ехать, я должен подождать, пока они проснутся.

— И так опаздываем, Владимир Ильич, — сказал Рахья.

Ленин смотрел то на темные окна, то на сани, то на лыжи. Он не знал, что делать.

— Я обещал им, — сказал он окружающим.

Но все вокруг молчали. Наконец Рахья сказал:

— Может быть, вечерним поедем?

— Павел Васильевич, — Ленин шагнул к одному из провожавших, — огромнейшая просьба: выручите меня — сходите с ними на охоту!

— Владимир Ильич, я бы с удовольствием, но я не умею охотиться!

— Эх, — Ленин досадливо махнул рукой и пошел к саням, но вдруг обернулся и крикнул: — Тогда скажите им правду, они поймут!

Сани тронулись. Ленин еще долго смотрел на санаторий, он видел крыльцо, провожающих его товарищей и три пары лыж.

●

На следующий вечер Ленин сидел в своем кабинете в Смольном. Собирались наркомы. Вот-вот должно было начаться заседание Совнаркома. Когда пришла и заняла свое место Коллонтай, Владимир Ильич передал ей записку и конверт. Она развернула записку и прочла:

«Посылаю вам с благодарностью и в полной сохранности шубы из инвентаря вашего наркомата. Они нам очень пригодились. Нас захватила снежная буря. В самом «Халила» было хорошо. Финских марок вам пока не посылаю, но я приблизительно подсчитал, что составляет это в русских деньгах, то есть

83 рубля. Их и прилагаю. Знаю, что у вас неважно с финансами. Ваш Ленин».

Коллонтай подняла глаза на Ленина и кивнула ему. У Ленина был такой же усталый, измученный вид, как и пять дней назад. Но вот уже все наркомы собрались. Ленин встал и, пытаясь бодрой улыбкой скрыть плохое самочувствие, сказал:

— Итак, из дальних странствий возвратясь, откроем очередное заседание Совнаркома. На повестке у нас опять тридцать два вопроса, даже вермишельная комиссия не помогла. Ну, что ж, военные дела — самые главные сегодня. Пожалуйста, товарищ Крыленко, имеете семь минут.

Крыленко встал, раскрыл папку.

— На последнем заседании в Бресте немцы предъявили нам наглый по форме и по содержанию ультиматум, — начал он. — Это значит, что долгожданный мир снова отодвинулся от нас. А армии у нас практически нет.

За окном кабинета было темно. Падал пухлый белый снег. Он укутывал землю, штабеля дров, пушки, пулеметы, деревья в саду. Ветви стали белыми и пушистыми. Но даже сквозь них, сквозь этот сказочный орнамент, виднелся горевший десятками окон, работающий и днем и ночью Смольный, штаб Революции.

БЕРЕЗКА

Ник. МЕРЕЖНИКОВ

На заре
Зеленую березку
На краю весеннего села
Полоснул ножом своим подросток
Мимоходом,
в шутку,
не со зла.

Может быть, с сегодняшнего утра
Ей не встать бы,
сбитой наповал,
Только кто-то, ласковый и мудрый,
Рану у нее забинтовал.

И ушел,
Оставшись безымянным,
Доброглазый этот человек...
Затянуло время злую рану,
К солнцу новый вскинуло побег.

И огонь ликующе зеленый
С той поры в ветвях ее не гас.
Очень уж хотелось
знать спасенной:
Кто ее от смерти верной спас?

И тянулись ветви в час затишья
Каждого потрогать из ребят...
Не тебя ль береза эта ищет?
Очень жаль...
Я думал, что тебя.

Вымпел «Чайки» летит по стране

О. ТИХОМИРОВ

Фото А. Бянкина.

АШХАБАДСКИЙ АЭРОПОРТ! Сколько здесь интересного: и серебристые лайнеры на взлетных дорожках, и пестрые вертолеты, и самоходные трапы!

Дует ветер, треплет галстуки на груди у ребят. Они волнуются. То и дело смотрят вверх и прислушиваются: не летит ли? Ребята в парадной форме, и в руках у них букетики горных цветов.

Сегодня в Ашхабаде похолодало. Еще днем было 17 градусов, а уже к вечеру стало восемь. В горах выпал снег. И тем не менее пионеры не захотели надевать пальто.

— Летит! Летит! — закричали все.

— Кого встречаете? Кто летит? — спрашивает старик туркмен и щиплет бородку.

— Вымпел!

ЧТО ЗА ВЫМПЕЛ? Он очень простенький с виду. Алый, как и пионерский галстук. На нем пятиконечная звездочка, серп и молот. И все же это не обыкновенный вымпел. Вместе с Валей Терешковой он облетел 48 раз нашу планету.

А теперь вымпел снова в пути. Его путешествие и на этот раз очень и очень интересное. Он идет по городам и селам наших республик, и вручают его самым достойным пионерским дружинам и отрядам.

2 октября 1963 года началось Всесоюзное соревнование на лучший пионерский отряд. Валентина Николаева-Терешкова дала пионерам такой наказ: «Учитесь хорошенько, преодолевайте трудности, помогайте тем, кто попадает в беду. Боритесь за каждого пионера. Заботьтесь о малышах — это ваш долг. И еще совет: не огорчайте своих мам. Они очень любят вас и хотят видеть вас хорошими. Будьте такими!»

Много пионерских отрядов в нашей стране. Вымпел «Чайки» присуждают лишь лучшим из лучших. Он остается у них на несколько часов, а потом ребята передают его другому отряду-победителю. Вместе с вымпелом путешествует большой и тяжелый альбом — «Эстафета пионерских дел». Сколько интересного рассказано на его страницах!

— Здравствуй, Туркмения! Мы привезли тебе вымпел.

ВЕЗДЕ за высокую честь получить вымпел-эстафету долго и упорно соревновались отряды. Казахские пионеры из четвертого «А» чимкентской школы № 8 сложили песню о своем классе. Заканчивается она так:

Есть мечта у всех ребят:
Чтоб гордилась школа,
Пусть получит наш отряд
Вымпел Терешковой.

И не зря они это пели. Их отряд не только завоевал вымпел, но и получил почетное право передать космического посланца в соседнюю республику — Узбекистан.

А где еще погостил вымпел? Он уже побывал на Украине и в Белоруссии, в Прибалти-

ке и Ленинграде, в Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджане.

Но ведь его ждут с нетерпением и в других местах нашей Родины. И вымпел спешит — торопится к своим новым, пока еще неизвестным друзьям. 19 мая он должен закончить свой путь. Поэтому вымпел перевозят на самолетах. Нельзя терять ни минуты.

Ну, а сейчас самолет с вымпелом Космонавта-6 прилетел в Туркмению. И ребята (помните?) уже встречают его в Ашхабадском аэропорту.

Их четверо — посланцев узбекской пионерии. Взволнованность этих ребят понятна каждому: еще несколько шагов, и вымпел будет у других.

Вот он — долгожданный «ИЛ-18»! Подруливает. Останавливается. Постепенно замирают четыре его винта.

Две девочки и два мальчика нерешительно сходят по трапу. «Узбекским друзьям пионерский привет!» — кричат ашхабадские школьники. И сразу же на лицах гостей засветились улыбки.

Все идут к автобусу и там знакомятся, узнают все друг о друге. Вымпел привезли Нелля Пак, Соня Пигарёва, Ларик Ким и Максет Сапаров. Они прибыли сюда из Чимбайского района. Над горами, полями и пустынями пролетели они около двух тысяч километров.

— Ваш класс дружный? — спрашивают у гостей.

— Сейчас дружный, — отвечает Нелля. — А в прошлом году мальчишки с нами дрались.

— Совсем немножко дрались, — вмешивается Максет.

Все смеются.

За окнами мелькают ашхабадские улицы, а из автобуса несется звонкая песня «Пусть всегда будет солнце». Незаметно доехали до театра имени Молланепеса.

На широкой площади перед театром уже все готово к торжественной линейке. Духовой оркестр Дворца пионеров заиграл марш. Потом в наступившей тишине четко звучат рапорты. Недвижно стоят, равняясь на красные знамена, отряды-победители и городской пионерский актив. Космический вымпел и альбом-эстафета вручены.

КОГО ЖЕ НАГРАДИЛИ переходящим вымпелом? В Ашхабаде таких отрядов-победителей три. Познакомимся поближе с одним из них. Давайте зайдем в школу № 28.

Здесь в пионерской дружине тринадцать отрядов. «Кораблей, а не отрядов», — поправили бы меня ребята. Потому что вместо дружины у них флотилия, вместо отрядов — корабли, вместо отрядного дневника — вахтенный журнал. Ну и все прочее в таком же флотском духе.

В соревновании за лучший пионерский отряд отличился — занял первое место в районе — корабль шестого класса «Б». Он носит имя Юлиуса Фучика. Командир здесь Валя Михайлова.

Главная задача экипажа — учиться на совесть. Чтобы узнать, как ребята справляются с этой задачей, посмотрим на карту «Море чудесных дел». (Без карты нельзя. В рейс без нее не отправишься.) В центре моря — корабль «Отличник».

А хорошо ли идет служба на корабле?

...Однажды радист принял тревожные сигналы: «SOS!.. SOS!.. SOS!.. Таня Обухова заболела. Она может отстать в учебе». На

выручку Тане спешит «скорая помощь» — отличники. Долго болела Таня. Но каждый день к ней ходили ребята, объясняли новое, вместе с ней готовили домашние задания. Сейчас Таня снова на борту корабля. Учится она хорошо.

Как-то плыл корабль по морю и вдруг сам по себе сбавил ход. Что такое? Впереди остров, а на нем кто-то лежит-полеживает, на солнышке загорает. Впередсмотрящий Нуры Кульмурадов схватил подзорную трубу. Смотрит... Ба! Да ведь это же «Остров Лентяев». А там валяется на песочке Вовка Татарников. Нельзя оставлять его на острове. Подхватили Вовку с собой и на полных парах прочь от этого острова.

Есть на корабле — ничего не поделаешь! — и гауптвахта. Это первая парта, оклеенная белыми полосками бумаги. Частенько здесь сиживал Толя Кучеров. И было за что. Все идут прочищать арык в школьном саду (в нем 136 фруктовых деревьев и виноградник — более ста кустов), а Толя убегает домой. Галстук всегда в кармане носил, повязывал его лишь на линейках. Иностранный язык совсем не признавал. Зачем, мол, он мне нужен? Как взялись за него ребята всей команды! Стал меняться Кучеров. Даже английский язык полюбил. Не совсем еще, правда. Но все же...

Веселые моряки живут на корабле. Больше всего они любят балет. Шестнадцать человек из шестого «Б» занимаются в балетной студии Дворца пионеров. Их выступления с удовольствием смотрят и шефы — работники обувной фабрики и подшефные — воспитанники детского сада № 15.

Спорт? Им занимается весь экипаж корабля. Команда заняла второе место по школе в пионерском четырехборье. Результат говорит сам за себя. Ведь в целом флотилия очень спортивная. Одних кубков 18, а грамот около сотни — считали, но даже со счета сбились.

Космический вымпел был вручен кораблю в воскресенье, 8 марта. А еще накануне мальчишки поздравили своих одноклассниц. Кроме открыток с поздравлениями, они подарили девочкам букеты подснежников. Мальчишки втайне от всех отправлялись собирать их в горы.

...Склонились над альбомом-эстафетой черные и русые головы ребят из команды этого славного корабля. О многом нужно вспомнить. Ведь они рапортуют Космонавту-6.

Скрипят перья, ложится акварель на листы альбома, приклеиваются фотокарточки. А завтра космический гость улетит из Ашхабада. Эстафета продолжается.

Салют тебе, вымпел!

Счастливый у тебя путь!

Елун ачык болсун тебе, вымпел!

И о чем-то веселом тоже стоит написать в альбом. Так считают пионеры отряда имени Юрия Гагарина ашхабадской школы № 23.

ВСЕМ РЕБЯТАМ!

СРОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВЫМПЕЛА «ЧАЙКИ» ЗАКАНЧИВАЕТСЯ. ОН ОБЛЕТЕЛ ВСЮ СТРАНУ И ПРИБЫВАЕТ В МОСКВУ. ВЫМПЕЛ-КОСМОНАВТ К РАПОРТУ О ПИОНЕРСКИХ ДЕЛАХ ГОТОВ!

ВЕСНА

Н. АЛЛАХВЕРДОВА Рисунок П. Кузьмичева.

Сегодня настоящая весна. Мама расклеила и распахнула окно. На нашем втором этаже стало слышно, что делается в переулке. Засвистел кто-то.

— Послушай-ка, Фаида, какой свистун,— сказал дедушка. Дедушка очень старый, давно уже не встает с постели. Я взобралась на подоконник и выглянула.

Внизу, опираясь о стену дома, стоял и свистел мальчишка. Я смотрела сверху, а мальчишка стоял внизу, свистел и смотрел на небо. Переулочек у нас узенький, можно дотянуться рукой до балкона противоположного дома, мальчишке пришлось очень сильно закинуть голову — так, что макушка касалась стены.

Он сразу увидел меня. Все получилось так неожиданно. Удивленным свистом оборвалась песня, и я спрыгнула с подоконника.

Тогда мальчишка свистнул как-то особенно, будто попросил, чтобы я выглянула еще. Но я посмотрела на дедушку и не выглянула. Мальчишка опять пронзительно свистнул, на этот раз нетерпеливо: «Эй ты там, лохматая, чего не показываешься?» А я отошла от окна и села за уроки.

Смотрю, дедушка приподнял голову и тоже свистнул. Сердито у него получилось и весело. Не думай, мол, что ты в этом мире один умеешь свистеть. Я вот, например, тоже умею.

«Ого, ты свистеть умеешь? Интересно, кто ты такая? Давай выглядывай! Слышишь? Живо!» — теперь уже требовал свист снизу.

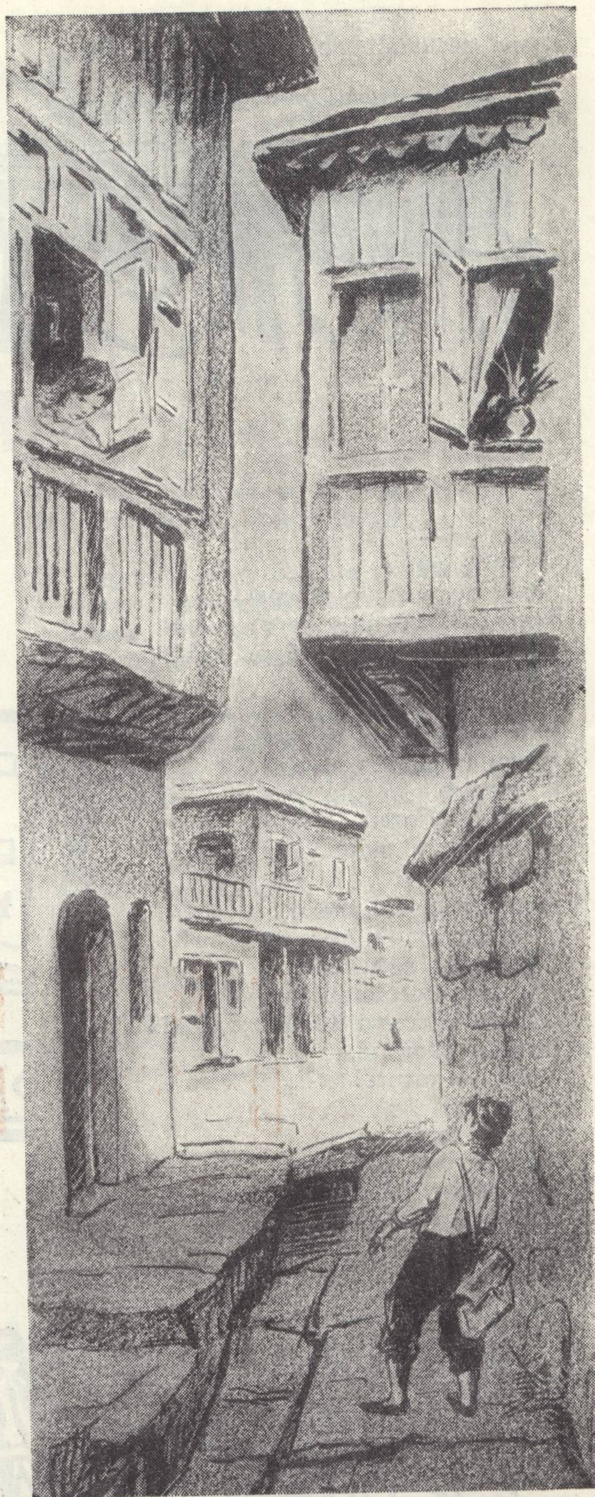
«А вот и умею, чем я хуже тебя»,— ответил дедушка.

Мальчишка умолк, а потом стал насвистывать какую-то песню, протяжную-протяжную. Наверное, откинул сильно голову и смотрит в небо. Оно голубое, все в легких облачках, плывущих медленно, как песня за окном. Дедушка больше не отвечал мальчишке. Он опустил голову на подушку, лежал и слушал. Лицо у него было гладкое, совсем без морщин.

Мальчишка просвистел свою песню. Помолчал. И вдруг как крикнет:

— Эй, ты, что, тебе трудно выглянуть? Ты оглохла? Да? Или просто сдаешься? Как я, свистеть ты все равно не сможешь.

Я молчала.

— Эй, попробуй хоть! — крикнул мальчишка опять.

— Нет, так я не смогу,— тихо сказал мне дедушка.

Эмма МОШКОВСКАЯ

Рисунки А. А. Кокорина.

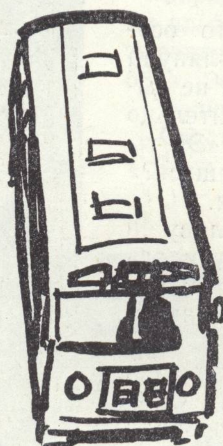

Автобус

Автобус —
уютный дом.
Каждому можно пожить в нем!
Как весело окна у него светят!
И он всегда куда-нибудь едет!
И все садятся,
чтобы кататься.
Сколько людей туда забирается!
Люди катаются,
а заодно
едут с работы
или едут в кино...

И все берут билеты,
и брякают монеты,
и говорит водитель,
как громкоговоритель:
«Зеленые горы! Кому сходить?»
Кому — сходить,
а ему — катить!

Где-то люди
ждут его в очереди.
Подождут
и войдут по очереди...

Ёсли ветер,
если мороз —
автобус приехал
и всех увез!

Снаружи мороз,
а внутри тепло,
только запотело стекло...

Город снаружи
как будто черный,
едет автобус
весь освещенный!

Автобус,
как он спешит по утрам!
Он по утрам
приезжает к нам.
У меня еще сон,
и вдруг чей-то бас...
Это он!
Он зовет нас:
— Скорее! Кто хочет? Всех
прокачу!

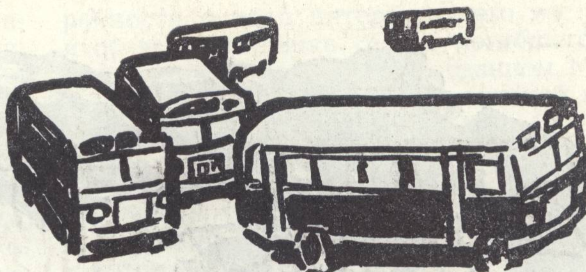
— Я
очень хочу!

Катит автобус
до самого круга...
Шофер,
какого везешь ты друга!

Я тоже буду вставать спозаранку!
Я тоже буду крутить баранку
и громко фырчать
перед светофором.
Шофер!
Я тоже буду шофером!

Я буду мчаться
и тормозить,
я когда-нибудь буду тебя возить!..

Ты войдешь с передней площадки,
стянешь вязаные свои перчатки
и будешь считать свои денежки,
всякие там монеты...
А я скажу тебе: — Дедушка,
теперь у нас без билетов!

ДОМИК

Жил на свете один человечек.
И пошел человечек гулять,
И нашел он двенадцать дощечек,
И решил себе домик собрать.

И сложил он сначала крылечко,
Чтобы каждый войти к нему мог!
К сожаленью, тому человечку
Не хватило на стены досок.

Небо крышу ему подарило,
И стеной был кудрявый лесок:
Ничего, что ему не хватило,
Не хватило на стены досок.

По утрам к нему солнце входило,
Выпивало росистый квасок.
Хорошо, что ему не хватило,
Не хватило на стены досок!

И пришли к нему птицы и звери,
Майский жук заглянул на часок...
Хорошо, что на крепкие двери,
Не хватило на двери досок!..

ДНИ

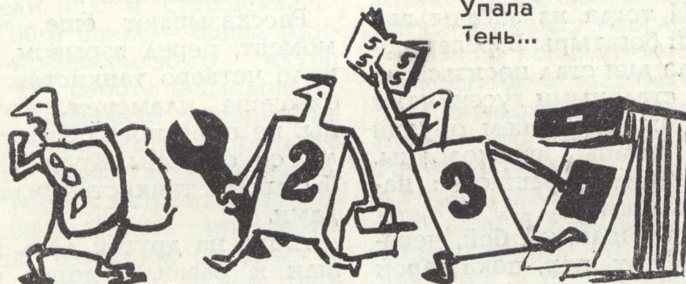
Надо мной
Проходят дни.
День за днем
Идут они.

Вот плетется День Ленивый,
Неумытый, некрасивый...

Вот
Шагает
День
Труда —
Свежий,
Бодрый,
Как всегда.

Вот несется
День Удач,
День Удач
Несется вскачь!

А про этот
Не скажу.
Я его
Не разгляжу.
Мне не видно
Этот день.
На него
Упала
Тень...

Пылающий танк

Игорь КАРШАКЕВИЧ

Рисунки П. Кирпичева и М. Самсонова.

По следам героической легенды

Это необыкновенная, почти фантастическая история. Произошла она, как говорят, во время Великой Отечественной войны, а точнее, летом 1941 года, когда фашисты ворвались в Минск. Ее знают многие жители белорусской столицы. И вот что рассказывают.

Одна наша воинская часть, отступая из Минска, оставила в засаде свой самый грозный и могучий танк. Он был укрыт в каком-то садике на западной окраине. Там отважный экипаж дожидался условленного часа.

Когда гитлеровцы стянули в город свои главные силы, чтобы начать наступление на Смоленск и Москву, этот час пробил. Все улицы и переулки были забиты фашистскими танками, артиллерией, колоннами автомашин. И тогда из засады вышел краснозвездный богатырь. Взревев мотором, он среди бела дня стал носиться по улицам. Тяжелыми стальными гусеницами давил вражескую технику, огнем орудий сокрушал склады, штабы, автоколонны. Неисчислимое множество фашистов нашло себе в тот день могилу.

Долго ли длился невиданный бой, неизвестно. Наверно, до тех пор, пока герои не истратили бо́льшую часть снарядов. Тогда стальной богатырь помчался по центральной Советской улице на восток, к своим. Уже была близка окраина города... Еще немного, и танкисты вырвались бы из вражеского окружения. Но то ли они не рассчитали запасов горючего, то ли снарядов совсем не осталось, а может быть, опомнились от ужаса и пришли в себя фашисты. Только возле Комаровского рынка врагам каким-то образом удалось поджечь танк. Но и тогда он некоторое время мчался огненным вихрем вперед, уничтожая разбегавшихся гитлеровцев... А потом он замер в самом конце Советской улицы, около развилки дорог. Он пылал, а из его башен (говорят, что их было несколько) отчетливо доносилось пение «Интернационала».

Рассказывают еще, что в последний момент, перед взрывом, из башни выскочило четверо танкистов. Их одежда была охвачена пламенем. Автоматчики-эсэсовцы, не смея приблизиться, стреляли издали, со стороны Красной улицы. И будто бы двоим танкистам удалось уйти огородами.

Лишь на другой день гитлеровцы подошли к развилке дорог, где гордо возвышался мертвый, но непобежденный совет-

ский танк. Возле него, сжимая в обгоревших руках револьверы, лежали два убитых танкиста. Тела еще двух героев были обнаружены внутри боевой машины.

Кто же были они? Удалось ли тем двоим уйти от врага?

Долгое время история о пылающем танке считалась выдумкой, легендой. Правда, тысячи минчан видели около Комаровского рынка большой сгоревший танк. Но никто не связывал его с героической легендой: по виду он был не похож на советские танки, и его считали немецким. В 1946 или 1947 году этот танк был разрезан автогеном на части и отправлен на завод как металлолом.

Лишь несколько лет спустя об этом пожалели. У кадровых танкистов историки, интересовавшиеся легендой, узнали, что сгоревшая машина никогда не принадлежала фашистам. Это был советский танк «Т-28», который перед войной состоял на вооружении Красной Армии. Он имел три боевые башни: одну, центральную, с 76-миллиметровой короткоствольной гаубицей и пулеметом и две передние, боковые,— пулеметные. Карбюраторный двигатель работал на авиационном бензине, танк был огнеопасен, маломаневрен и поэтому не получил распространения.

Так, может быть, легенда о пылающем танке основана на достоверном событии? Исследователи начали искать очевидцев. И что же, они нашлись!

Сомнений уже не было: история о танке не выдумка, а героическая быль. Оставалось упорно и настойчиво разыскивать тех, кто почти двадцать три года назад совершил необыкновенный подвиг.

Задача оказалась нелегкой. Ведь очевидцы не знали ни имен героев, ни номера воинской части, которой принадлежал танк. В военных архивах никаких сведений об этом эпизоде не сохранилось. В поиски включились преподаватели-историки, научные работники, журналисты и комсомольцы. Были среди них и старшеклассники 40-й, 47-й и 66-й школ — члены минского историко-краеведческого клуба «Юный патриот». Но работа исследователей-добровольцев несколько месяцев не приносила результатов. Тогда призвали на помощь газеты, радио и телевидение.

В белорусский Музей истории Великой Отечественной войны стали приходить письма. Среди них однажды оказался и голубой конверт с запиской. В ней говорилось: «Могу сообщить некоторые подробности о ходе интересующего вас боя и об экипаже танка «Т-28», погибшего на Советской улице в оккупированном Минске 3 июля 1941 года». Под запиской подпись: Дмитрий Малько.

И вот мы с ребятами из клуба «Юный патриот» в маленьком домике на Ключевой улице у Дмитрия Ивановича Малько и его жены Раисы Васильевны. Волнение, с которым мы шли сюда, нас не обмануло. Да, Дмитрий Малько был живым героем, которого мы искали! Он бывший механик-водитель танка «Т-28», один из шестерых членов легендарного экипажа!

Уже бывалым боевым танкистом приехал в Белоруссию комсомолец-сержант Малько. Были позади необозримые степи Монголии, Халхин-Гол, где он бил японских самураев в прославленной танковой бригаде. Были атаки быстроходных танков «БТ» на позиции немцев, итальянцев, марокканцев в Испании.

И вот в начале 1941 года—сверхсрочная служба в Минске, на складе наркомата обороны. Опытному танкисту-механику поручили хранить запасные части к военной технике. Их в любую минуту могли потребовать подразделения, стоящие у западной границы.

В конце мая склад получил с ремонтной базы бронеавтомобиль и танк «Т-28». Малько и его помощники проверили машины, густо смазали их солидолом и поставили в хранилища.

А 27 июня, когда Минск горел после жестокой фашистской бомбардировки, из ворот склада на Могилевское шоссе выходили груженые автомобили. С ними должны были уехать и Дмитрий Иванович с Раисой Васильевной.

Начальник склада, комиссар и Малько еще раз осмотрели хранилища, чтобы ничего ценного не оставить врагу. Как ни тяжело, но командиры решили сжечь танк. Малько запротестовал. Он взялся один, без экипажа, угнать машину на восток. Комиссар не возражал. Он приказал выдать сержанту последние два десятка патронов, которые имелись в караульном помещении, и раздобыть авиабензин.

В последний раз сели вместе снаряжать пулеметные диски сержант Малько и Раиса Васильевна. Щелчок пружины — и в гнездо укладывается золотистый патрон, еще щелчок... а из глаз Раисы часто-часто капают слезы. Что ожидает ее мужа? Что случится с ней? У них ведь скоро будет ребенок... Ехать ей в танке никак нельзя...

Загрохотав мотором, стальная махина выкатилась из складских ворот, приостановилась возле одинокой женской фигуры на дороге и помчалась по шоссе догонять свою колонну. Километрах в сорока от города танк с ней поравнялся, но тут, как назло, отказал двигатель. Колонна ожидать не могла: в воздухе разбойничали немецкие самолеты. Военком оставил сержанту ящик ручных гранат, коробку запалов и приказал в опасный момент подорвать машину и отступать самостоятельно.

Лишь к вечеру танкист исправил бензонасос и двинулся дальше. На рассвете перед мостом через Березину его остановила группа командиров. В их числе был и генерал. Они собирали отходящие воинские части. Малько вместе с танком поступил в распоряжение начальника оборонительного района. Он получил еще патронов и дополнил баки бензином.

Днем его отправили в сторону Минска узнать, где находится противник. Сержант пытался подобрать себе экипаж, но танкистов среди красноармейцев не оказалось, а пехотинцы побаивались его громоздкой огнеопасной машины. Пришлось к гашеткам пулеметов привязать шнурки, протянуть их концы от башен к водительскому сиденью и ехать в разведку одному. Дорога была безлюдной, лишь на полпути встретилась колонна минской милиции. Милиционеры сказали, что поблизости

фашисты сбросили парашютный десант автоматчиков. Дмитрий поехал осторожнее. К вечеру он увидел на столбах диверсантов. Они резали телефонные провода. Остановился, перелез в башню и пулеметной очередью разогнал врагов.

Ночевал он на опушке леса. А утром — это было уже 29 июня — к танку неизвестно откуда подошел пожилой майор. Он прихрамывал, опираясь на палку. С ним было четверо молодых курсантов. Майор показал удостоверение преподавателя Минского пехотного училища имени Калинина и сказал, что неподалеку от Минска, в болотистом лесу, застряли три учебных танка «БТ-7». Надо помочь им выбраться. Мешкать было некогда, и Малько указал каждому его место в танке. Через несколько минут боевая машина, уже с экипажем, мчалась на полной скорости навстречу врагу.

Когда они свернули с Могилевского шоссе, майор передал водителю свой планшет с топографической картой, чтобы не заблудиться. Учебных танков в болоте они не нашли. Искали попавших в беду товарищей почти два дня, и все напрасно. А горючее между тем кончалось. Надо было где-то его раздобыть, достать снаряды, без которых танк был почти непригоден к бою.

В ночь с 1 на 2 июля машину спрятали в лесу, у юго-восточной окраины Минска. Майор с двумя курсантами пошел в разведку. Остальным приказал по очереди стоять на посту и отдыхать. Разведчики вернулись, когда солнце стояло совсем высоко. Майор сказал: «Дорога назад, на Березино, перерезана фашистскими танками. Беженцы возвращаются в Минск. Снаряды и бензин нашлись. Как следует подготовимся к бою и прорвемся через город на Московское шоссе. Где-то там, под Борисовом, бьются наши... Главное — это смелость и внезапность».

Он хорошо ориентировался в боевой обстановке и превосходно знал, где размещались наши воинские части, этот сдержанный, суровый майор.

Они обшарили множество покинутых складов и нашли все, что нужно: почти два комплекта 76-миллиметровых снарядов, много патронов, продукты питания, авиационный бензин. И после полудня 3 июля 1941 года танк двинулся в захваченный врагом город.

Начался беспримерный по дерзости и отваге рейд.

Недалеко от станции Минск-Восточный они свернули с Могилевского шоссе на улицу Октябрьской революции и возле спиртзавода скосили из пулеметов первых оккупантов. Потом беспрепятственно прошли по мосту через реку Свислочь и улицей Энгельса поднялись в гору, к центру. У сквера театра имени Янки Купалы выехали на центральную городскую магистраль — Советскую улицу. Здесь фашисты заметили советский танк. Среди них началась паника. Беспорядочные очереди из пулеметов и автоматов забарабанили по броне, не причиняя ей никакого вреда. Зато свинцовый ливень из танковых башен разил врага наповал.

Машина устремилась к Московскому шоссе, на восток. Путь ее снова перерезала Свислочь. И тут на берегу реки, в тени верб, на тихой улице поэта Янки Купалы герои увидели то, что заставило их остановиться. Под вербами затаилась огромная гитлеровская механизированная колонна. В два ряда, впритык один к одному, стояли танки, бронемашины, орудия, транспортеры, бензозаправщики...

Майор дал команду развернуться лицом к колонне. Тотчас загрохотала короткоствольная гаубица центральной башни. Майор ее сам наводил, посылая снаряды в гущу неприятельского стана. Не умолкая, заливались пулеметы боковых башен.

Вот запылали фашистские автоцистерны. Пламя побежало по колонне. Через две-три минуты загрохотал взрыв — в воздух полетели колеса, кабины, рамы автомашин, на которых рвались боеприпасы. Пожар охватывал уже не только колонну, но и соседние дома. Уцелевшие гитлеровцы очертя голову бросались в мутную воду Свислочи. Но и там настигал их пулеметный огонь: курсанты-пехотинцы оказались меткими стрелками.

Израсходовав почти все снаряды, командир приказал продолжать движение на восток. На предельной скорости, давя и расстреливая попадавшихся навстречу фашистов, танк проскочил через мост, пересек Долгобродскую улицу. И тут вдруг на польском кладбище, которое они только что миновали, заговорила вражеская противотанковая батарея. Один снаряд ударил в центральную башню и рикошетом отскочил, другой пробил кормовую броневую плиту, прикрывавшую моторное отделение. Но это был еще не конец. Пылающий танк, как громадный факел, еще мчался и мчался по Советской улице. Ос-

Вот таким Дмитрий Иванович Малько был в 1941 году.

тановился он только на окраине, возле Комаровского рынка, как и говорится в народной легенде.

Огонь охватил все отделения танка. Механику-водителю, раненному в голову осколком брони, кровь заливала глаза. Дым раздирал ему горло и грудь, но руки еще сжимали рычаги управления. Загорелся комбинезон. И тогда из центральной башни прозвучала последняя команда майора: «Экипажу покинуть машину! Отходить вправо через огороды на юг, к лесу. Быть советскими воинами до конца!»

Из пылающего танка выбрались четверо. Двое курсантов погибли в машине. Оставшиеся в живых бросились на мостовую и, прижимаясь друг к другу, стали кататься по ней, сбивая с одежды пламя. По Красной улице уже бежали автоматчики-эсэсовцы. Были убиты еще двое героев. Ранен и майор, который все время отстреливался из пистолета.

Вместе с майором сержант Малько заполз в ближайший двор у Минской юридической школы. Здесь Дмитрий Иванович потерял сознание. Очнувшись, он понял, что лежит в борозде и укрыт картофельной ботвой. Где-то поодаль еще раздавались выстрелы. Потом грянул оглушительный разрыв — это в центральной башне танка взорвались последние снаряды. И все стихло...

Собрав последние силы, танкист пополз огородами туда, куда приказал командир. Полз он медленно, временами теряя сознание. Добрался лишь до небольшого деревянного домика. Запомнилась табличка на нем: «ул. Долгобродская, № 100». Пожилая женщина втащила его в дом. Она промыла танкисту раны и ожоги. Перевязала, накормила, напоила его молоком, а ночью, поддерживая, провела к лесу.

В лесу Малько встретил трех красноармейцев. Вместе они разыскивали майора, но так и не нашли. Долго оставаться здесь было опасно. Лесами и болотами, избегая поселков и шоссе, пошли они на восток. Много дней и ночей длился этот горестный путь. Лишь под Рославлем солдаты перешли линию фронта.

А потом были новые тяжкие и долгие дороги войны. До самой победы. Ее гвардии старший лейтенант Малько встретил в Кенигсберге.

Теперь бывший танкист коммунист Дмитрий Иванович Малько работает на Минском моторном заводе. Он моторист-испытатель известных всей стране белорусских дизелей.

К сожалению, память Дмитрия Ивановича не сохранила для нас имен боевых друзей, которые вместе с ним героически сражались на танке. Но через огонь военных лет, через многие годы жизни пронес он дорогую реликвию — планшет с картой командира.

Истертая, обгоревшая, разорванная, она лежит перед нами на столе.

А на полях карты сохранилась надпись: «Михайлов, ст-на Сошников, л-т Волков — сенокос». На обороте есть еще фамилия — Пермолов.

Кто эти воины? Может быть, именно они были курсантами, которые оказались потом в экипаже танка? А может, это их друзья по училищу, которые сумели бы помочь в розыске отважных воинов, продолжающемся и по сей день? Разгадка этой тайны во многом зависит от тех, кто в июне — июле 1941 года был связан с Минским пехотным училищем имени Калинина.

Так или иначе, но имена героев должны быть найдены! Мы надеемся, ребята, что и вы, прочитав этот рассказ, присоединитесь к нашим поискам.

ШАГАЕТ ОТРЯД...

РЕДЧАЙШИЕ КИНОКАДРЫ О ПЕРВЫХ ПИОНЕРАХ

М. БИЛЬЧИНСКАЯ

Есть недалеко от Москвы Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов. В нем хранятся киноленты, негативы давних фотографий, восковые валики, граммофонные пластинки и магнитные пленки с записями, сделанными десятки лет назад.

Сидишь в просмотровом зале архива и вдруг оказываешься в старой Москве. Я такой Москвы не знаю: булыжная, узенькая Тверская, громоздкие легковые машины, похожие на кареты, извозчичьи пролетки у частного ресторана «Свой парнишка», толчея продавцов и покупателей в Охотном ряду под самыми стенами Кремля: лоточники, мясники, пронырливые беспризорники в лохмотьях. 1924 год.

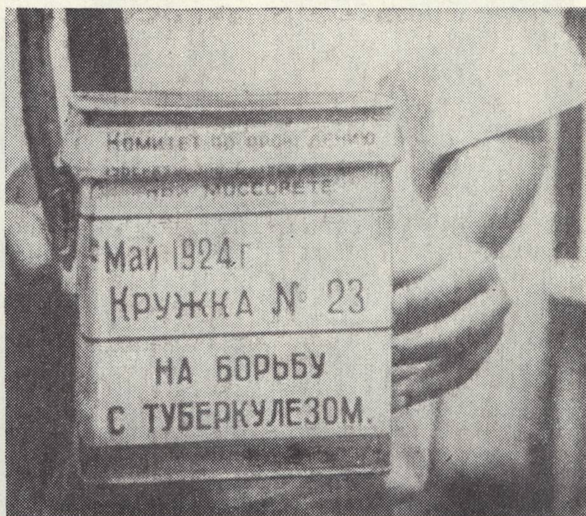
И вот с барабанщиками впереди, со знаменем шагают пионеры. На знамени слова: «11 отряд Красной Пресни при фабрике «Красная оборона». Интересно, куда шел этот отряд по московским улицам сорок лет назад?

Я отправилась по адресу, подсказанному знаменем, и вскоре разыскала вожатого 11-го отряда Бориса Федосеевича Кудинова. Он сейчас работает в ВЦСПС. Борис Федосеевич рассказал, что режиссер кинохроники Дзига Вертов снимал 11-й отряд несколько раз. Может быть, и другие пленки сохранились в киноархиве?

Они действительно сохранились.

Вот крупным планом, во весь экран снята металлическая коробка-кружка. Наверху у нее прорезь, как в копилке. С такою кружкой через плечо идет по улице пионерка Шура из звена «Революция».

Трудное время в стране. Только-только установился мир после семи лет изнурительных войн: мировой, потом гражданской. Голодные военные годы оставили страшное наследство: болезни, рожденные

недоеданием, миллионы беспризорных детей, потерявших родителей. Государство строит больницы, детские дома. Но средств не хватает. И устраиваются кружечные сборы.

Уже не один раз проводил такие сборы пожертвований 11-й отряд. Пионеры собирают деньги на строительство туберкулезных санаториев и больниц.

«Пиво Трехгорного завода». Сюда, в пивную, заходят иногда после смены рабочие выпить пива.

Шура протягивает кружку.

— На борьбу с туберкулезом.

Никто не отказывает.

А теперь — на Тишинский рынок, туда, где торгуют частники.

Мясник и смотреть не хочет на Марусю Дружинкову. Начинает ругаться, того и гляди ударит, но Маруся не уходит. Если рабочие отдали последний грош, с этого толстопузого она деньги получит.

Летом отряд разбил лагерь у деревни Павловско-Лужецкое, под Москвой. Здесь все самодельное, за исключением, пожалуй, палаток, подаренных

красноармейцами. Сами строили столовую и кухню, сами кашеварили. На пятьдесят пионеров один взрослый — вожатый Боря.

Открыли в лагере бесплатную паяльную мастерскую. Прямо под открытым небом. Чинят нехитрую крестьянскую утварь.

Заказчиков — хоть отбавляй.

А возле санитарной палатки — пионерская парикмахерская. Бесплатно стригут всех желающих. Правда, фасон стрижки однообразен: всех стригут на-

голо. Но если учесть, что в стране свирепствовал сыпной тиф, то это самая лучшая прическа. Сейчас главное не красота, а чистота. Пионерская парикмахерская обслуживает три деревни.

Ленинская палатка-читальня. Тут есть несколько номеров журналов «Пионер» и «Барабан», газета «Юный ленинец». Сюда приходят и сельские ребята и крестьяне. Но мало кто из крестьян сам умеет читать.

не будете? Это как же?» Каждый за себя — такой была заповедь старого мира. Пионеры несли в село новую: человек человеку — друг и помощник.

Пионеры читают крестьянам вслух о Ленине, о том, что говорил он о деревне, о коллективной обработке земли.

Не всюду доброжелательно относятся к пионерам.

Девиз городских пионеров — смычка с деревней. Поэтому в лагере такой порядок: до обеда все, кроме дежурных, уходят в деревню работать.

Вот старый крестьянин доверил пионерам вспашку своей полосы. (Тогда в деревне еще каждый трудился в одиночку на своем участке земли.) В первые дни крестьяне относились к пионерской помощи недоверчиво: «Неужто денег за работу брать

Пионеры — лодыри,
Царя, бога продали,
Денег накопили,
Галстуки купили.

Такую частушку, сочиненную кулаками, кричали сначала мальчишки и девчонки на улицах деревни Санниково, когда туда пришли пионеры.

Но когда через несколько дней отряд покидает деревню, за ним, стараясь попадать в ногу, шагает еще один отряд: деревенские ребята тоже решили стать пионерами.

...В просмотровом зале архива, где мы сидим вместе с бывшим вожатым Борей, зажигается свет.

— Ну что ж, — говорит Борис Федосеевич Кудинов, — теперь вы знаете, куда шел наш отряд, за что он боролся.

Ф. КОНСТАНТИНОВ. Фото автора.

Из Ленинграда караван судов направляется в Одессу. Как ему побыстрее доплыть? Заглянув в учебник географии, вы скажете: через Мариинскую систему. По Неве суда пройдут в Ладожское озеро. Из Ладожского через реку Свирь — в Онежское. Оттуда по реке Вытегре и каналу — в реку Ковжу, которая впадает в Белое озеро. А из Белого озера вытекает Шексна. Правда, она не многоводна, но несколько шлюзов помогут судам выйти в Волгу. Волгу, как всем известно, канал имени Ленина соединяет с Доном. Тут до Азовского моря рукой подать, а там и Черное. Вот и добрался наш караван до Одессы!

Ответ как будто бы правильный, путь избран самый короткий. И все-таки для нашей задачи он не годится. Почему? Да потому, что по Мариинской системе могут проходить только маленькие пароходики. Через узкие деревянные шлюзы — а их тут целых тридцать восемь! — настоящий корабль не протолкнешь. И суда водоизмещением более восьмисот тонн еще в прошлом году путешествовали с Балтики в Черное море вокруг Европы, делая крюк в три с половиной тысячи километров!

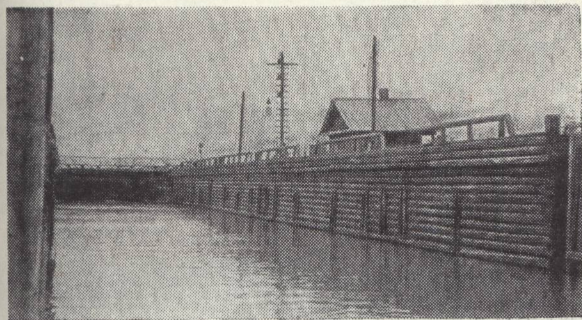
Те грузы, которые шли по «Мариинке», речники в Череповце перегружали с волжских судов на маленькие, а около Онежского озера снова на большие — озерные. Такие перевалки обходились очень дорого. Недавно в Череповце построен мощный металлургический завод. Руду он получает с Кольского полуострова по железной дороге. Гораздо дешевле было бы возить ее по воде. Но мелким баржам с такой нагрузкой никак не справиться.

Вот если бы канал был пошире да поглубже! Тогда крупные суда, танкеры повезли бы хлеб и нефть с Волги прямо в Ленинград, а

из Ленинграда на юг — машины, моторы, турбины...

Посоветовавшись, специалисты решили: надо строить новый Волго-Балтийский канал.

Географически Волго-Балт почти совпал с трассой старой «Мариинки». Но технически это совершенно новое сооружение. В нем пять гидроузлов с семью шлюзами (по размерам они превосходят волго-донские). Три гидроузла — Вытегорский, Белоусовский и Череповецкий — имеют электростанции. Новые плотины образуют огромные водохранилища или, как говорят речники, «большую воду». По этой-то «большой воде», по новому каналу, через шлюзы и ляжет самый правильный маршрут для каравана судов.

Деревянные шлюзы «Мариинки» под водой. Без акваланга на них теперь не посмотришь. Только один этот старый шлюз сохранили гидростроители.

Череповецкий гидроузел расположен на реке Шексне. Возле него самое большое водохранилище — в пять раз больше Московского моря. Оно разлилось на двести двадцать пять километров — до самого Белого озера.

«Большая вода» затопила деревянные шлюзы «Мариинки». Только один сохранили строители — как памятник старины.

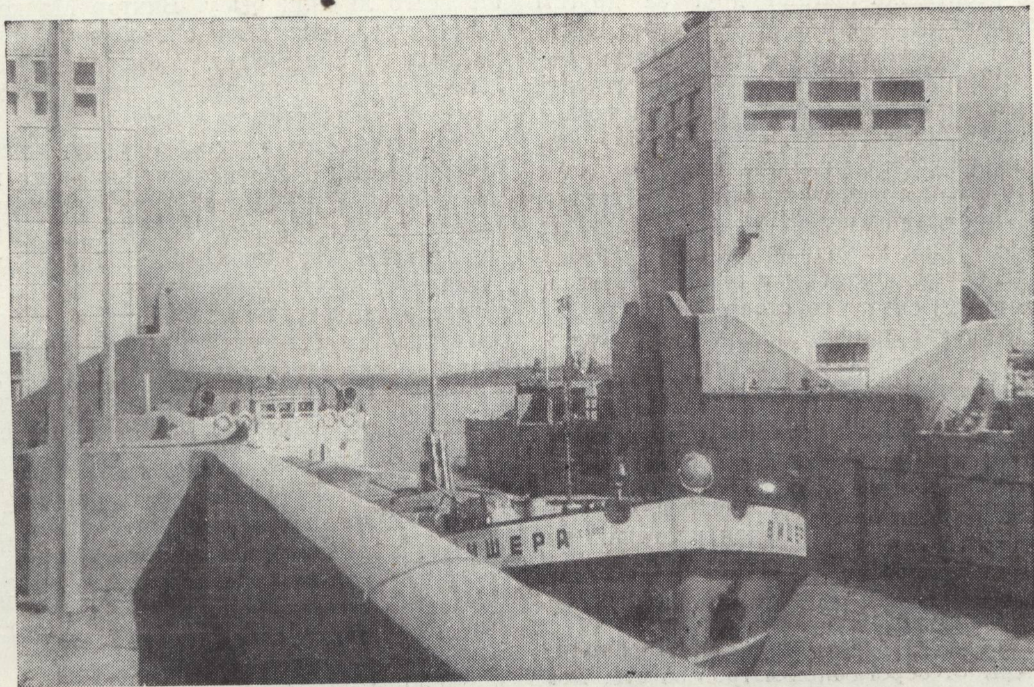
Новый канал втрое длиннее, чем канал имени Москвы. Его протяженность — триста шестьдесят один километр! Он пересекает водораздел, соединяя две реки — Ковжу и Вытегру, из которых одна течет на юг, а другая — на север.

На северном склоне водораздела построено шесть шлюзов. Ведь высота водораздела — почти девяносто метров над уровнем моря. По этим шлюзам корабли поднимаются и опускаются, как по лесенке.

* * *

Большой Волго-Балтийский водный путь открыт. На нем началась первая навигация. Пять морей — Балтийское, Белое, Каспийское, Азовское и Черное — соединены глубоководными магистралями.

И вы, ребята, не зевайте. Летом, в каникулы, по новой водной трассе можно будет проплыть и на шлюпке, и на катере с подводными крыльями, и на теплоходе. Увлекательнейшее путешествие!

Пришла на север волжская нефть. В шлюз Белоусовского гидроузла входит танкер.

АНТ, АРК, ТИКА и другие

Удивительно милые птицы пингвины! Добродушные, доверчивые, приветливые, до смешного любопытные и общительные.

Трудно пингвинам выводить птенцов. Откладывает самка яйцо в мае, а ведь это начало страшной антарктической зимы, с ее невообразимыми морозами, с неутихающими ураганными ветрами. Два месяца высиживается яйцо. Вернее, «выхаживается». Папа пингвин и мама пингвин по очереди держат его на своих широких перепончатых лапах, а сверху накрывают толстой и жирной складкой кожи. Это теплое живое одеяло надежно защищает будущего птенца от смертоносной стужи.

Вылупившиеся на свет пингвинята одеты в толстую шубку из серебристо-серого пуха. Тем не менее они то и дело забираются к папе или маме под живое одеяло погреться. Но когда малыши подрастут, родители не так охотно пускают их в это убежище. Да и тесновато оно. Пора пингвинятам в «детский сад»!

Очень забавно выглядит такой «детский сад» на прогулке. Выстроившись гуськом, пушистые ребятишки шагают друг за другом под присмотром «няни». Няня следит за порядком. Если же на малышей вздумает напасть нахальный и прожорливый поморник, няня отгоняет его крепкими ударами клюва и коротких крыльев. Иногда «детский сад» сбивается в кучу. Это значит, что пингвинятам холодно и они греются, прижавшись друг к другу. Но и отбившись от родителей или от «детского сада», птенец не пропадет. Любой взрослый пингвин накормит его, обогреет и обласкает, как своего собственного.

Весной, когда ломаются льды, образуя полыньи и разводья, пингвины ведут своих повзрослевших птенцов к морю, учат плавать, нырять, охотиться за мелкими рыбешками и рачками. Пингвинята — смекалистые дети. Смотришь, через день-другой они уже ловко ныряют, то и дело хватая зазевавшихся рыбок. Слишком долго под водой пингвины не могут находиться. Из воды они вылетают, как пробки, набирают в легкие воздух и опять под воду — за новой добычей.

Пингвины — хорошие путешественники. Они уходят от берега километров за сто. Вы спросите, как же передвигаются они на своих коротких ногах? Где можно, пингвины не идут, а едут. Как попадется гладкий склон, они ложатся на снег брюшком и, отталкиваясь культяпками крыльев, скользят, словно на салазках. Таким же способом они съезжают с оледенелых берегов в море для забавы.

Пингвины дружелюбны, если их не обижать. А обидишь — держись! Они смело кидаются в атаку. Случалось, что пингвин бесстрашно шел навстречу даже вездеходу.

В то время, когда я прилетал в Антарктику, на станции «Мирный» работал биологом Виктор Маркелович Макушок. Он решил приручить пингвинов и выбрал из колонии трех малышей. Один оказался редким экземпляром. Он был альбинос, весь совершенно белый, с красными, как ягоды брусники, глазками. Белого пингвиненка биолог назвал Ант, второго — Арк, а третьего — Тика. Если сложить все три имени, получится «Антарктика». Птицы привыкли к своим именам и охотно откликались на зов.

Виктор Маркелович заботливо ухаживал за своими питомцами. Они не особенно были разборчивы в пище, ели даже мясо. Но больше всего любили рыбу. Виктор Маркелович испробовал множество способов кормления. Кормил их с ложечки, с блюдечка, из горлышка кувшина, пипеткой давал рыбий жир, который очень любили и Ант, и Арк, и Тика.

Так они и жили в дружбе и согласии со своим хозяином. Часто к ним приходили гости-зимовщики. Птенцы знакомились с ними, получали подарки. Никто пингвинят не обижал. Но однажды случилась беда. Когда пришел электроход и на берег сошли люди, всем захотелось посмотреть на птенцов. Однако среди приезжих оказался один больной гриппом. От него заразился маленький Арк. Как ни ухаживал за ним Виктор Маркелович, как ни лечил его — ничто не помогло, даже уколы пенициллина.

Виктор Маркелович ходил сам не свой: тяжело переживал потерю. Чтобы утешить его, зимовщики нашли в стае птицу, точь-в-точь похожую на Арка, и подарили биологу.

А когда настало время возвращаться на Большую землю, Макушок забрал с собой и Анта, и Арку, и Тику.

Н. ШКОЛЬНИКОВ,
полярный летчик.

МАЙ — А. Мазипов

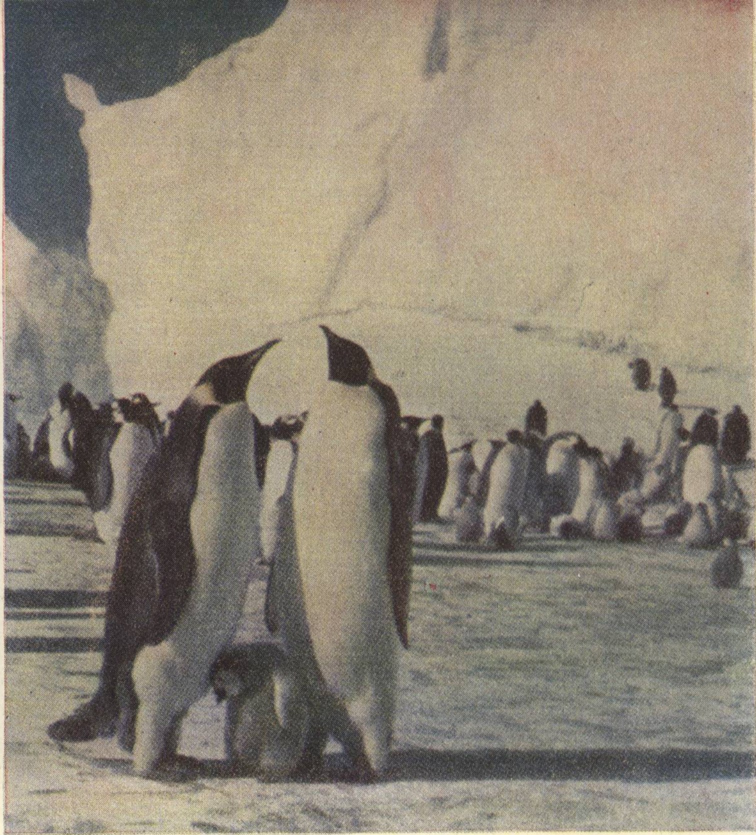
НА ПРИШКОЛЬНОМ УЧАСТКЕ — А. Пластов

Ант, Арк, Тика и другие

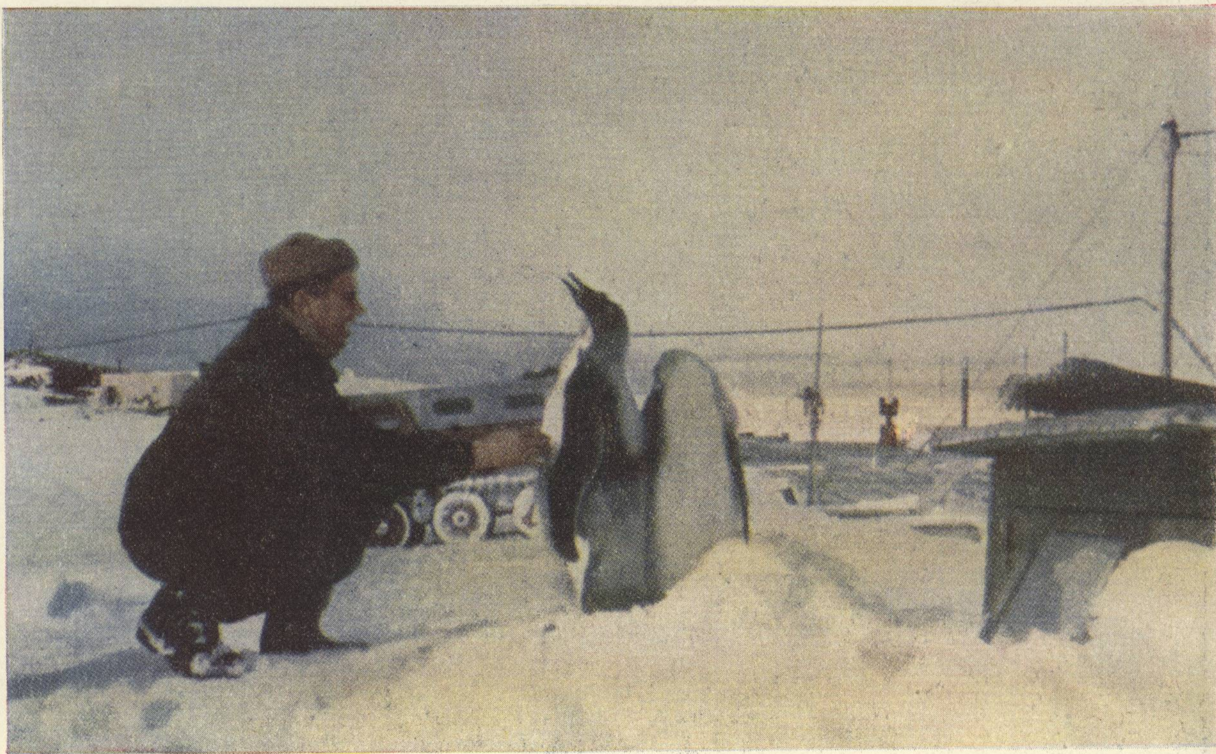
Рассказы о них полярного летчика Николая Школьникова найди в номере.

ДВА МАЛЫША

«ПАПА, МАМА И Я...»

ТАК НАЧИНАЕТСЯ ДРУЖБА

Анатолий МАРКУША

Рисунки Н. Борисовой.

Роге Никул — человек с характером

(Продолжение.)

Глава четвертая

И ГРЯНУЛА БУРЯ...

13 СЕНТЯБРЯ.

Сегодня долго разговаривал с Егоршей. Хороший он малый — честный, прямой, отзывчивый. Конечно, молодость в нем взбрыкивает, но это как раз не страшно. Он выдумщик, ужасный фантазер и изо всех дорог в жизни умеет видеть только одну — самую прямую. Хватать ему синяков и шишек — и от людей и от самого себя.

Я не сказал Егорше, что звонил Павлу Павловичу по телефону. Пусть сам воюет, пусть сам постоит за правду. До смерти не расшибется, а от того, что узнает, как ее, правду-матку, добывать, хуже не станет, только крепче и умней будет.

Одно замечание я ему, правда, сделал. И вот какое: больно уж часто Егорша повторяет: «Я сказал, я решил, я подумал...» А где товарищи твои, друг ты мой милый? Почему все я да я, почему не мы? Тут он смутился, но не очень.

— Так я ж в этом городе месяца еще не живу. Можно сказать, новый человек. Разве так сразу найдешь товарищей?

Резон серьезный, но что-то в этом ответе мне все равно не понравилось. А что — не пойму.

Трудная наука — человековедение, всю жизнь зачеты, можно сказать, сдаю, а знаний не хватает... И в чем чаще всего ошибаешься? Вот, узнаѐшь, узнаѐшь, узнаѐшь человека, кажется, все ясно, и тогда стараешься «оценку» дать: умный, например, или добрый, или хитрый. Но человек никогда не бывает только умным, только добрым, только хитрым. Живой, настоящий человек в тысячу раз сложнее! Он тебе и умным, и некрасивым, и добрым, и ленивым, и замкнутым, и жадноватым сразу может оказаться. А бывает и так: не очень умен, совсем не добр, но трудолюбив до чертиков и общителен или... впрочем, чего только не бывает. Так в чем же корень ошибок? В том, что за одним видным качеством пять других не столь видных упускаешь. Вот почему я и думаю: человека в одну краску нельзя изображать, в одну краску только карикатуры рисовать можно.

14 СЕНТЯБРЯ.

Дорогой товарищ доктор! Сегодня первый раз за всю неделю я снова почувствовал себя человеком. Можете записать в историю болезни: дело сделано — мотор вытянул! Наверное, по-медицински это как-нибудь иначе формулируется, но не в словах суть, суть в существе. Так вот: даю вам честное слово, мотор вытянул.

Ощущение великолепное; кажется, будто где-то внутри разжалась чужая рука и отпустила сердце. И дышится свободно, и в лопатку больше не отдает, и вообще...

...Забежал Егорша и быстрым аллюром умчался в музей, на пионерский сбор. Только и успел доложить:

— У нас там встреча с героями войны и вообще серьезный разговор. Но я еще приду и тогда все сделаю. И чтобы к моему возвращению вы компот съели. Раз доктор сказал есть, значит, давайте кушайте. Сами про дисциплину мне объясняли. Ну, пока, все. Я пошел — бреющим.

Павел Павлович сидел в директорском кабинете и не спеша перелистывал папку с приказами по школе. В дверь тихонько постучали.

— Да-да! — произнес Павел Павлович, не отрывая глаз от бумаги.— Войдите!

Вошла уборщица, тетя Зоя.

— Пал Палыч, я вот намедни документ нашла. Поглядите-ка, может, нужный? А то я что-то не разберу.— И она протянула завучу маленькую красную книжечку.

— Хорошо, Зоя Григорьевна, оставьте на столе. Как освобожусь, так посмотрю.

— Да что уж вы, такой занятый и глянуть не можете? Тут всего-то три строчки...

— Я сказал — потом. Пожалуйста, оставьте.

Тетя Зоя пожала плечами, положила красную книжечку на край директорского стола и вышла.

Дверь еще не успела затвориться, как Павел Павлович раскрыл книжечку и прочел:

Министерство внутренних дел

ПРОПУСК

Фамилия, имя, отчество *Роге Никул*
Занимаемая должность *Оперативный сотрудник.*

В левом нижнем углу была приклеена фотография, виднелся жирный фиолетовый след круглой печати с гербом. Справа стояла подпись начальника отдела кадров. С фотографии на Павла Павловича дерзко глядел ученик шестого класса «а», этот беспокойный новенький — Лукин.

— Ни-чего не понимаю. Почему Роге? Почему Никул? И — Министерство внутренних дел?

В дверь снова постучали.

— Да-да! — отозвался Павел Павлович и убрал красную книжечку в стол.— Войдите!

На пороге появился капитан милиции.

— Здравия желаю, товарищ директор! Капитан милиции Самойлов, прибыл по вашему приказанию.— Отрапортовал и улыбнулся.

— Прошу,— сказал Павел Павлович,— проходите, присаживайтесь.

Капитан сел и сразу перестал улыбаться.

— Ничего радостного сообщить не могу. Дела наши, товарищ Самойлов, не улучшаются. Увы, все по-прежнему. Успехи оставляют желать лучшего и поведение — тоже. Вы говорили с Константином?

— Говорил и не раз, да что толку? Все он понимает, обещает исправиться, подтянуться и все такое. Только слова остаются словами, а дел не видно...

Дверь снова приоткрылась. В комнату заглянула тетя Зоя, но, увидев постороннего, поспешила затворить дверь. Однако Павел Павлович окликнул ее:

— Зоя Григорьевна, пожалуйста, зайдите ко мне!

И, когда тетя Зоя вошла, добавил:

— Будьте любезны, пригласите ко мне Лукина из шестого класса «а». Пока все.— И сразу же повернулся к капитану милиции.— Понимаю вас, товарищ Самойлов, и сочувствую, но что ж мы все-таки предпримем? Вашего мнения я, к сожалению, еще не слышал.

— Просто теряюсь, товарищ директор. Когда с посторонними ребятишками имею дело,— нахожу решения, а со своим лоботрясом никак не могу справиться. Вы педагог и старший товарищ, подскажите.

— Подсказывать я, естественно, не могу, это просто непедагогично — подсказывать, а дать совет готов. Но учтите, товарищ Самойлов,— завуч многозначительно поднял указательный палец и покачал им,— я даю советы не для того, чтобы их принимали к сведению и... забывали.

— Ну, что вы, товарищ директор!

— Так вот, товарищ Самойлов. Великий советский педагог Антон Семенович Макаренко совершенно справедливо указывал, что воспитания без принуждения не бывает. Вы меня поняли? Процесс воспитательной деятельности органически включает в себя не только объяснения, уговоры и прочие виды, так сказать, мягкого воздействия, но и предусматривает принуждение, иными словами, меры жесткого воздействия. В каждом отдельном случае воспитующий должен быть, разумеется, осторожен, достаточно гибок, но всегда непременно тверд. Тверд и последователен до конца. Это, так сказать, общее положение. А теперь обратимся к частному случаю, я имею в виду к случаю вашего сына, Константина Самойлова, ученика девятого класса... Что мы наблюдаем в данном конкретном эпизоде? Непомерное увлечение футболом имеет место? Имеет. Вывод? Исключить футбол. Абсолютно. Затем... Неумение организовать внеклассное время имеет место? Имеет. Исключить телевизор, исключить дурно влияющую среду, воздействовать жестким контролем...

— Простите, товарищ директор, вот вы говорите: исключить футбол, исключить телевизор, исключить среду... Понятно. Мне только не ясно, к а к все это исключить.

— Что значит к а к?

— Может быть, я неточно выразился, но смысл моего вопроса вот в чем: как практически осуществить то, что вы советуете?

— Очень даже просто, товарищ Самойлов. Первое: отобрать бутсы, пойти на стадион и выписать Константина из секции, вы отец, и это — ваше право. Второе: телевизор из квартиры убрать. А что касается среды, то и это не проблема. В дом сомнительных дружков и особенно подружек не пускать, а чтобы сам к ним не бегал, поставить вопрос так: пришел из школы, брючки матери сдает, так сказать, на хранение — под ключ. Вот вам и вся практическая сторона проблемы.

— И какая же у него да и у нас тогда жизнь будет?

— Строгая жизнь, товарищ Самойлов, а как же иначе?

Тут в дверях появился Егор.

— Вы меня звали, Павел Павлович? — сказал Лукин и уставился на капитана милиции.

— Пожалуйста, подойди сюда и скажи нам: мне и товарищу капитану: это твое? — И Павел Павлович показал Егору злосчастную красную книжечку.

Егор покраснел, нахмурился, но глаз в сторону не отвел.

— Я спрашиваю, Лукин, это твое?

— Да,— тихо сказал Егор.— Мое.

— Та-а-ак! Может быть, ты объяснишь теперь, что сей сон означает?

— Это... это старый папин пропуск...

— И ты его подделал?

— Почему подделал? Я просто взял... и написал то, что мне было нужно.

— А что означает Роге Никул? Почему оперативный сотрудник? Откуда гербовая печать? — Как обычно, Павел Павлович задавал вопросы ровным, хорошо вышколенным голосом. Ни удивления, ни тем более намека на любопытство не звучало в его интонациях. Он спрашивал, в упор разглядывая

Егора, но и глаза завуча не выражали никаких чувств — ни заинтересованности, ни беспокойства, это были не глаза, а фотографические объективы...

— Печать была...— сказал Егор.

— А остальное?

Егор молчал.

— Я спрашиваю русским языком: для каких целей ты использовал бланк Министерства внутренних дел, Лукин? Ты что, маленький или ты не понимаешь, какой это документ?

Егор молчал.

— Вот, товарищ капитан, попробуйте поговорить с таким молодчиком: то в классе подрался, то возмутительно надерзил старшему, то еще кое в чем отличился, а теперь это художество! Ну, как вам такое поведение нравится?

Капитан Самойлов взял протянутую ему красную книжечку, повертел в руках и спросил:

— Тебя, Лукин, как звать — Егором?

— Да.

— Роге Никул — выходит, значит, Егор Лукин, только наизнанку? Ясно. А работа грубая. Скальпелем чистил? На фотографию печать не натянул. Полная кустарщина, парень. Совершеннейшая кустарщина! Не одобряю.

И так он это сказал, что непонятно было, чего не одобряет капитан — кустарную ли работу Лукина или вообще всю историю с пропуском.

Егор внимательно посмотрел на незнакомого капитана и вдруг совершенно отчетливо увидел: улыбается. Незаметно, самыми кончиками губ и ресницами улыбается. Заметил и подумал: «Кажется, пронесло».

Но, как известно, беда никогда не приходит одна.

Павел Павлович не успел еще сделать никаких выводов и капитан милиции не сказал последнего слова, как дверь директорского кабинета с грохотом распахнулась и на пороге возникла рослая фигура в расстегнутом морском бушлате и блестящих резиновых сапогах. Не поздоровавшись, не назвав себя, посетитель ринулся в решительную атаку.

— Так что же это, товарищ директор, получается? Мы с ног сбились, а цепи и якоря у вас на школьном дворе свалены! Конечно, я извиняюсь за выражение, но это грабеж и разбой! Вчера все было на месте, а сегодня, милости просим, школьнички смахнули...

— Простите,— сказал Павел Павлович,— с кем имею честь? И потрудитесь снять фуражку.

Детина содрал с головы помятую мичманку и, нимало не смутясь, продолжал:

— Мое фамилие — Нечкин, я с рыбного причала. Иду мимо вашей школы, гляжу — во дворе цепи и четыре кошки, ну, якоря, значит, свалены. А мы, повторяю, с ног сбились. Ищем. Что ж получается? Выходит, ученички ваши того — смахнули социалистическое имущество... Уголовное дело, статья кодекса...

Павел Павлович во время этого страстного обличительного монолога сохранял полную невозмутимость. Наконец он сделал знак рукой, который можно было истолковать только так: «Минуточку! Я вас выслушал, теперь извольте выслушать меня». Но прежде чем он успел сказать слово, свое мнение высказал Егор:

— Так они же все ржавые — и якоря ваши и цепи. Какое это имущество, обыкновенный лом...

— Лом? — закричал Нечкин.— Это лом? Да что ты понимаешь, салага! Где ты видел, чтобы якорные цепи золотом покрывали или хромировали? Ржавые! Ясное дело, ржавые — от морской воды...

— А почему тогда на пароходах цепи черные? — упрямо уставясь в одну точку, спросил Егор.

— Ха! Сравнил! Пароход — это хозяйство, а мы артель, соображать надо! Так что будем делать, директор? Возвернуть бы надо имущество. Тихо, мирно поладить — и ша! Я лично на такой точке стою.

— Мы разберемся, товарищ Нечкин,— сказал Павел Павлович,— зайдите, пожалуйста, завтра.

— Почему это завтра? И чего тут разбираться? Смахнули цепи? Смахнули. Факт! Давайте возвертать. И — ша! Неужели вам охота дело заводить?

— Заводить дело у меня нет ни малейшего желания, но прежде всего мне нужно выяснить, кто похитил цепи,— сказал Павел Павлович.— Мне надо установить, с какой целью их взяли.

— А тут, Павел Павлович, устанавливать нечего. Цепи и якоря я взял. Мы их на металлолом сдать собирались. Мы обещали Герою Советского Союза товарищу Дрозду собрать пять тонн.

— Опять ты? Теперь ко всему еще и воровство! Ну, знаешь, Лукин, с меня, кажется, больше чем достаточно. Хватит! —И Павел Павлович легонько пристукнул ладонью по столу. Видимо, он готов был приступить к выводам, и надо думать, что выводы эти не принесли бы удовольствия Егору Лукину, но неожиданно в разговор вмешался капитан Самойлов:

— Простите, товарищ директор, можно товарищу Нечкину вопрос задать?

— Разумеется, товарищ капитан, спрашивайте.

— Скажите, товарищ Нечкин, где лежали похищенные у вас цепи и якоря?

— То есть как где лежали? Известное дело, на рыбном причале лежали!

— А точнее: на хозяйственном дворе, на пирсе или, может быть, в будке сторожа?

— Для чего ж это в будке сторожа? Вообще лежали.

— Благодарю вас, Нечкин. Вопрос Лукину: где именно вы взяли названные выше цепи и якоря?

— Один якорь валялся на пляже. А все остальные — в разных местах около причала,— сказал Егор.

— Прошу уточнить: на охраняемой или на неохраняемой территории?

— Что вы, товарищ капитан! Да там никто ничего не сторожит. Мы приехали на велосипедах и забрали все это железо...

— Еще раз попрошу уточнить, Лукин, что означает «мы»?

Егор даже глазом не сморгнул:

— Мы?.. Я и два велосипеда...

— Как, как? Ты один ехал на двух велосипедах?

— А что? Велосипеды были доской связаны. Понимаете, товарищ капитан? Поперек на рамах лежала доска. На нее навешивалась цепь — и полный порядок. Удобно и легко...

— Ты врешь, Егор. Но в данном случае даже такое нахальное вранье не может изменить сути дела. Так вот, товарищ Нечкин, никакого хищения не было. Якоря и цепи вы давным-давно раскидали, бесхозяйственно, варварски. А ребята собрали разбросанный металл и доставили его в школу. В этом нет никакого состава преступления. И ничего вы не искали, просто случайно, проходя мимо школы, увидели добро и примчались предъявлять претензии. Неужели вам нисколько не стыдно валить с больной головы на здоровую? — Самойлов взглянул сначала на Нечкина —строго, потом на Егора — подбадривающе, наконец, на Павла Павловича — как бы извиняясь, и продолжал: — Допустим, товарищ Неч-

кин, что это ржавое имущество действительно вам нужно, так уж вы не требуйте, а попросите, вежливо попросите. Думаю, что ребята вам не откажут. Ребята — неглупый народ, они поймут: для чего делать пустую и вредную работу, переплавлять то, что и так может идти в дело... Понятно? А всю эту историю я обязательно расскажу товарищу Дрозду...

— Стоит ли, товарищ капитан? Ну, для чего, ейбогу, товарища Дрозда информировать,— мы уж сами как-нибудь поладим. Бывают же оплошки, честное слово!

— У меня все,— сказал капитан Самойлов.

— Извините, пожалуйста. Неувязочка получилась. Так что я пойду. До свиданьица.— И Нечкин проворно выкатился из кабинета.

Щелкали часы. Откуда-то из далекого далека донесся хриплый сигнал буксира «Гремящий».

Павел Павлович сосредоточенно потирал руки.

Капитан Самойлов вертел в руках сигарету и никак не решался закурить в директорском кабинете.

Егор Лукин смотрел на смеющийся портрет Гагарина и бессмысленно повторял про себя: «Поехали, поехали, поехали, поехали!»

— Ну, что ж, продолжим наш разговор,— сказал завуч после долгого, тягостного молчания. — Ты не назвал еще своих соучастников, Лукин. Я жду.

Егор молчал.

— Только что ты был свидетелем беспристрастного разбирательства, проведенного товарищем капитаном, неужели и после этого ты, Лукин, думаешь, что от нас можно что-нибудь скрыть?

Капитан Самойлов поднялся со своего места.

— Я пойду, товарищ директор,— сказал он,—спасибо за совет.

Павел Павлович укоризненно покачал головой. Весь его вид говорил: «Ах, капитан, капитан, как вы не вовремя меня покидаете! И куда спешите?» Но Самойлов или действительно не понял знаков Павла Павловича, или сделал вид, что не понимает. Коротко поклонившись, он вышел из кабинета. Дверь за ним прикрылась бесшумно.

— Ну,— сказал Павел Павлович,— я жду.

Егор молчал.

— Ты полагаешь, что все твои выходки могут пройти без последствий? Ошибаешься, Лукин. Это я тебе серьезно говорю, очень-очень серьезно. Ну?

Егор молчал.

И тогда, выждав немного, Павел Павлович сказал резким, недовольным голосом:

— Иди! Иди и запомни: завтра ты сам придешь ко мне объясняться, бегом примчишься. И не обижайся, если я не захочу отвечать на твои вопросы.

— Я не обижусь,— сказал Егор, подумал и добавил: — И не прибегу к вам, Павел Павлович.

— Посмотрим. Ступай.

Во дворе Егор увидел капитана. Самойлов сидел на лавочке, курил и щурился на солнышко. Почему-то Лукину захотелось подойти к этому едва знакомому человеку и сказать ему что-нибудь хорошее. И он подошел и сказал:

— Спасибо, товарищ капитан.

— За что спасибо?

— Так.

— Ну, если так,— пожалуйста. А в общем-то делом надо заниматься, парень, а не в игрушки играть. Большой уже. И чего навыдумывал? Оперативный сотрудник! Роге Никул! Чепуха собачья, не дело. Лучше бы ты в клуб юных друзей пограничников записался. Там ребята пограничную службу изучают, приемы самозащиты, следы читать при-

И мне кажется, что мы снова вместе.

учаются, на радиостанциях работают — это вот серьезно! Конечно, тебе виднее, хочешь принимать мой совет — принимай, не хочешь — не принимай, я не обижусь. А если что понадобится, заходи. Буду рад.

— Куда заходить? — спросил Егор.

— Улица Советов, 10. Уголовный розыск. Скажешь дежурному: капитан Самойлов вызывал,— пропустят. А теперь — будь здоров, мне пора.

Егор поглядел вслед капитану, бросил взгляд на оранжевую кучу густо проржавевших цепей, на клыкастые якоря и тоже тихо побрел со школьного двора.

А в этот же час на другом конце нашей земли, в холодном, по-осеннему хмуром Мурманске, сидела за столом Анна Федоровна, бывшая классная руководительница шестого класса «а», и писала своим воспитанникам:

«Дорогие мои девчушки и мальчишки!

Пишу вам из далекого Мурманска. Пишу прежде всего для того, чтобы еще раз поблагодарить за подарок. Как и обещала, я не открывала коробки до самого конца путешествия. А теперь ваш глобус стоит на моем столе и малюсенькая, так ловко вмонтированная лампочка освещает едва заметную на земном шаре Целарскую бухту (признайтесь, это работа Гогина?). И мне делается веселей на душе, когда я вижу эту лампочку. Мне кажется, что мы снова вместе.

Как там дела в классе: не ссорятся ли Боря Барсов и Егор Лукин? Исправила ли Галя Фирсова географию? Не слишком ли решительно командует Нина Крепкина? А как Гогин, как вы все? Обязательно напишите мне о новостях и обо всех событиях — приятных и неприятных. Хорошо?

Низкий поклон Целарской бухте, Теленевскому маяку, вечному огню на площади Героев — словом, всему нашему городу.

Обнимаю вас

Ваша А. Ф.».

И еще одно важное событие произошло в этот день. О нем достаточно подробно рассказано в дневнике Нины Крепкиной.

15 СЕНТЯБРЯ.

Сегодня в пионерскую комнату вызвали меня, Борю Барсова, Галю Фирсову, Славу Згуриди и Сему Баркалая, то есть почти весь актив класса. Елена Николаевна сказала, что сейчас придет Павел Павлович и у нас будет очень серьезный и ответственный разговор.

Сначала мы, конечно, ничего не поняли, но потом пришел Павел Павлович и все объяснил. Оказалось, что он собрал нас из-за Лукина. Опять Лукин! Просто невозможно. Павел Павлович подробно перечислил все его выходки за первые две недели занятий и предложил выпустить специальный номер сатирического бюллетеня, вроде тех, что вывешивают около горсовета штабы народных дружин — «Вилы в бок» и тому подобное.

Я сказала, что это правильно. Лукин ведет себя возмутительно, всех оскорбляет, ужасно заносится, а теперь, оказывается, еще и цепи с рыбачьего причала утащил. Конечно, все это он делает, чтобы себя показать.

В конце концов решили так: рисовать карикатуры на Лукина будет Слава Згуриди, стихи напишет Сема Баркалая, а редактировать и распределять материал буду я.

Ровно в пять мы взялись за работу. Слава Згуриди нарисовал страшилу-сыщика в маске, с поднятым воротником, с пистолетом в руке. И рядом изобразил пропуск на имя Роге Никула, оперативного сотрудника. Тем временем Сема Баркалая придумал заголовок: «ВОТ КАКОЙ У НАС ВОПРОС: КТО ЗАДРАЛ ТАК СТРАШНО НОС?»

Потом я наклеила документы: записку, которая была снята с дверей того старичка-инвалида, и еще записку — из музея. (Этот тип обнаглел до того, что исправил ошибки в объявлении на двери да еще и расписался!) К документам сочинили все вместе такие стихи:

В нашем классе много
типов мы видали,
ну, а вот такого
до сих пор не знали.
Мнит себя персона
умницей примерной,
наплевал с балкона
и кричит: я первый!
Выдумал, как будто
он оперативный...
Да попался тут-то
наш Лукин «активный».
Говорим все дружно:
нам таких не нужно!
Без тебя, Никул Роге,
проживем прекрасно!
Что теперь?
Ни бе, ни ме?
Ну, а нам
все ясно!

И еще нарисовали два велосипеда, обмотанных цепями, с якорем впереди и якорем сзади и здоровяка, тянущего этот воз. А подпись сделали такую: «Егор Лукин, он же — Роге Никул, он же — Юрий Власов. Разыскивается работниками рыболовецкой артели имени 8 Марта. Знающих просим сообщить на рыбный причал».

Ну, думаю, что такая критика медведя и то проймет!

Посмотрим, что будет завтра.

— Роге! Куда идешь? Давай назад, Никул!

16 СЕНТЯБРЯ.

Наш бюллетень собрал целую толпу. Прибежали ребята из всех классов. Хохотали ужасно. Наверное, на улице — и то слышно было! Особенно велосипеды всем понравились.

Наконец в конце коридора появился «виновник торжества». Сначала Лукин, конечно, ничего не понял и стал протискиваться к двери, чтобы увидеть, над чем смеются. Ну, а когда разобрался, повернулся и пошел не в класс, а совсем в другую сторону.

Кто-то из ребят заорал:

— Роге! Куда идешь? Давай назад, Никул!

Но он даже не обернулся.

До звонка на урок оставалось каких-нибудь пять минут. И я побежала в пионерскую комнату, чтобы предупредить Елену Николаевну, как Лукин «отреагировал» на критику. Ведь он явно сбежал из школы. Вот тебе и герой!

Зашла в пионерскую комнату и вижу: сидит Елена Николаевна в углу, около окошка, и плачет.

Я даже растерялась и не знала, что ей сказать. Постояла и ушла. По-моему, она меня даже и не заметила.

Вернулась в класс, а там жуткий шум. Больше всех кричал Боря Барсов:

— Мы подлецы! Так нельзя. И ты, Гогин, и я больше всех виноваты. Сами с Егором за цепями ходили, а теперь получается, он один виноват? Разве он себе это дурацкое железо тащил?

— А я про этот бюллетень и во сне ничего не видел,— сказал Валя Гогин.— Это все твоя и Нинки Крепкиной работа. Что, не правда? Правда! Так чего ж теперь на людей кидаться? Почему я подлец?

Я сказала:

— Тише, ребята! Послушайте, что я скажу! От критики никто еще не умирал...

Но тут в класс вошел математик, и досказать мне не пришлось.

Глава пятая

ЧЕЛОВЕК НА ВЫСОТЕ

Лукин вышел из школы и медленным шагом направился к набережной. Если бы в этот момент кто-нибудь спросил у него: «Куда ты идешь, Лукин?» — вряд ли б сумел он ответить толком. Он шел прочь от школы, от смеха, звеневшего еще в ушах, от издевательски обидных карикатур бюллетеня.

Сначала он очутился на площади Героев, потом спустился по отлогой лестнице к самой воде и уселся на гранитных ступенях парапета. Ленивые, будто сонные, волны плескались под ногами. Огромный танкер медленно вползал сквозь узкие ворота мола на внутренний рейд. Где-то неподалеку размеренно тарахтела землечерпалка. Суетились и противно орали чайки над рыбным причалом. Все было как всегда, словно бы ничего решительно не случилось. Егор смотрел на море, и постепенно мысли его стали менять направление.

Школьные неприятности остались где-то позади. Море, словно огромный магнит, притягивало к себе внимание мальчишки. Размеренный плеск волн убаюкивал, солнечные блики, дрожавшие на зеленовато-синей шкуре рейда, не давали сосредоточиться ни на чем неприятном, и легкий солоноватый ветер нежно поглаживал щеки.

К пирсу подвалил катерок, курсировавший между западным и восточным берегами Целарской бухты. Не раздумывая, Егор взял билет и поднялся на палубу катерка-перевозчика. В положенное время катер отвалил от берега и, постреливая мотором, резво побежал к восточному берегу.

Егор не видел, как подняли его забытый на пристани портфель и долго разглядывали находку какие-то незнакомые ребята, и, уж, конечно, он не мог знать, что в тот самый час, когда катер доставит его в поселок Бахтач, портфель очутится на широком столе Павла Павловича...

Просторный пляж Бахтача приветливо принял Егора.

Мальчишка с удовольствием искупался в зеленоватой солнечной воде, вдоволь повалялся на солнышке и решил наведаться на Теленевский маяк, давно уже привлекавший его внимание. К маяку вела узкая каменистая тропа, густо заросшая по краям какими-то незнакомыми колючками.

Егор шел медленно. И чем выше он поднимался, тем дальше отступал от него горизонт. Совсем недавно бухта казалась огромной, и пароходы, заякорившие рейд, большущими, и мол, разрезавший Целарскую подкову на две неравные части, очень внушительным, а теперь... бухта, раскинувшаяся далеко под ногами, стала совсем небольшой и корабли превратились в игрушечные пароходики, а мол — в тоненькую, хрупкую черточку.

Егор поднимался все выше и выше — над морем, над городом, над самим собой. Да, над самим собой тоже: первый раз в жизни он пытался взглянуть на свои поступки со стороны. Между прочим, сделать это оказалось совсем не так просто. Гораздо легче въедливо разбирать и уверенно оценивать чужие действия, слова, поведение, и совсем нелегко сказать самому себе: здесь я был неправ...

Конечно, вся история с оперативным сотрудником Роге Никулом — чистейшей воды чепуха. Но какое дело до этого Крепкиной? А записка, оставленная на дверях Андрея Максимовича? Какой же это обвинительный документ? И что такого, если девчонки сдали молочные бутылки и принесли картошку? Разве он сто раз не бегал в магазин? Разве он поднимал из-за этого шум?

Еще что? Да, он исправил ошибки в объявлении на музейной двери. Исправил! Так разве он переделал старые ошибки на новые? Нет!

И цепей он не крал! Зря, что ли, ему сразу поверил капитан милиции товарищ Самойлов?

Он непочтительно разговаривал с Пал Палычем? Это верно. Но он не может разговаривать по-другому с человеком, который ни с того ни с сего хочет вывернуть у него карманы и обыскать, как мелкого жулика.

Его отношение к ребятам? Пожалуй, это был самый трудный вопрос из всех, на которые он пытался ответить. Ребята разные, ребята неплохие. Но смотреть, как ими помыкает Нинка Крепкина, и поддакивать ей, и делать вид, что ему очень нравятся ее дурацкие речи... Нет, это невозможно.

Наконец Егор вышел на ровную площадку. Вблизи маяк оказался солидным каменным сооружением. В солнечных лучах белая башня светилась совершенно ослепительно. Странно было даже подумать, что из города Теленевский маяк представляется крошечной светлой занозой, застрявшей в густой зелени далекой широкоплечей горы...

Егор уселся на краю площадки и стал смотреть на бухту.

Подернутый дымкой город виделся серым, однообразным и совершенно пустым — без людей, без стремительных машин на улицах, без птиц, населяющих зеленые макушки деревьев.

Пока Егор разбирался в своих душевных переливах, капитан милиции Самойлов звонил полковнику авиации Колесову.

— Здравствуйте, Андрей Максимович! — говорил Самойлов. — Что-то вас давно в комитете ветеранов не видно?

— Привет, Иван Васильевич! — отвечал Колесов.— Заболел я, понимаешь. Сердце прихватило. А что у тебя, какие новости?

— У меня? Всякие у меня новости — и хорошие есть и плохие...

И дальше последовал рассказ Ивана Васильевича Самойлова о посещении школы, о встрече с Павлом Павловичем и знакомстве с «оперативным сотрудником Роге Никулом».

— Я этого паренька знаю,— сказал Колесов.— Он, можно сказать, меня спас. Хороший парень.

Тем временем там, в городе, происходили и другие события. Павел Павлович вошел в директорский кабинет. На своем столе он обнаружил ученический портфель. Открыл, вытащил первую попавшуюся в руки тетрадку и узнал, что это — имущество ученики шестого класса «а» Лукина.

В кабинет была вызвана тетя Зоя.

— Почему этот ученический портфель лежит на моем столе?

Тетя Зоя ответила:

— Портфель принесли ребята, где-то на море подобрали и принесли. Ребята не наши, из пятой школы. Вот я и положила к вам...

— А где сам Лукин?

— С утра приходил, прочитал, значит, стенную газету, сильно очень расстроился и ушел. Как бы, Пал Палыч, беды не случилось, очень уж сильно расстроился.

— Благодарю вас,— говорит Павел Павлович и грузно опускается в старое, скрипучее кресло. Минутой позже он уже звонил Самойлову.

— Ты живой или не живой?

Егор поднял глаза и увидел над собой сухонького, прожаренного на солнце старика в широких матросских штанах, выгоревшей тельняшке и черной морской фуражке.

— Я живой,— сказал Егор и улыбнулся старику.

— А я так полагал, что мумия. Час сидит человек, два сидит и не шевелится. Не ест, не пьет. Все равно, что тот памятник. А ты, оказывается, живой! Ну, раз так, то должен быть еще и голодным.

— Вообще-то я завтракал...

— Слушай, ты, мумия! Дедушке Яше врать нельзя. Дедушке Яше сто лет скоро стукнет. Меня, если хочешь знать, в музей жить приглашали. Только я отказался. А почему? Не привык! Ну, ладно, пойдем-ка в хату и попьем чайку с медом. Мед — пользительная штука! От ревматизма помогает и для мозгов и нервы лечит. Пойдем. Попьем чайку, а потом как захочешь: или вместе будем расстраиваться, или, не захочешь вместе, так расстраивайся себе на здоровье один...

Никогда еще Егор не пил такого чая, не пробовал такого меда и не слушал такого чудака.

— Маяк кому светит? Людям. А при маяке кто состоит? Я. Значит, что же выходит? Выходит, что и я свечу людям. А тут вдруг говорят: не хотите ли в музей? Чего, спрашиваю, там делать — морщинами хвалиться? Не велика радость! Тут я дорогу указываю. А там?.. Понял? Не понял. Ну и ладно. Это все так — слова. Стариковские понятия. И зря лю-

Час сидит человек, два сидит и не шевелится.

ди болтают, что старикам какая-то особенная мудрость дадена. Ерунда! Это кому как достанется: один молодой, да умник, а другой хоть и седой весь, а все равно дальше своего носа ничего не видит. Живи — свети! Вот тебе и вся хитрость.

Говорит-говорит дедушка Яша, будто ручеек журчит. И от легких его слов и от доброй его хитрой улыбочки медленно светлеет на душе у Егора, словно туман сходит.

— А ты, я вижу, сынок, притомился. Ступай отдохни. В сараюшке у меня сено, вот и ступай, поспишь. Как глаза-то закроешь, так все расстройства и слетят. Это я тебе верно советую. А если куда ко времени надо, назначь час — разбужу...

— Спасибо,— говорит Егор.— Спасибо вам, дедушка Яша.

Егор спит на душистом сене. Его не тревожат беспокойные сны, не мучают больше сомнения. Легко дышится у подножия Теленевского маяка, во владениях чудаковатого дедушки Яши. Спит мальчишка, будто и не живет. Но жизнь не останавливает своей работы. Жизнь идет, трудится, спешит...

Спит Егор, а в Харькове мать Егора дочитала письмо от сына и отправилась на главный почтамт. Через пять минут она пошлет домой телеграмму: «Соскучилась завтра выезжаю дорогим любимым мальчишкам обнимаю обоих».

Спит Егор, а в светлом кабинете начальника треста Виктор Васильевич Лукин докладывает строгой комиссии:

— Таким образом, можно считать все подготовительные работы завершенными и завтра в шесть ноль-ноль приступать к действию. Двенадцать последовательных взрывов позволят в кратчайший срок обрушить скалу, преграждающую подступ к устью тоннеля, и начать проходку...

— Вы уверены в полной безопасности окружающих объектов? — спрашивает управляющий трестом.— Очень уж тесная площадка...

— Да,— говорит Лукин.— Совершенно уверены.

Спит Егор, а капитан милиции Самойлов напутствует дежурного мотоциклиста.

— Проскочи на причал поселка Бахтач и расспроси пацанов, не видали ли они мальчишку в серых брюках, синей рубашке, вихрастого, веснушки на носу. Звать — Егор, фамилия — Лукин. Тринадцать лет. Есть сведения, что он переправлялся в Бахтач на катере. Если найдешь, вези скорее ко мне. Ясно?

— Так точно, товарищ капитан, ясно,— говорит мотоциклист и направляется к своей машине.

Спит Егор, а в это время Андрей Максимович объясняет врачу:

— Я здоров, доктор. Но главное даже не в этом. Мне надо, поймите, очень надо выйти на час из дому. Мне просто необходимо побывать в школе. Честное слово, от того, что я буду сидеть дома, спокойнее мне не будет. Наоборот, будет беспокойнее, а значит, вреднее. Согласитесь, доктор,— в жизни бывают чрезвычайные обстоятельства...

Елена Николаевна — Лена — говорит секретарю городского комитета комсомола:

— Я понимаю, это моя вина. Да, да, да! Я просто струсила перед Пал Палычем, почувствовала себя школьницей и не сказала того, что думала, того, что должна была сказать... Наверное, я никакая не вожатая, просто тряпка. Но сейчас не это важно. Важно совсем другое: где Лукин? Он ушел из школы с обидой. Мы вот сидим тут и разговариваем, а его нет, и где он, неизвестно...

— Перестань разводить панику,— говорит секретарь.— Человек не иголка, найдется. А ты должна взять себя в руки, Лена. Ни слезами, ни словами делу не поможешь. Надо разобраться, до конца разобраться — и действовать...

Летит мотоцикл по широкому приморскому шоссе — возносится на подъемы, стремительно скатывается в ложбины. Летит птицей! Согласитесь, сто двадцать километров в час — хорошая скорость на земле! Но старший сержант милиции Никольский не замечает скорости: привык.

Мотоцикл останавливается у причала Бахтач. Никольский не спеша оценивает обстановку. Старший сержант знает: торопливость — первый враг разумных действий. Разглядев пристань и пляж, отчетливо разделив всех людей на приезжих — курортников и местных, Никольский намечает порядок действий. Сначала он подзывает бедового с виду, безусловно, бахтачского мальчишку и для порядка спрашивает:

— Ты местный?

Загорелый босоногий парнишка с живыми цыганскими глазами решительно подтягивает штаны и отвечает несколько неожиданно:

— Да что вы, дяденька! Какой я местный? Я с Марса.

— С Марса? Очень хорошо! Вот марсиане-то мне и нужны. Есть серьезный разговор, марсианин.— И Никольский ставит задачу: — Надо обнаружить следы человека по имени Егор, по фамилии Лукин. Приметы: штаны серые, рубашка синяя, вихры торчком, есть веснушки.

Марсианин внимательно слушает старшего сержанта и понимающе кивает головой. Потом спрашивает:

— А чего он натворил, этот Лукин, что-нибудь опасное?

Никольский наклоняется к самому уху марсианина и шепчет:

— У нас на земле оперативным работникам таких вопросов не задают. Тайна! Усваиваешь: тайна!

— Тайна? Тогда — все...— говорит марсианин и убегает.

Через четверть часа двадцать мальчишек включаются в поиск таинственного Лукина. Еще через четверть часа число разведчиков возрастает до тридцати семи.

Через час марсианин докладывает:

— В серых штанах, в синей рубашке, с вихрами — есть! Спит в сарае у дедушки Яши. На самом маяке.

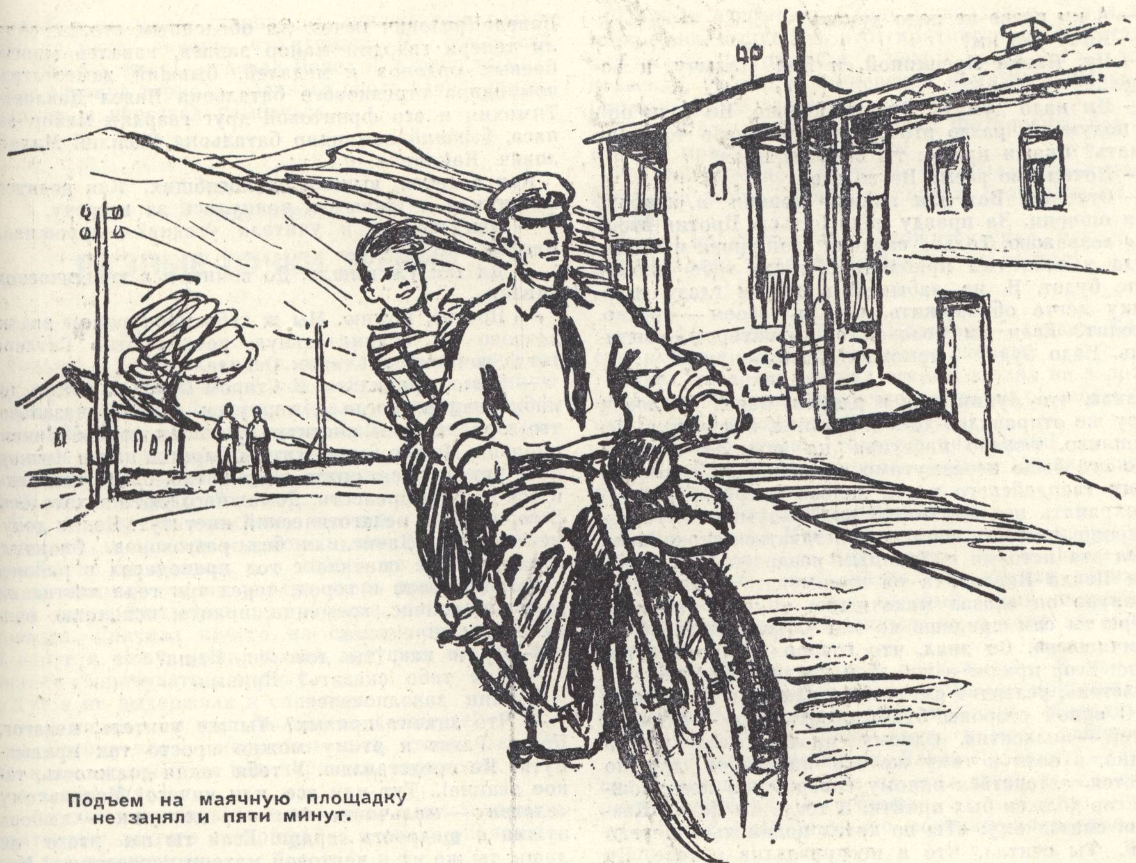
Никольский нажимает на стартер, глазами показывает марсианину на заднее седло и коротко приказывает:

— Дорогу!

Вознесение на маячную площадку не заняло и пяти минут. И вот уже Никольский идет к сараюшке, а дедушка Яша и марсианин тревожно поглядывают вслед старшему сержанту.

— Подумать только,— говорит дедушка Яша,— а я медом его кормил! С виду ведь мальчонка как мальчонка. И нате, пожалуйста,— милиция человеком интересуется. Правильно говорят: век живи — век учись...

В это время из сараюшки показываются Егор и старший сержант.

Подъем на маячную площадку не занял и пяти минут.

— Улыбается! — комментирует появление Егора беспокойный дедушка Яша.— Натурально улыбается! Ну, что я тебе сказал: век живи — век учись и все равно всей премудрости не постигнешь. А почему? Потому, что человек есть самая главная загадка природы. Понятно? Непонятно...

Никольский вежливо козыряет дедушке Яше, коротко, по-мужски благодарит марсианина.

— Спасибо вам, дедушка Яша,— говорит Егор.— Можно мне еще приехать?

— Завсегда пожалуйста,— отвечает старик и кланяется Никольскому.— Мы людям рады...

Вот и все! Стрельнув выхлопом, мотоцикл исчезает. Был—и нет. Как во сне, как в сказке.

В кабинет капитана Самойлова входят старший сержант Никольский и следом за ним Лукин. Старший сержант говорит:

— Товарищ капитан, разрешите доложить: ваше задание выполнено.

— Благодарю,— отвечает капитан.— Отдыхайте, товарищ Никольский. А ты, Егор, садись вот сюда, на диванчик.

Сколько-то времени Самойлов молчит, видно, обдумывает, с чего начать разговор, потом спрашивает:

— Обиделся? На ребят, на Павла Павловича, на весь белый свет?

— Обиделся,— говорит Егор.— На Нинку Крепкину и на Пал Палыча, а на весь свет я не обижался.

— И сбежал?

Егор молчит.

— Чего ж теперь молчать — сбежал, факт. А теперь скажи: как это со стороны выглядит? Оперативный сотрудник Роге Никул распустил слюни, будто он кисейная барышня, и...

— Товарищ капитан, не надо про оперативного сотрудника, а? И про Никула, пожалуйста, не надо. Глупости это все. Я понял.

— Понял? Тогда не буду. Но почему ж ты все-таки сбежал?

— Разозлился, и потом обидно стало: чего я им сделал?

— Не убедительно, но более или менее ясно. По-твоему выходит, если меня, например, на работе обидят, я могу собраться и махнуть куда-нибудь на Зеленый мыс переживать и купаться. А тут хоть трава не расти!

— Так вы ж на работе...

— А ты? Ты разве в бирюльки играешь? Вот что, Егор, я тебе скажу: человек должен управлять своими поступками, должен сначала думать, а потом действовать. Иначе что получается? В школе волнуются, Андрей Максимович волнуется, Лена — вожатая твоя — тоже волнуется, весь горком комсомола подняла. Я полдня не работаю, Никольский — старший сержант, который тебя привез,— черт знает на что время теряет. А все почему? Потому что у Егора Лукина нервишки расходились. Думать надо, Егор, думать!

— А им разве не надо думать?
— Кому это им?
— Ну, Нинке Крепкиной, и Пал Палычу, и вообще...
— Им надо думать. Это правильно. Но если они не подумали, разве это дает тебе право тоже не думать? Скажи прямо: ты во всем прав?
— Почему во всем? Не во всем.
— Отлично. Вот для начала возьми и исправь свои ошибки. За правду надо биться. Против этого я не возражаю. Только сначала свои грехи исправь. Тогда у тебя сил прибавится, тогда тебе самому легче будет. И не забывай: в чужом глазу соломинку легче обнаружить, чем в своем — бревно. Доходит? Если ты человек с характером,— вытянешь. Надо будет — поможем. Договорились?

Узнав, что Лукин жив и здоров, Павел Павлович сразу же отправился домой. Он шел, как всегда, неторопливо, тяжело наступая на полную ступню, лицо его было невозмутимо, и глядел он с высоты своего гвардейского роста далеко вперед.

Сохранять невозмутимый вид, разумеется, гораздо проще, чем на самом деле оставаться спокойным.

Вся эта история с Лукиным раздражала и выводила Павла Павловича из привычного равновесия. Накануне он сказал мальчишке: «Иди и запомни: завтра ты сам придешь ко мне объясняться, бегом примчишься». Он знал, что говорил. Он рассчитал точно: Егор придет в школу и увидит сатирический бюллетень, услышит смех всего класса и растеряется. С одной стороны будет стоять Егор — один, с другой — коллектив. Одному против всех всегда трудно, а если к тому же все над тобой дружно смеются, оставаться одному совершенно невозможно. Егор должен был прийти. И тогда бы Павел Павлович сказал ему: «Ты не хотел повиниться передо мной. Ты считал, что я несправедлив к тебе. Ну что ж, мой друг, я не стану оправдываться, это ни к чему. Но, согласись, весь класс, тридцать шесть человек, не могут быть все сразу неправы. Тебе придется сказать им то, что ты не соизволил сказать мне...»

Но Егор не пришел к своему завучу. Он просто сбежал из школы.

А тут еще Лена вмешала горком комсомола. Пришлось поставить в известность капитана Самойлова: надо же было Егору забыть свой портфель на набережной!.. Словом, бюллетень не прикончил, а только раздул всю историю.

Нескладно, очень нескладно все получилось. И главное, как действовать дальше, как выходить из положения, совершенно непонятно...

Обо всем этом Павел Павлович и собирался подумать на досуге, дома, где его не раздражал шум школьных перемен и не мешали бесконечные телефонные звонки.

Но побыть в одиночестве не удалось.

Дома Павла Павловича ждал гость.

— Паша, старина,— бодро выкрикнул гость, как только Павел Павлович переступил порог своей квартиры.— Здравствуй, Паша! Глазам не верю— ты? — И гость кинулся к Павлу Павловичу с такой поспешностью, что опрокинул по дороге стул и едва не смахнул настольную лампу.

— Вася? — сказал Павел Павлович и мгновенно преобразился, будто отпустил тормоза: он сделался сразу подвижнее, мягче, даже заулыбался.— Откуда ты взялся, Вася?!

— Старая песня, Паша: кто ищет, тот найдет!

И тут произошло чудо: в мире вдруг не стало заведующего учебной частью средней школы, завуч Павел Павлович исчез. За обеденным столом сидели теперь гвардии майор запаса, кавалер многих боевых орденов и медалей, бывший заместитель командира стрелкового батальона Павел Павлович Тимохин и его фронтовой друг гвардии майор запаса, бывший командир батальона Василий Михайлович Каплин.

Как водится, выпили за погибших. Как водится, вспомнили о живых и чокнулись за встречу.

— Как же ты в учителя угодил? — спрашивал Каплин.

— Да так уж вышло. До войны я в юридическом учился...

— Помню, помню. Мы ж тебя прокурором звали, здорово ты обвинительную речь против Гитлера тогда сочинил, в Старом Осколе.

— Было, правильно. В Старом Осколе... После демобилизации, когда я вернулся домой, оказалось, что юридический институт в нашем городе ликвидирован. Можно было ехать в Саратов или в Москву, но я устрашился: опять общежитие, опять столовка и все прочие прелести. Домашнего уюта захотелось. В городе был педагогический институт. Подал документы туда. Зачислили без разговоров. Окончил, а там пошло: сначала с год преподавал в районе, потом перевели в город, через три года поставили завучем, сейчас, временно, правда, исполняю обязанности директора.

— Ну и как, ты доволен, Паша?

— Как тебе сказать? Привык.

Каплин заволновался.

— Что значит привык? Ты же учитель, педагог, Паша. Разве к этому можно просто так привыкнуть? Не представляю. У тебя такая должность, такое звание!.. Тут или все, или ничего! Маленькому человеку — мальчонке там или девчушке — любовь нужна и щедрость сердца. Если ты им этого не дашь, ты же их к чертовой матери искалечишь! Может быть, я чего-нибудь не понимаю, Паша?

— Как тебе сказать, Вася, понимаешь ты или не понимаешь? Всякая работа требует прежде всего знаний. Я, например, так считаю: каждый специалист обязан досконально знать свое ремесло. А если приложить еще известный процент любви к работе вообще и некоторую долю души, особенно такой возвышенной, как у тебя, Вася, то это как раз будет то, что надо. Знания у меня есть. А любовь? Я боюсь громких слов, мне проще сказать — привычка. Так вот, привычка тоже есть. Ну, а что касается души, можешь быть уверен: не захочешь вложить, так они — я учеников имею в виду! — сами ее вытянут.— И тут Павел Павлович принялся рассказывать историю с Лукиным: — Вот тебе, так сказать, отдельный яркий пример!

Рассказывал Павел Павлович долго, обстоятельно и закончил так:

— А теперь скажи, Вася, что бы ты на моем месте сделал? Только, чур, откровенно, как старому другу.

Каплин ответил не сразу. Видно было, что отвечать ему нелегко. Но бывший солдат и мужественный человек, он понимал: надо либо говорить то, что думаешь, либо не говорить совсем. Наконец он сказал:

— Я бы пошел в городской комитет партии, Паша, и честно там заявил: «Дорогие товарищи, увольте. Педагог из меня не вышел. Человек я грамотный, добросовестный, работящий, а вот воспитывать ребятишек не могу: нет у меня к этому делу ни любви, ни таланта. Не доверяйте мне детей. Дайте другую работу». Лично я бы так поступил. Человек, Паша, должен быть на своей высоте. Ты не

обижайся на меня, старина, я дипломатию разводить не умею, говорю, что думаю. Не обиделся?

— Что ты, Вася! — сказал Павел Павлович и, медленно затянув тормоза, сделался снова сдержанным, жестким и перестал улыбаться.

Глава шестая

РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

17 СЕНТЯБРЯ.

Только я вошла в школу, вижу: идет по коридору старик с белой-белой головой, одет в военную форму, на груди ордена, медали и еще какие-то знаки. Не успела я подумать, чей же это дедушка, как он меня спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, девушка, где тут шестой «а» помещается?

Ну, я, конечно, ответила, что сама учусь в шестом «а», и дальше мы пошли вместе. Он ничего больше не спрашивал, а я ничего не говорила. Но когда военный старик увидел дверь нашего класса, а на двери бюллетень про Лукина, он даже остановился. Сначала ничего не сказал, стал читать. И вдруг я вижу: отшпиливает дедушка лист и начинает сворачивать в трубку.

Тут я не выдержала и спросила:

— А почему вы наш бюллетень снимаете?

— Потому что не могу позволить, чтобы так глупо и зло издевались над хорошим человеком.

А я спросила:

— Разве это издевательство, если одни товарищи критикуют другого товарища? — и стала объяснять, как все получилось.

Он слушал очень внимательно, ни разу не перебил, а когда я все до конца рассказала, говорит:

— Милая девушка, я полковник Колесов, Андрей Максимович, тот самый старый пенсионер, которому вы собирались оказывать помощь и не смогли этого сделать по вине Егора Лукина. Во-первых, примите, пожалуйста, извинения за свинскую выходку моего друга. Во-вторых, я очень прошу вас вместе с подругой пожаловать ко мне в гости. Скажем, завтра в два часа. Буду ждать непременно. А в-третьих, позвольте вам заметить: критика — тонкая штука и критиковать надо умеючи... Вы басни Крылова читали? Помните, как там медведь с мухой расправился? То-то! А бюллетень ваш не пропадет. Жду вас завтра.

Старик показался мне не очень симпатичным, хотя он, видно, и заслуженный. Отказывать ему было неудобно. Я обещала прийти ровно в два вместе с Галей Фирсовой.

Тогда уже на прощание он сказал:

— Спасибо,— а потом вдруг улыбнулся и добавил: — Между прочим, Нина, глаза у вас совсем не злющие, очень даже добрые глаза, откуда ж в вас столько яда оказалось? — и покачал у меня перед носом свернутым в трубку бюллетенем.

Полковник ушел, а я стала думать, в чем же все-таки мы допустили ошибку. С одной стороны, Андрей Максимович сам сказал: «Примите, пожалуйста, извинения за свинскую выходку моего друга»,— то есть Егора Лукина, значит, он с ним не согласен! Но, с другой стороны, он же намекнул на мою ядовитость, значит, защищает Егора. Вот тут мне что-то неясно. Выходит, у полковника сразу две точки зрения. А разве так может быть?

И еще я вспомнила Елену Николаевну. Когда мы собирались выпускать этот критический бюллетень, она ничего не говорила, а потом, когда мы его уже повесили, сидела в пионерской комнате и плакала. Странно. Даже очень странно!

Жалко, что нет больше Анны Федоровны, вот бы кто все правильно объяснил!

Ребята, конечно, заметили, что бюллетень куда-то исчез, но никто ничего не сказал. Безразличие? Не думаю.

Лукин на уроках был. Держится тихо, никого не задевает, его тоже никто больше не трогает...

— Здравствуйте, Павел Павлович,— сказал Колесов, входя в кабинет директора школы.

Павел Павлович метнул острый взгляд на золотой погон посетителя, энергично поднялся со своего места и по-военному четко ответил:

— Здравия желаю, товарищ полковник!

— Колесов,— представился Андрей Максимович,— прошу сидеть.

И Павел Павлович послушно сел.

Сел и Андрей Максимович. Некоторое время они молча разглядывали друг друга. Потом Павел Павлович, видимо, спохватился, что хозяин кабинета все-таки он, а не этот грузный седой полковник, и произнес давно заученную, ни к чему не обязывающую фразу:

— Чем обязан, товарищ полковник? — И, так как Колесов не отозвался на это учтивое приглашение к разговору, добавил: — Вы, помнится, болели — и вдруг на ногах и даже здесь, в моем кабинете...

— Как вы нынче спали, Павел Павлович? — спросил Колесов и положил на стол свернутый в аккуратную трубочку лист бумаги.

— Спал? Благодарю вас, товарищ полковник, хорошо спал...

— А я плохо. Все о вас думал.

— Обо мне? Я бы сказал, что это весьма удивительно...

— И все ждал встречи, чтобы задать вам один вопрос: скажите, вы в детстве в сыщиков играли?

— Право, не помню... И не понимаю, к чему вы клоните, товарищ полковник.

— Вы многого, к сожалению, не понимаете, Павел Павлович, а вспомнить все-таки постарайтесь — очень вас прошу,— играли или не играли?

— Вполне возможно, если вам угодно. Все дети играют в романтические игры.

Андрей Максимович вздохнул и ослабил тугой узел форменного галстука.

— Так как же вы могли тогда допустить, чтобы у вас в школе на видном месте вывесили такую мерзость? — Колесов развернул злосчастный бюллетень шестого класса «а».— Как вы позволили, чтобы ребята так глупо, так бессмысленно надсмеялись над своим товарищем, над мальчишеской фантазией?!

— Простите, товарищ полковник, но, прежде чем ответить, я бы хотел знать, как очутился этот бюллетень у вас, кто его снял со стены?

— Ну, я снял. И что дальше?

— Позвольте узнать: по какому праву вы это сделали?

— Вопрос звучит чрезвычайно торжественно. Вам нравится не разговаривать, а изъясняться? Извольте. Я снял эту пачкотню по праву старшего коммуниста. По велению моей партийной совести. Такая формулировка вас устроит?

— Ну, знаете, если...— И Павел Павлович замолчал. Он никак не мог найти достаточно убедитель-

ных, но не слишком резких слов; он все время помнил: перед ним старший.

— Прошу, Павел Павлович, договаривайте. Что означает ваше «если»?

— Товарищ полковник! Я вынужден жаловаться на ваши действия.

— Жалуйтесь!

Павел Павлович встал. Нет, он ничего больше не сказал. Просто выпрямился и с высоты своего гвардейского роста холодно и выжидательно глядел на продолжавшего сидеть Колесова.

— Вы хотите сказать, что аудиенция окончена и посторонних просят покинуть помещение? — спросил Колесов и, не дождавшись ответа, продолжил: — Через двадцать лет вы будете на пенсии, Павел Павлович, а они,— тут Колесов ткнул пальцем в разрисованный лист бюллетеня,— и авторы этого произведения и главный герой, они будут хозяевами той лучшей жизни, за которую мы воевали, которую строим. Так неужели вы не понимаете, что им нужно вырасти честными, добрыми, красивыми, чуткими людьми? Их надо научить уважать человека, преклоняться перед человеком! А вы что делаете? Заслужил мальчишка — обругайте его, будьте строги, но не насмехайтесь, не глумитесь над личностью.

Павел Павлович сел, закинул ногу на ногу и после долгой паузы сказал:

— Ваш Лукин ведет себя из рук вон плохо, противопоставляет себя товарищам, дерется, грубит, нарушает правила поведения. С этим мириться нельзя. Я пытался с ним разговаривать, разъяснить положение, но все напрасно. Лукин — ученик трудный. Поняв это, я решил воздействовать на него силой коллектива. Допускаю, что вы считаете такую меру несправедливой, но тем не менее общественное осуждение признается всеми инстанциями как один из наиболее действенных и активных способов воспитания. Надеюсь, что в принципе возражать вы не будете? Нравится вам лично или не нравится такая постановка вопроса — это уже совсем другое дело... Я понимаю: Лукин оказал вам услугу, и вы, естественно, склонны многое ему простить. Обстоятельство немаловажное и многое объясняющее. Ну, а что касается меня, я объективен по отношению ко всем ученикам. Позвольте спросить теперь: какую другую точку зрения, товарищ полковник, вы можете предложить?

— Вам? Никакой! — сказал Андрей Максимович.— Я только напомню: Егорше тринадцать лет! Поймите — всего тринадцать и уже тринадцать! В таком возрасте все люди делают глупости. Впрочем, я зря трачу время: вы, Павел Павлович, не любите своих учеников, и поэтому все ваши правильные, идеально справедливые и якобы убедительные слова ничего не стоят. Будьте здоровы. Можете на меня жаловаться. Но прежде чем писать кляузу, от души советую: поглядитесь в зеркало. И спросите у самого себя: какой я учитель? Будьте здоровы.

17 СЕНТЯБРЯ.

Сегодня мне здорово влетело от Андрея Максимовича. А за что? За все сразу.

Почему сбежал? (Капитан Самойлов тоже об этом спрашивал.) Я и так и сяк объяснял, а Андрей Максимович все равно требует: «Нет, ты толком объясни, почему?» В конце концов я сказал, что смотреть на эту вывешенную на двери мазню и слушать, как все кругом ржут, было просто обидно... А он вроде только того и дожидался, чтобы я сказал «обидно». Андрей Максимович прямо обрадовался:

— Ага! Обидно, говоришь! Не нравится, значит, когда тебя обижают? А сам?..

Я спросил:

— Что сам?

— А сам почему девочек обидел? Или ты считаешь, что выгнать людей из дому не обида? А записка твоя на дверях тоже необидная?

Я очень удивился и спросил: откуда ему все известно?

Оказалось, что Андрей Максимович ходил в школу.

— Зачем же вы в школу пошли, когда врач велел лежать?

А он как разозлится:

— Отставить разговорчики! И не смей перебивать, когда я тебя дело спрашиваю. Ишь ты, зачем ходил?! Моя это забота. Ты скажи, почему руки распускаешь! Вот что меня интересует.

Ну, я рассказал, что два раза, правда, дрался. Один раз — просто так, баловался, а другой — из принципа (когда у меня на подарок училке денег брать не хотели). Мое «просто так» Андрей Максимович мимо ушей пропустил, а за «принцип» целых полчаса выдавал! Оказывается, он считает: раз уж это принцип — не делать подарков, то нечего было и щедростью хвастать, нечего было со своим полтинником лезть. Я попробовал не согласиться: не дашь денег, скажут: жадина. А он еще больше разозлился: какая разница, что там кто-то подумает. Наплевать! Если у тебя принцип, то и держись своего принципа до конца.

А после этого Андрей Максимович спрашивает:

— Скажи, тебе Боря Барсов нравится?

Я сказал, что Борька — парень ничего, умный, читает много. Только жуткий слабак. Двух раз подтянуться не может.

— Вот ты бы с ним и занялся.

— Чем занялся?

— Как чем? Спортом, физзарядкой, помог бы парню руки накачать.

— Как же ему можно помочь, когда он сам заниматься не хочет и еще теорию развел: теперь сила — дело десятое. Теперь все техника решает, машины. А человеку надо только мозг тренировать. Будет он при таких понятиях тренироваться! Ждите!

— Вот ты и разубеди, докажи.

Я промолчал, думал, на этом разговор кончится. Но как бы не так!

— А что, по-твоему, Нина Крепкина из себя представляет?

— Дура,— сказал я,— и жуткая подхалимка.

— Все?

— Может быть, и не все. А по-вашему, мало?

Но Андрея Максимовича так просто не собьешь.

— А как она учится?

— Нормально.

— Зубрила?

— Нет, на самом деле хорошо учится.

— Не может быть.

И тут я попался. Стал, как осел, доказывать, что Нинка и вправду здорово в науках соображает. Андрей Максимович послушал-послушал и, можно сказать, сразил меня наповал:

— Значит, не такая уж она дура! Сам доказал.

И опять мне пришлось промолчать. Но на этом разговор тоже не закончился.

— А остальные ребята у вас в классе какие?

— Всякие,— сказал я.— Валька Гогин, например, тихий, а сам авиацией интересуется, модели строит, книжки про летчиков читает. За цепями со мной

ходил и не отказался потом и не продал меня, как некоторые. Баркалая рисует хорошо... Слава Згуриди...

Но тут Андрей Максимович перебил и говорит:

— Словом, я так понимаю, что не все у вас в классе безнадежные ослы и кретины? Так?

И я сказал:

— Так, конечно!

— А где ж твоя принципиальность, Егор? Сейчас ты соглашаешься со мной, а совсем недавно обозвал ведь всех ослами, дураками и всякими другими, не самыми лучшими словечками. Было? Было! И не объясняй мне ничего, лучше подумай. Заносит тебя. Поправку в курс вводить надо.

После этого заявления у нас перерыв вышел. Сидели сколько-то времени молча. Я старался думать, но у меня не очень-то получалось.

А потом Андрей Максимович предложил:

— Завтра воскресенье, хочу пригласить гостей. Во-первых, приходи сам, во-вторых, позови Гогина, Баркалая, Згуриди. Посидим, чайку попьем: за мир и дружбу!

Ну, это уже совсем чудно! На кой ему с Гогиным или Згуриди чай пить? Но я не стал возражать. Раз Андрею Максимовичу хочется,— пожалуйста! Могу еще двадцать человек позвать — мне не жалко.

От мамы пришла телеграмма — в понедельник приезжает.

17 СЕНТЯБРЯ.

Со стороны глянуть — ну, какое мне, отставнику, бывшему пилотяге, наконец, просто старой кочерге, до всего этого дело: подумаешь, мелкие огорчения чужого парнишки, школьные неурядицы и все прочее? Но я так понимаю, если уж решено: человек человеку друг,— то и будь другом не на словах, а на деле.

Позвал в гости ребятишек. Надо их помирить, а то нескладно получается: ругать ребят все взрослые — мастера, а вот помочь им в жизни и отношениях разобраться охотников мало...

Дома Нину Крепкину ожидало письмо. Да не простое — авиа! На голубом конверте значилось: улица Кооперативная, 4, Нине Крепкиной. Заметим — это было первое в ее жизни письмо!

Нина торопливо разорвала конверт и сразу поняла: от Анны Федоровны.

Правда, письмо оказалось не совсем личным. Анна Федоровна обращалась ко всему классу: «Дорогие мои девчушки и мальчишки»,—но все же адресовано послание было ей — Нине Крепкиной. И Нина немедленно уселась отвечать. О! Ей было о чем рассказать А. Ф.: и об этом «жутком эгоисте и нахальном мальчишке Егоре Лукине», и о сборе отряда в городском музее, и об истории с похищением цепей, и, наконец, о злосчастном критическом бюллетене, и о старом полковнике по фамилии Колесов, «который и осуждает и в то же время защищает Лукина, вместо того чтобы решительно дать ему по рукам...».

Нина писала вдохновенно, обстоятельно и, если можно так выразиться, отчаянно. В Нинином изображении картина получилась примерно такая: в дружный, хороший класс пришел отвратительный человек, «себялюбец, карьерист, ничтожество» и сразу же стал мутить воду. Намерения его «ясны, как дважды два!». Он мечтает захватить власть над всеми. Нине очень трудно бороться с «выскочкой», так как ребята не очень ее поддерживают — это раз, пионерская вожатая Елена Николаевна колеблется — это два, а теперь у Лукина появился еще новый защитник — старый полковник — это три. «Но,— писала Нина,— как бы ни было трудно, мы этого человека так не оставим, мы будем на него воздействовать до тех пор, пока он не поймет своих ошибок и не станет считаться с мнением коллектива!»

И еще Нина просила совета у Анны Федоровны: «Как поступить, чтобы класс, который совсем недавно был таким дружным, не растерял прошлой славы? Что я лично могу для этого сделать? Очень прошу Вас сообщить мне свою точку зрения на все эти вопросы».

В самом конце письма Нина сделала коротенькую приписку: «Сегодня суббота, так что всем ребятам я смогу прочесть Ваше письмо только послезавтра. Скорее бы пришел этот день!»

Ночью письмо улетело на Север.

Глава седьмая

ДВЕ ТЕЛЕГРАММЫ

К Андрею Максимовичу Егор пришел с Валей Гогиным. Славка Згуриди отправился с отцом на рыбалку, а Сему Баркалая не отпустила мать. По совести говоря, Егор не огорчился: не могут, и ладно!

Колесова ребята застали в садике. Сидел за столом, читал газеты. Когда увидел гостей, снял очки и по-доброму улыбнулся мальчишкам.

— Прибыли, орёлики? Очень рад. А что это вас мало?

— Славка па рыбалке,— сказал Егор,— с отцом поехал.

— А Сему Баркалая мать не отпустила,— сказал Гогин.— У него там штук пятнадцать сестренок — нянчится.

— А ты, значит, любитель авиации Валя Гогин? — спросил Колесов.

Валя смутился, но ненадолго.

— Скажите, товарищ полковник, а «ТУ-124» — хорошая машина? — сказал он и с любопытством уставился на Андрея Максимовича.

— Неправильно вопрос задаешь. Что значит хорошая или плохая машина? Любая машина, как человек, имеет свои плюсы и свои минусы. Самолет не арбуз, так просто нельзя сказать: хороший или плохой, это смотря с чем сравнивать. Скажем, у одного самолета взлетно-посадочные свойства лучше, чем у другого,— это раз, экономичность выше — это два. А вот грузоподъемность меньше, и скорость тоже меньше... Так что тут трудно говорить: какая машина лучше, а какая — хуже, тут надо основательно разобраться...

«Ну, сейчас разберется,— подумал Егор,— сейчас он ему всю историю авиации выложит».

Но тут в садике появились девочки — Нина Крепкина и Галя Фирсова.

— Здравствуйте, Андрей Максимович! Здравствуйте, мальчики! — громко выкрикнула Нина Крепкина и приветственно помахала рукой.

— Здравствуйте, очень рад! — тоже громко ответил Колесов и сразу спросил: — Какие новости принесли, девочки?

— Я лично могу сообщить очень важную новость, — сказала Нина.— Анна Федоровна — это наш

Галя Фирсова «перестреляла» даже Андрея Максимовича.

бывший классный руководитель — прислала письмо из Мурманска. Очень интересуется, как дела в классе, про всех-всех спрашивает, даже про Лукина...

Галя Фирсова потихоньку дернула Нину за рукав. Но сбить Крепкину с толку было не так-то просто.

— Что ты меня дергаешь, Галя? Тут же ничего такого нет: Егор новенький, и Анна Федоровна с ним почти незнакома, а все-таки не забыла! Это просто рисует ее с очень положительной стороны.

— Видно, хороший человек Анна Федоровна,— сказал Колесов,— уехала, а помнит о вас, пишет. Уважаю я таких людей. Ну, а еще какие новости? Что у тебя, Галя, например, слышно?

— У меня? У меня ничего особенного не слышно, как у всех...

— А мужчины что могут сообщить?

— Отец говорил вчера, что танкер «Краснодон» скоро пойдет рейсом на Кубу,— сказал Гогин.— С нефтью. Вот кому повезло так повезло!

И тут, как это часто бывает, разговор, натолкнувшись на случайное слово, резко изменил направление. В данном случае поворотным словом оказалось слово «Куба».

Закройте глаза! Произнесите про себя несколько раз подряд: Куба, Куба, Куба... Что вам представится? Плеск голубых волн у набережной Гаваны, люди в защитной одежде, девушки с автоматами в руках, юноши-бородачи, прошедшие горнило Сьерра-Маэстры, неистовый Фидель на трибуне...

А вот Андрею Максимовичу, по непонятным для ребят причинам, Куба напомнила об Испании. Испании тридцатых годов. О тяжелых и героических боях за республику. Колесов рассказал сначала один незначительный эпизод, потом другой, и вот он уже увел ребят далеко-далеко от их родного города. Валенсия, Барселона, Гвадалахара, Бильбао, Мадрид...

Сквозь синее безоблачное небо Испании прошел боевой путь полковника (в ту пору капитана) Колесова. Но сейчас Андрей Максимович вспоминал не столько о воздушных боях, сколько о воздушном братстве. И еще на память ему пришла такая история.

В Валенсию прибыл очередной теплоход под флагом Советского Союза. Наши моряки привезли борющейся Испании продовольствие, медикаменты, перевязочные материалы и... огромный тюк пионерских галстуков. Красные галстуки прислали пионеры Одессы, это был их подарок испанским ребятам.

— И можете себе представить,— рассказал Колесов,— обыкновенный пионерский галстук Советской страны превратился из подарка в награду. Получить одесский галстук считалось не менее почетно, чем получить орден!..

— А что, ребята, если нам тоже послать подарки па Кубу? — выкрикнула воодушевившаяся рассказом Андрея Максимовича Нина.

Да заткнись ты! Не перебивай — разозлился тихий Гогин.

— Валя! Кто же так разговаривает с дамами? — спросил Колесов и укоризненно покачал головой. — Тем более, что Нина внесла вполне дельное предложение. Только, по-моему, надо хорошенько подумать, что посылать на Кубу. Понимаете, о чем я говорю? Проще всего, конечно, собрать сколько-то денег и отправить ящик игрушек, или два ящика значков, или тюк школьных принадлежностей. Но самые ценные подарки, ребята, вовсе не те, что просто дорого стоят... Хотите, я покажу вам самый бесценный подарок из всех, что мне довелось получать в жизни?

И Андрей Максимович повел ребят в дом. Там он открыл средний ящик письменного стола, достал коробку, с виду напоминавшую те, в которых хранят ордена, и вытащил из коробки маленький аккуратно сплетенный лапоть.

— Вот! Здорово? — И, увидев недоуменные ребячьи лица, объяснил: — Был у меня друг. Можно сказать, лучший из друзей — Костя Вихров, это его работа.

О Косте Вихрове книжку можно б написать. Честное слово! Родился он в Вологодской губернии, в маленькой деревушке. С семи лет в подпаски был определен. В школу ходить совсем не пришлось. Лапти — да! Лапти его дед плести выучил. Кем бы он в жизни стал, трудно сказать, скорее всего пастухом. Но пришла революция и дала Косте безумную по тем временам и понятиям мечту — стать летчиком.

И Костя все прошел: был солдатом, грамотой овладел, сначала на моториста, потом на механика выучился. И опять учился и в конце концов стал военным летчиком, академию окончил. Вот какой

человек мне этот подарок сделал. Сплел пару лаптей игрушечных, подарил мне в день рождения и сказал: «Живи, Андрюша, летай и будь счастлив до тех пор, пока лапти не сносятся». Никакие именные часы, никакие ценные вещи никогда не были мне дороже этого лапотка.

— А где же второй? — тихо спросила Галя Фирсова.

— Второго нет. Второй я пятнадцатого декабря тридцать восьмого года Валерию Павловичу Чкалову отдал. За двадцать минут до вылета. Нет второго...

Потом Андрей Максимович достал из шкафа духовое ружье и предложил ребятам пострелять в цель. Все с удовольствием били по самодельной мишени, привешенной на задней, глухой стене дома. К полному удивлению и ребят и хозяина дома, всех «перестреляла» Галя Фирсова, даже Андрея Максимовича.

— Старею. Раньше лучше стрелял,— всерьез расстроился Колесов.— А ты, Галка, молодец! С виду тихоня, а на самом деле подпольный снайпер, оказывается. Молодец! Держи приз.— И он прицепил к платью Гали Фирсовой какой-то очень старый авиационный значок.

И тут пришла очередь расстроиться Вальке Гогину. Да за такой значок он бы с радостью новую авторучку отдал и даже электрический лобзик не пожалел бы. А Галя Фирсова что? Сказала «Спасибо!», покраснела — и все.

Потом пили чай. Председателем стола Андрей Максимович назначил Нину Крепкину, и надо признать, что со своими обязанностями она справлялась великолепно: всех угощала, всем подкладывала варенья и вовремя подливала чай.

И снова Андрей Максимович поворачивал разговор так, как ему нужно было.

— Когда говорят: один за всех,— это правило понятное, простое правило. А вот когда говорят: все за одного,— это закон посложнее! Если желаете, приведу вам пример из военной жизни. Штурмовали наши ребята немецкий аэродром. Одного из штурмовиков подбили. Да так подбили — над самой землей, что летчик только и успел ручку на себя потянуть, чтобы в земной шар не врезаться, а как приземлился посреди чужого летного поля, как живой при этом остался — сам понять не мог. Представляете положение? Чужой аэродром, наш штурмовик лежит на пузе, в самолете — летчик и стрелок-радист. Ну, ясное дело, немцы к ним кинулись: живыми хотели в руки взять. Не так уж часто им наших летунов в плен брать удавалось. Но не тут-то было! Все, кто оставался в воздухе, встали в круг и пушками оградили товарища — в огневое кольцо заключили. А тем временем один из летчиков нашей группы пошел на посадку. И сел! И экипаж штурмовика забрал! Можно сказать, из-под самого носа у противника выхватил. Сказка?

Я потом, между прочим, того летчика, что сел, все расспрашивал: «Как же ты, черт, решился на такое?» И знаете, что он мне ответил? В жизни не догадаетесь! Он сказал: «Да, знаете, товарищ полковник, очень уж ребят жалко стало!»— вот что он мне сказал. Понятно? А какой вывод? Для чего я вам это рассказываю? Думаете, просто так: вот, мол, случай интересный! Нет, орёлики, не просто так я вам все это говорю. Воспитывать мы умеем! — Тут Андрей Максимович многозначительно поглядел на Нину Крепкину.— Учить тоже умеем! А жалеть человека,— тут Андрей Максимович глянул на Егора Лукина,— не все умеем. А надо.

В дверь постучали, и в комнату вошла женщина с маленькой сумкой на плече.

— Мне, извиняюсь, товарища Колесова надо.

— Я Колесов,— сказал Андрей Максимович.

— Вам телеграмма. Вот, распишитесь.

Андрей Максимович расписался, не спеша распечатал телеграмму, прочел и молча отложил в сторону.

На какую-то минуту полковник молча прикрыл глаза. И весь сжался. Но так продолжалось совсем недолго. Никто из ребят ничего не заметил. Даже Егор.

Ребята заспорили, как понимать слова Андрея Максимовича: «А жалеть человека не все умеем...»

Спорили ожесточенно. Нина Крепкина была против жалости вообще — «принципиально». Валя Гогин уверял, что все зависит от того, кого жалеть: «Не буду же я жалеть просто так, всякого...» Гале Фирсовой казалось, что Андрей Максимович «совершенно прав». Егор отмалчивался. Спорили долго и к окончательному решению не пришли...

Когда расходились, Колесов на минутку отозвал Егора в сторону и дал ему ключ от двери.

— Зачем? — удивился Егор.

— Потом, потом, Егорша. Завтра, может быть. Сейчас иди. Проводи девочек.

От Андрея Максимовича ребята вышли все вместе. На углу улицы Гоголя остановились, собираясь прощаться, но тут до них долетел отчаянный женский крик. Даже не крик, а дикий вопль. Так кричат только в крайнем исступлении, в смертельной опасности. Крик несся из соседнего двора. И все четверо, не раздумывая, ринулись в подворотню. И вот что они увидели. Пьяный детина, размахивая топором, отчаянно ломился в дверь. А там, за дверью, высоким, надрывным голосом кричала женщина. Соседи выглядывали в окна, на чем свет стоит ругали пьяного, но детина не обращал на ругань ровно никакого внимания. Он сам кричал и остервенело бил в двери.

Галя Фирсова побледнела. Валя Гогин сжался.

Дверь вздрагивала и вот-вот должна была рухнуть. И тогда... О том, что должно произойти тогда, страшно было подумать.

— Ребята,— каким-то чужим, сдавленным голосом сказала Нина Крепкина,— он убьет ее. Надо что-то делать, ребята!

Дверь треснула, и... тут произошло что-то непонятное. Пьяный детина вдруг взвыл и выронил топор из рук. Ребята увидели: верхом на пьяном сидит Егор и что было сил надавливает ему на глаза указательными пальцами обеих рук.

Не зря же, черт возьми, изучал Лукин приемы борьбы невооруженного с вооруженным. Конечно, детина был вдвое больше Егора и, наверное, в пять раз сильнее, но об этом не приходилось думать, надо было спасать женщину!

Сатанея от боли, пьяный пытался сбросить с себя непонятную ослепившую его ношу, но это оказалось не так просто. Ноша была цепкая, как кошка. А Егор тем временем жал и жал на ненавистные глаза, жал до тех пор, пока верзила не обмяк и не рухнул наземь. И тогда откуда ни возьмись во двор набежали помощники. Пьяного связали. Кто-то кричал:

— Милиционера, милиционера вызовите!

— В тюрьму таких гадов сажать надо.

— До чего дошел! Среди бела дня! Без-з-зобразие!

Вступился за пьяного единственный человек — жена. Та самая женщина, что всего минуту назад

Пьяный детина вдруг взвыл и выронил топор из рук.

так страшно кричала, та самая женщина, которую он только что грозил убить, уничтожить, вогнать в землю.

— Оставьте его, оставьте! Теперь он отойдет. Теперь он будет спать, и все. Не надо вызывать милицию. Пожалуйста, не надо, — всхлипывая, причитала женщина.

Потом она подошла к Егору и сказала:

— Спасибо тебе, мальчик. Тебя как звать-то будет, ты чей?

— Егор Лукин,— сказал Егор.—Неужели вы не боитесь с ним оставаться?

— Теперь не боюсь. Когда на него находит, тогда страшно. А так он смирный. Спасибо тебе!

Секунда, даже доля, маленькая доля секунды, как много может она значить в жизни человека! Не дрогнул, решился, пошел на риск — и спас человека; позволил себе помедлить, «трезво оценить обстановку» — и все пропало, спасать уже некого...

...Человек может прожить совсем немного —каких-нибудь тринадцать лет, а может прожить и очень долго, целую жизнь, но вот приходит мгновение, одно-единственное, и оно, это мгновение, решает, правильно ты жил или неправильно и вообще кто ты: Человек или червяк..

Одной этой долей секунды решается многое, очень многое, но не все. Очень важно, как человек относится к совершенному. Очень важно. Согласны?

(Продолжение в следующем номере.)

Рассказы, фельетоны, очерки, корреспонденции, стихи, «смешинки», фотографии присылают нам юнкоры на конкурс «Пионерских известий».
Сегодня мы начинаем их печатать.

Московский школьник Володя Захаров участвует в выпуске «Пионерских известий» с ноября 1963 года. Этот снимок он сделал в зоопарке.

Пони из нашего зоопарка.

Митрофанушка и госпожа Простакова.

НАШ ДРАМКРУЖОК

Однажды на сборе мы решили открыть драматический кружок. Теперь у нашего кружка большой репертуар. Особенно нравятся ребятам постановки по рассказам Чехова «Хирургия» и «Злоумышленник» и отрывок из комедии Фонвизина «Недоросль».

Когда шел «Недоросль», я сделал несколько снимков. Вот один из них. Роль госпожи Простаковой исполняет Валя Ященко, роль Митрофанушки — Витя Коверников.

В мае мы хотим поставить отрывок из комедии Гоголя «Ревизор». Выполнять все наши планы нам помогает наш классный руководитель Светлана Гавриловна Кирилюк. Большое ей за это спасибо!

Это первая корреспонденция Коли Белканова из села Бастрымовка, Целиноградской области, которую он прислал в наш журнал.

Автор этого снимка москвич Саша Зябликов занимается в фотокружке Дворца пионеров на Ленинских горах.

В клубе юных космонавтов. Проверка внимания.

ПРОПАЛ ПОРТФЕЛЬ

Быстро собрав сумку, Борис побежал во двор. Может быть, не ходить в школу? По алгебре контрольная... Но сумка? Увидит еще кто-нибудь...

Борис влез в окно подвала, спрятал за дровами сумку, взял санки и побежал на горку.

Накатавшись вдоволь, он собрался домой. Поставил в подвале санки, хотел взять сумку, но сумки за дровами не было! Борис перерыл весь подвал. Ничего!

Что же он теперь дома скажет? И он сочинил историю о том, как он подрался с Сергеем и потерял сумку.

Но только он начал все это рассказывать, как бабушка молча вытащила его портфель и поставила перед ним на стул...

Борис опустил голову и заметил в углу у печки сложенные кучей дрова...

Александр Орлинский, пионер из города Львова.

Обида

Алеша Елкин—первоклассник, и в тот день он дежурил в первый раз. Ему нравилось, выпроводив всех в коридор, каждую перемену проветривать класс. Он все время бегал мочить тряпку и до блеска вытирал и без того чистую доску. Еще бы! Ведь следующий урок—рисование! Алеша еще раз осмотрел класс: все должно быть в порядке. На партах аккуратно разложены новенькие альбомы и карандаши.

Вдруг Алеша заметил, что на парте Марины, лучшей ученицы класса, ничего нет. «Как же это она? Забыла? А еще отличница!..»

Алеша достал портфель Марины, щелкнул блестящим замочком, взялся за альбом и вдруг услышал:

— Что ты делаешь?

От неожиданности Алеша выронил портфель. На пол посыпались букварь, тетради, злосчастный альбом. Карандаши выскользнули из коробки и покатились в разные стороны. Было очень тихо, только слышалось, как долго катился какой-то карандаш. Наконец и он остановился.

— Что ты делаешь? — вновь раздался резкий голос учительницы.— И не стыдно тебе по портфелям лазить?

— Я не лазил, я только хотел альбом достать...— начал было Алеша, но тут прозвенел звонок, и в класс вошли ребята.

— Садитесь,— сказала Вильгельмина Петровна.— Знаете ли вы, что с вами учится нечестный человек?

Ребята зашумели.

— Да-да! — повторила учительница.— Нечестный человек. И этот человек— Елкин. Он лазил по портфелям. За этим занятием я и застала его.

Все ребята смотрели на Алешу.

А он смотрел на учительницу. Сквозь очки ее глаза казались очень маленькими и неестественно круглыми.

«Зачем она так говорит? Ведь я хотел, как лучше...»—думал Алеша.

— Я не хотел...— начал было Алешка, но вдруг заплакал.

Ему было обидно. По щекам у него текли слезы, он размазывал их по лицу, но они все текли и текли. Они капали на альбом для рисования и на пеструю коробку карандашей, с которой Алешке лукаво улыбался веселый Буратино.

Этот рассказ написала москвичка Людмила Бухарцева.

О книгах, которые мы НЕ читали

Третьеклассники писали первое сочинение. Ребята должны были рассказать в нем о своих любимых книгах. Тема так и называлась: «О книгах, которые мы читали».

Вовка обмакнул перо в чернильницу и задумался: «Я уже большой, даже сочинения пишу. Нельзя же мне писать о разных там Колобках, Волках и Лисицах... Нужно выбрать какую-нибудь взрослую книгу!»

Стал вспоминать. Вспомнил! У старшего брата, пятиклассника, он видел повесть «Дубровский». Но вот о чем в ней идет речь, Вовка не знал...

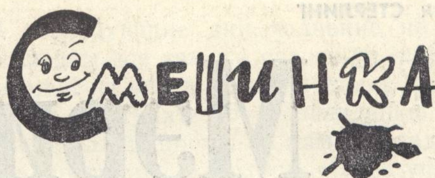
Он запомнил только картинку. На ней был нарисован человек с длинным пистолетом, а рядом с ним огромный медведь.

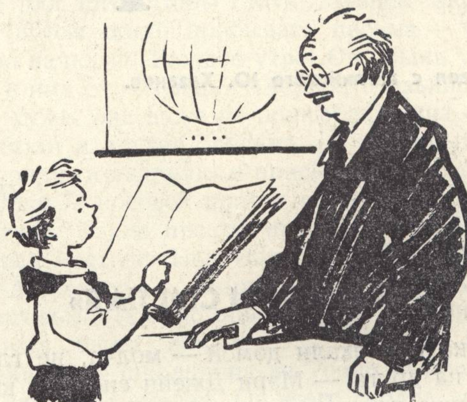
«Дубровский,— писал Вовка в своем сочинении,— был смелым охотником. Он охотился на медведей и убивал этих страшных зверей...»

Учительница не поставила Вовке оценку. Она только немного исправила название сочинения. Между словами «мы» и «читали» она написала частицу «не». Получилось: «О книгах, которые мы не читали»...

Олег Герасимов из города Горловки, автор этого фельетона,— один из самых старых юнкоров «Пионерских известий». Он переписывается с редакцией уже три года.

Смешинка

Учитель:

— Витя, покажи нам, где находится Новая Гвинея.

Витя:

— Вот, пожалуйста, на 291-й странице учебника.

Дима Халиков живет далеко от Москвы, в поселке Михайловка, Актюбинской области. Он прислал на конкурс «Пионерских известий» свою первую «смешинку».

Как видите, всюду есть веселые и остроумные ребята.

— Опять у вас была драка?! — спросила учительница.

— И ничего подобного,— ответили мы.— Просто он наподдал мне, а я ему. А драки не было.

Оля Румянцева из поселка Чураховка, Омской области, учится в шестом классе. Она давно переписывается с редакцией. Жюри конкурса решило опубликовать одну из ее «смешинок».

Дороти СТЕРЛИНГ

Мэри Джейн

Перевел с английского Ю. Хазанов.

Рисунки Г. Филипповского.

ПОВЕСТЬ

(Продолжение)

«КАКАЯ ТЫ СМЕЛАЯ»

Пока они ехали домой — молча, не глядя друг на друга, — Мэри Джейн снова, в который уже раз, вспомнила про свои миндалины. Почти так же было и после операции: она долго не могла унять внутренней дрожи, — только тогда это, наверно, было от лекарства, которым ей замораживали горло, чтобы не так болело. И возле дома уже поджидала мама.

А сейчас Мэри Джейн не шесть лет, а вдвое больше, и мама не уложит ее в постель, не накормит мороженым и не будет обещать, что боль вот-вот пройдет. Сейчас ей уже двенадцать, и похоже, что боль от хождения в школу для белых никогда не пройдет. Конечно, если не перестать ходить...

Но она сразу же отбросила эту мысль, когда мама обняла ее на пороге дома так, как будто они не виделись целый год, и даже заплакала. Все утро мама слушала по радио передачу о школе Вилсон. Все утро ей рисовались ужасные картины: как Мэри Джейн преследуют и она бежит вся в крови... Мама ведь, в общем, никогда не плакала, и сейчас, глядя на ее слезы, Мэри Джейн в десятый и в сотый раз повторяла, что в школе все в порядке, все, все в порядке.

Они еще не кончили обедать, а в дверь уже стали ломиться репортеры. Женщины с блокнотами, мужчины с фотоаппаратами задавали вопросы: сколько лет Мэри Джейн, кем она хочет быть, когда вырастет, как она себя чувствовала в школе.

Одновременно раздавались телефонные звонки: дрожащий голос Ло Эллен из Филадельфии, Джемс из своей школы, дедушка и тети... Мэри Джейн всем отвечала, что все в порядке, — она и сама начинала в это верить.

Дедушка был единственным, кто ни слова не спросил о школе. Он рассказывал про корову Софи, про цыплят и про Кёрли, и ей захотелось, чтобы опять было лето и чтоб она поехала на ферму. А потом отец взял у нее телефонную трубку и сказал:

— Ты действительно можешь ею гордиться, па. Совсем не волновалась. Вошла в школу с поднятой головой, как будто принюхивалась к пирожкам на небе!

«Совсем не волновалась!» Мэри Джейн пошла на кухню и там, грызя морковку, вдумывалась в слова отца. Значит, он не заметил, как она испугалась. Он, правда, гордится ею, и дедушка тоже... Скоро она почувствовала, что совсем уже не волнуется и тоже гордится собой. Даже когда начались иные телефонные звонки — незнакомых людей и она услышала мужской голос: «Эй, вы, заберите свою черномазую из нашей школы, не то мы убьем ее!»

Были и другие голоса — женские и мужские; они сквернословили, угрожали спалить их дом... Перед ужином отец снял трубку и положил на стол.

— Пусть болтают, — сказал он. — Нам нечего их бояться, но и слушать ни к чему.

Когда принесли вечернюю газету, Мэри Джейн увидела себя на первой странице, прямо как президента! Она поднималась по ступенькам школы, а справа стояла белая девочка: рот у нее искривлен, лицо обезображено ненавистью. Да это же Дарлена Дункан, которая сидела сегодня на французском рядом с ней.

Она долго глядела на фотографию, пытаясь понять: ведь Дарлена даже не знает ее, почему она так злобно смотрит?..

Взяв ножницы, Мэри Джейн вырезала снимок из газеты и положила в нижний ящик своего стола — туда, где хранился ее молоч-

ный зуб, орфографические таблицы и аттестат из старой школы. Интересно, что скажут ее дети, когда увидят эту фотографию? Она должна будет, наверно, рассказать им целую историю, так же, как дедушка рассказывает ей про Красную Энн.

Снова она ощутила прилив гордости; ей было даже приятно, что все кругом так волнуются, и мысль о том, чтобы не ходить больше в школу Вилсон, улетучилась окончательно.

...В последующие дни волнение не улеглось. Их дом все так же осаждали журналисты, а один из них пригласил Мэри Джейн в Нью-Йорк выступить по телевидению. Она, конечно, была не прочь, но мама сказала, что ее дочь поступила в школу, чтобы учиться, а не для того, чтобы стать звездой экрана.

А потом стали прибывать письма — большими пачками. Каждое утро! Они были ужасны: в них ее называли «черной обезьяной» и еще хуже, она даже не понимала таких слов. Но были и другие письма, в которых ее ободряли, и хвалили, и присылали маленькие подарки — носовой платок или деньги на мороженое. Такие письма приходили из самых разных мест: из Нью-Йорка и Чикаго, из Лос-Анжелоса и Парижа, из Берлина и Стокгольма. А одно пришло даже из Японии. В нем было написано: «Дорогая Мэри Джейн. Я — школьница из Токио — прочитала, какая ты смелая. От всего сердца желаю тебе счастливого. Извини за плохой английский язык. Твоя подруга Фуджи Ямаси».

Это письмо Мэри Джейн положила рядом с зеркалом и каждое утро читала, когда причесывалась.

«ПИРОЖКИ НА НЕБЕ»

Второй день в школе Вилсон был немногим лучше первого. Но теперь Мэри Джейн знала, чего ожидать, и сразу старалась не обращать внимания на крики и ругань. Она прошла по ступенькам с высоко поднятой головой, как будто в самом деле на небе пеклись вкусные пирожки; прошла, как это, наверно, сделала бы Красная Энн... или даже Жанна д'Арк.

Фред был тут же. Когда мальчишки у входа запели свое:

— Раз — два — пять — десять,
Не хотим учиться вместе! —

Фред расправил плечи и крикнул:

— Десять — пять — раз — два,
Спорим, что придется вам!

Мэри Джейн подхватила, и так они шли в ногу до своих классов, все время выкрикивая эти слова. Они перевели дух только для того, чтобы попрощаться со своими отцами, которые опять провожали их.

Мэри Джейн продолжала «принюхиваться к пирожкам на небе» и старалась ничего не слышать и не замечать вплоть до середины урока французского языка, когда мисс Руссо задала ей какой-то вопрос. Ответить на него Мэри Джейн не смогла: она и не слышала вопроса, так была она занята тем, чтобы не обращать ни на кого внимания. Покраснев,

она что-то промямлила, а ее соседка Дарлена злорадно захихикала.

После этого все спокойствие Мэри Джейн как рукой сняло.

На перемене, когда переходили из класса в класс, она запуталась в коридорах: вместо того, чтобы идти вниз, поднялась на верхний этаж и опоздала на урок английского языка. А все остальные, казалось, знали, куда идти, и всюду приходили вовремя, потому что шли по двое и по трое, со своими друзьями.

Но страшней всего была большая перемена. Едва раздался звонок, старшеклассники первыми ринулись в буфет. Они скатывались по ветхим перилам, неслись, размахивая книжками и вопя во всю силу своих легких.

Мэри Джейн почти вросла в стенку, пока они мчались мимо; ей хотелось дождаться Фреда. Наконец он появился, они спустились в буфет и стали в очередь. Вместе со всеми они двигали свои подносы, ставили на них еду и платили кассиру, а потом вышли на середину зала, чтобы подыскать место.

Зал был огромен, как футбольное поле, и в нем рядами стояли столы. Мальчишки садились за одни из них, девчонки — за другие, все кричали друг другу: «Эй!», «Давай сюда!..» Друг другу, но только не Фреду и не Мэри Джейн.

На них никто не обращал внимания, пока они не прошли со своими подносами в конец зала и не уселись там за крайний столик.

Тогда в огромной шумной комнате стало так тихо, что все услышали, как девочка, рядом с которой села Мэри Джейн, отодвинула свой стул, чтобы уйти. Затем тишина сменилась шепотом, легким гулом, криками. Все показывали пальцами, глядели в их сторону.

Фред посмотрел на Мэри Джейн и кивнул ей: пей молоко. Сам он уже принялся за еду. Ей совсем расхотелось есть, и она пила маленькими глотками, непрерывно вытирая рот салфеткой. Она помнила слова матери: «Не забывай, что они будут следить за каждым твоим шагом».

И они действительно следили: все головы были повернуты в их сторону.

Мэри Джейн прошептала Фреду:

— Глазеют, как будто у нас по два носа...

— Будто не видели, как негры едят, — сказал Фред громко. — Думают, что мы рвем мясо руками и облизываем тарелки!

Да, Фред — молодец. Что бы она без него делала? Некоторые услышали его слова и отвернулись, а к тому времени, когда он расправился со своим завтраком, к Мэри Джейн вернулось спокойствие. Оно не покинуло ее и в ту минуту, когда скомканная бу-

мажная салфетка ударила ее по щеке. Подумаешь! В старой школе ребята делали то же самое.

...Шли дни. Мэри Джейн то прислушивалась ко всему, что творилось вокруг нее в школе, то старалась ничего не замечать. Смелость в ее душе сменялась страхом, а ему на смену опять приходили смелость и спокойствие.

Теперь она знала, куда ведут лестницы и коридоры, и не опаздывала на английский или на физкультуру. Она купила для своих учебников красно-белые обложки — это были цвета школы Вилсон — и сэкономила два доллара на пропуск, чтобы смотреть все игры в спортивном зале. Она даже почти привыкла к тому, что шум голосов смолкал, когда она появлялась в столовой или в туалетной комнате. Почти привыкла.

Шли дни, и возле школы собиралось все меньше людей, а однажды там даже никого

не было, кроме полицейской машины. И тогда их с Фредом перестали провожать.

Прекратились угрозы по телефону и в письмах. Улеглось волнение дома. Разгладились морщины на лбу у матери, и она снова поругивала Мэри Джейн, если комната была не прибрана, а посуда не вымыта или если та садилась перед телевизором, не сделав уроки.

Словом, казалось, что все стало, как прежде. Но все не было, как прежде.

По утрам Фред заходил за ней, и они шли в школу вместе. Взрослые уже не собирались возле школы, но было очень много ребят. Они ждали их появления, чтобы прокричать хором: «Не ходите в нашу школу!», — чтобы дразнить, ругаться и угрожать.

Как Мэри Джейн ни старалась, она не могла не слышать того, что говорилось, не могла все время «принюхиваться к пирожкам на небе». Разве она могла не обратить внимания, когда парень побольше Фреда подскочил к ним, наставил водяной пистолет и закричал:

— Он заряжен кислотой! Если войдете в школу, я стреляю!

Конечно, там была не кислота, а вода — она облила им ноги. Но все равно весь первый урок Мэри Джейн не могла унять дрожи — не потому, что носки промокли, а потому, что это могла быть кислота!

Весь урок она глядела на соседку, пытаясь понять: за что Дарлена так ее ненавидит? Почему продолжает фыркать, кривиться и отодвигаться от нее, когда не видит учительница?

Да разве одна Дарлена? Многие во время перемены толкают ее, стараются наступить на ногу, побольней ударить. А однажды, когда она не заперла свой шкафчик, кто-то залил чернилами ее тетрадки и переписанное начисто сочинение.

Поначалу все ученики казались ей на одно лицо, как будто перед глазами стоял какой-то туман. Но вскоре она уже знала, что рыжий ученик, который толкнул ее в коридоре, — тот самый, кто угрожает пистолетом, а длинная девочка с косой лучше всех учится по литературе и капитан волейбольной команды. Запомнила она и маленькую светловолосую девочку в детском платье, казалось, случайно попавшую в среднюю школу.

Не все были злыми. Одна или две ученицы даже кивали ей в коридоре, а в классе некоторые спрашивали у нее, что задано на дом, если забывали записать. Девочка по фамилии Шейрон даже шла с ней два раза в столовую, а на третий день спросила:

— Скажи по правде, Мэри Джейн, тебе заплатили в Нью-Йорке, чтобы ты поступила в эту школу?

Мэри Джейн не поняла вопроса:

— В Нью-Йорке? Заплатили? Я всю жизнь живу в Хай-Ридже. Родилась тут и...

Шейрон разочарованно вздохнула.

— Проклятие, — сказала она. — А я поспорила с Элизабет. Значит, проиграла...

И она отошла, сокрушенно покачивая головой.

Фред рассмеялся, когда Мэри Джейн рассказала ему об этом.

— Они думают, что негры на Юге не умеют ни говорить, ни читать по-английски, как сто лет назад, — сказал он.

— Дедушка говорит, они всех негров считают дикарями... Значит, надо им доказать...

То же самое она говорила раньше и дедушке, но тогда ей казалось, что все гораздо проще... Да, быть послом в иностранной державе не такая легкая штука!..

В прежней школе у Мэри Джейн было меньше свободного времени: она участвовала в драматическом кружке, в школьном журнале. Здесь же, когда она хотела записаться, староста кружка посмотрела на нее в замешательстве, а потом выпалила:

— Боюсь, тебе не надо этого делать. Понимаешь... Ты не подойдешь для наших пьес. Ну... твой цвет не подойдет. Не подумай, что я хочу сказать что-то плохое...

На спортивных занятиях ей почти никогда не бросали мяч, а когда на уроке народных танцев никто не хотел становиться с ней в пару, учитель просто не знал, что делать, пока Салли, та самая девочка, которая выглядела совсем ребенком, как-то не пригласила ее. Мэри Джейн хотела сначала отказаться, но при учителе не решилась.

Салли стала красная, как мак, и рука у нее дрожала. Похоже было, она вот-вот заплачет. Мэри Джейн тоже хотелось плакать, но она попыталась изобразить улыбку и старательно делала одно па за другим.

Не дожидаясь второго танца, она пробормотала, что у нее болит колено, и ушла из зала. Ей не надо, чтоб с ней танцевали из жалости... Не нужно! Она и без них обойдется...

ПЕРВЫЙ МОРОЗ

Шли дни. Облетели деревья, и мама достала зимнюю одежду. Однажды утром Мэри Джейн поглядела в окно и увидела, что траву словно посеребрили. Значит, на ферме у дедушки уже нет цветов в саду и помидоров на грядках, и пора утеплять сарай и птичник.

Мэри Джейн не хотелось сейчас думать о дедушке. Он ведь предупреждал ее, что в новой школе будет трудно, а она не поверила. Он говорил, что у нее будет такое чувство, будто весь мир против нее, так оно и оказалось. Конечно, не весь мир: получала ведь она хорошие письма. Даже из Японии. Но та часть мира, которую она знает лучше всего и которая больше всего для нее значит — ее город, школа, — стала враждебной. Ей сейчас очень одиноко. Она уже не дружит так, как раньше, с девочками из старой школы — у них свои дела и заботы. Даже Фред занялся баскетболом и в столовой сидит теперь за другим столом — с ребятами из своей команды.

Домой из школы она идет одна. Даже старается уйти через черный ход, переулками: чтобы не видеть никого и чтобы на нее не глядели.

Ее стали все раздражать. И папа тоже. Вчера, когда он спел ей шуточную песенку, она убежала в свою комнату, хлопнув дверью.

Сидя там перед зеркалом, Мэри Джейн думала о том, как она изменилась. Никогда раньше у нее не было такого застывшего, словно замороженного лица. Никогда раньше она не глядела вот так из-под опущенных век — чтобы нельзя было понять, о чем она думает. И голос у нее тоже изменился. Стал каким-то ровным и скучным: «Да, мэм», «Нет, мэм». А на самом деле ей часто хотелось ответить совсем по-другому. В горле у нее застревал иной голос — громкий и злой...

Утро, когда первый мороз посеребрил траву, началось, как обычно. Вместе с Фредом она шла в школу. На ступеньках их встретил тот же рыжий парень со своим водяным пистолетом и еще несколько школьников. Как всегда, они кривили рты, бормоча: «Черномазые! Пошли вон отсюда!» Только на этот раз Мэри Джейн не прошла мимо, глухая ко всему, а резко крикнула:

— Заткнись! Замолчи и умри на месте!

Фред раскрыл рот от удивления, и сама она была удивлена не меньше. А потом долго не могла открыть замок шкафчика: так дрожали руки.

В классе Дарлена, как всегда, протянула ноги через проход — может, Мэри Джейн споткнется. Обычно Мэри Джейн обходила это препятствие, но сегодня она резко оттолкнула ноги Дарлены носком ботинка и прошла.

— Ой! — громко вскрикнула Дарлена.

Мисс Руссо подняла голову, но тут раздался звонок.

Урок начался с чтения объявлений: тренировка женской баскетбольной команды, занятия хора...

«Все это не для меня, — сказала Мэри Джейн самой себе. — Моя кожа не подходит для их кружков».

Она раскрыла учебник французского языка, чтобы повторить заданный урок. Спряжение «J'aime, tu aimes, il aime» — «Я люблю, ты любишь, он любит». Мэри Джейн нахмурилась. Нет, это не те слова! Она раскрыла словарь в конце учебника. Вот: «ненавидеть» — «détester, abhorrer» — «Я ненавижу, ты ненавидишь»... Она стала переписывать эти слова в тетрадку. Перо яростно шуршало по бумаге.

Вдруг Мэри Джейн заметила, что рядом стоит мисс Руссо, и закрыла тетрадку рукой.

— Я хочу поговорить с тобой, Мэри Джейн, — сказала учительница. — Останься после урока.

— Да, мэм, — сказала Мэри Джейн.

... — Ты хорошо успеваешь по всем предметам, — говорила, когда они остались вдвоем, мисс Руссо, — и можешь быть отличницей. Только с французским у тебя немного хуже.

— Да, мэм, — сказала Мэри Джейн. Она слушала с застывшим, словно замороженным лицом, глаза ее были опущены.

— Я думаю... если бы ты оставалась после школы ненадолго, я могла бы с тобой позаниматься...

Оставаться после школы? Это значит лишние разговоры, расспросы, жалость... Она не хочет этого!

— Спасибо, мэм, — сказала Мэри Джейн. — Но я думаю, мама не разрешит. Я буду больше заниматься сама.

Хорошо, что теперь Мэри Джейн знала все школьные переходы, иначе ей бы не успеть на урок английского языка.

— Лучшее сочинение сегодня у Мэри Джейн, — сказала мисс Морган. — Я хочу, чтоб она встала и прочитала его всему классу.

Зачем это ей понадобилось? Мэри Джейн чувствовала, как горело у нее лицо, а ладони сделались липкими, когда она брала свое сочинение из рук учительницы.

— «Мой любимец», — начала она, откашлявшись. Это был рассказ про поросенка Кёрли. Мэри Джейн старалась читать побыстрей, потому что вокруг раздавался смех, и она слышала, как кто-то сказал: «Мэри

Джейн — лучший друг свиней». И еще: «Я же говорил, она живет в свинарнике».

Мисс Морган тоже слышала последнюю фразу, она покраснела и сказала:

— Если б ты написал так же хорошо, как Мэри Джейн... Останься после урока, Кларенс!

Но Мэри Джейн не стало от этого лучше, а Кларенс на перемене стукнул ее, но она дала ему сдачи.

Потом была математика. Она правильно решила все задачи, но не поднимала руки, а учительница не вызывала ее.

В столовой она сидела одна, и все по-прежнему глазели на нее, но никто не заговаривал. Не шутил. Не смеялся.

Она прислонила книгу к бутылке с молоком и не видела, как Фред помахал ей рукой, а Салли — та, с которой она танцевала, — за-

ящиках ползали черепахи.

В конце кабинета стоял большой шкаф, а в нем были выставлены разные интересные вещи, как в музее: осиное гнездо и змеиная кожа, окаменелости и скелет щуки. Если оставалось время до звонка на урок, Мэри Джейн всегда рассматривала все, что было в шкафу, или играла с мышами и черепахами.

В этот день м-р Стиллер рассказывал о сохранении энергии, о том, что одни растения берут питание из земли, а другие, наоборот, дают ей питание. Мэри Джейн много слышала об этом от дедушки.

— Дедушка говорит, — вдруг сказала Мэри Джейн, — что на корнях соевых бобов есть такие бактерии. Они дают земле азот...

«Дедушка говорит»... На несколько минут Мэри Джейн стала такой, какой была в старой школе. Она размахивала рукой, вспоминая слова дедушки, и ей было приятно, что учитель кивает головой, соглашаясь с ними обоими.

Хорошее настроение оставалось у нее вплоть до перемены, до тех пор, пока она не услышала, как одна ученица громко спросила Дарлену:

— Кто ее дедушка?

— Откуда я знаю? — ответила Дарлена, делая вид, что зевает. — Какой-нибудь черномазый сборщик хлопка.

«Черномазый сборщик!..» Дедушка? Гнев от оскорблений, нападок и пинков сегодняшнего и всех предыдущих дней вспыхнул в ней. Не раздумывая, Мэри Джейн размахнулась портфелем, изо всех сил стукнула Дарлену и побежала вниз по ступенькам. Скорей отсюда... из этой школы!

держалась у ее стола, словно хотела сказать что-то...

Больше всего Мэри Джейн любила уроки естествознания. Не только потому, что учитель, м-р Стиллер, был молодой и веселый, а и потому, что он рассказывал о животных, о растениях и микробах, о насекомых — обо всем, что интересовало дедушку и ее.

Кабинет естествознания был тоже очень приятным. Он находился в старом крыле здания, столы здесь были ветхие, в царапинах, полы истертые — не то что в новом помещении. Здесь все напоминало старую школу. На подоконниках стояли горшки с цветами, в большом аквариуме плавали зеленые водоросли, в клетках жили белые мыши, а в

(Окончание в следующем номере.)

Д. УРНОВ

Вильям Шекспир из Стратфорда-на-Эйвоне

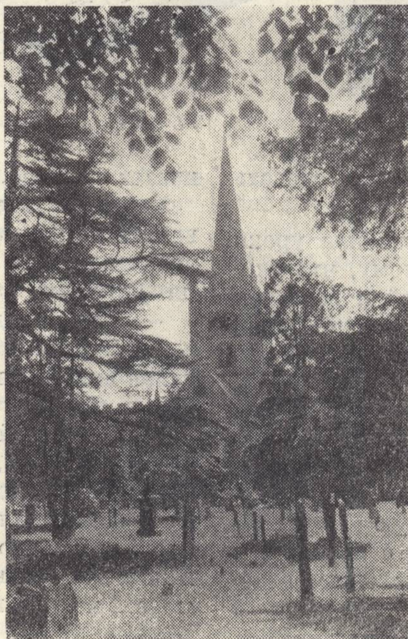

Вильям Шекспир (1564—1616 гг.).
Портрет, помещенный в первом издании его пьес.

Судовой журнал английского капитана Вильяма Килинга. Времена давние: 5 сентября 1607 года. Этим числом капитан пометил запись: «У нас была исполнена трагедия «Гамлет». Спустя несколько дней он записывает: «Играли «Короля Ричарда II».

Кругом был Атлантический океан. Жгло тропическое солнце. Над безбрежностью звучали слова Гамлета:

Быть или не быть, вот в чем
вопрос. Достойно ль
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивленье
И в смертной схватке с целым
морем бед
Покончить с ними?

А корабль держал курс на Ост-Индию. Правда, в эти дни как раз установился мертвый штиль. Паруса поникли, и капитан, желая отвлечь команду от безделья, подал матросам мысль — устроить спектакль. Актерам-новичкам эта затея, надо думать, понравилась, если они, разучив и разыграв одну трагедию, принялись за другую. Капитан решил похвастать спектаклем перед приятелем. «Гамлет», кажется, особенно удавался. И в судовом журнале появляется еще одна любопытная запись: «Пригласил к обеду капитана Хокинса. Ели рыбу. На борту нашего корабля играли «Гамлета».

В этой церкви похоронен Шекспир.

Так встретились два морских волка. Подали им только что выловленного тунца. Они откупорили бутылку заветного рома. Посидели в каюте. Потом вышли на палубу, смотрели и слушали:

Кто снес бы бич и посмеянье века,
Бессилье прав, тиранов
притесненье,
Обиды гордого, забытую любовь...

Клинг не записал в журнале имя автора пьес, которые столь ему нравились. Однако теперь всякий знает имя того, чьи трагедии представляли тогда, больше трехсот лет назад, в открытом море английские матросы.

Сейчас, в 1964 году, это имя звучит особенно часто, звучит на множестве языков во множестве стран:

Вильям Шекспир.

Четыреста лет назад в маленьком английском городке Стратфорде-на-Эйвоне родился Шекспир, великий драматург и поэт. Эту дату отмечают люди по всему земному шару.

Шекспир не стареет. В своих трагедиях, драмах, исторических хрониках он так изобразил человеческие чувства, борьбу человеческих страстей, что его герои живы и сейчас, через столетия.

Он воплотил в своих трагедиях и драмах целый мир живых лиц, характеров, подвигов, событий.

Он сумел увидеть и показать то, что свойственно людям во все времена: любовь, ненависть, верность, дружбу, чувство долга. И когда сегодня хотят сказать о чистой и светлой любви, — говорят о Ромео и Джульетте. Воплощением чудовищного, дьявольского честолюбия встают перед нами леди Макбет и король Ричард III. Образ нежной преданности отцу — дочь короля Лира Корделия. Мы с волнением смотрим, как бредет сквозь бурю изгнанный лживыми и жадными дочерьми старый Лир. Как прямодушный и горячий Отелло, опутанный интригами и хитростью, убивает оклеветанную Дездемону. Как мучается охваченный тоской и сомнениями Гамлет, готовя месть за отца.

И не только в дни больших юбилеев, но каждый год в апреле люди из разных стран приезжают в Стратфорд. Выстраивается торжественная процессия и движется к церкви, где похоронен Шекспир. Там над могильной плитой высечены слова: «Стой, путник, куда торопишься ты мимо?»

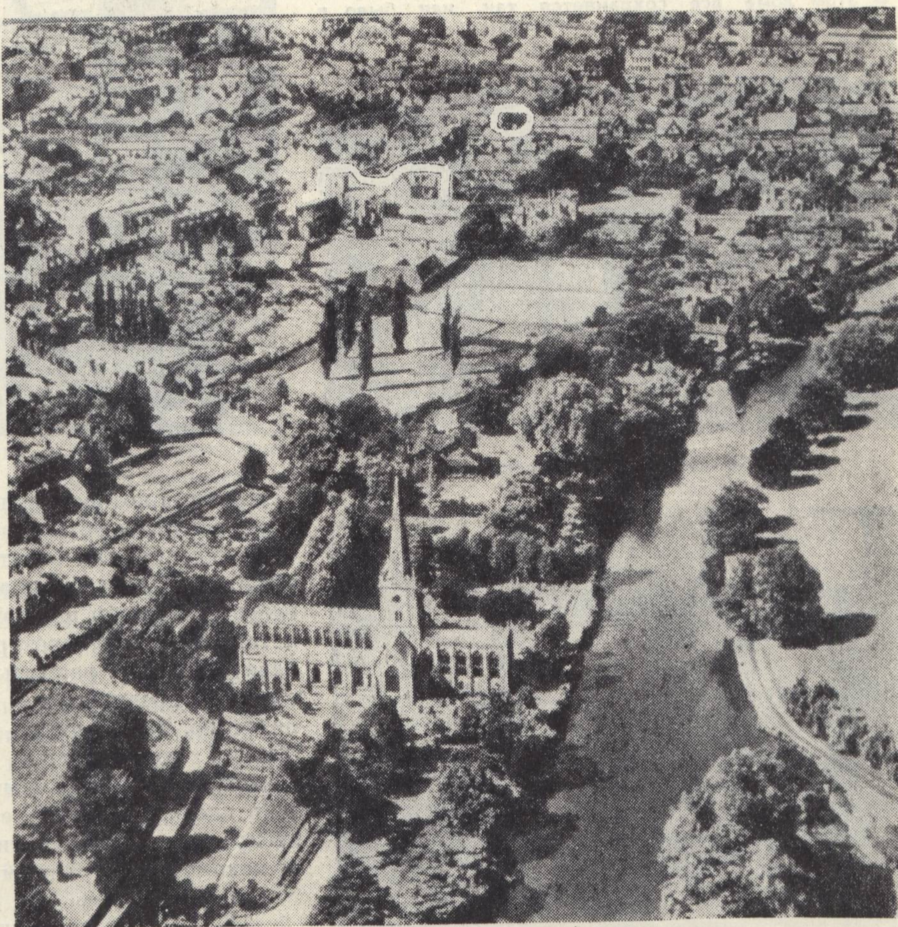
И все затихают. Каждый, вероятно, задумывается в тишине о Шекспире, мысленно повторяя наиболее для себя памятные строки его творений.

Посмотрим, что называется, с «птичьего полета», на шекспировский Стратфорд. Город стоит на реке. Эйвон не широк, берега его отлоги. Кругом холмы и зеленые поля, те самые, о которых вспоминал, умирая, один из самых знаменитых шекспировских героев — «толстый рыцарь» сэр Джон Фальстаф.

Тут же у реки, отражаясь в воде, стоит старинная небольшая церковь Троицы. В приходской книге этой церкви есть запись, что здесь «26 апреля 1564 года был крещен Джона Шекспира сын Вильям». В те времена ребенку давали имя — крестили его — на третий день после рождения, поэтому днем рождения Шекспира считают 23 апреля.

Пятьдесят два года спустя под датой 23 апреля записано: «Вильям Шекспир скончался». В этой же церкви у алтаря он и был похоронен.

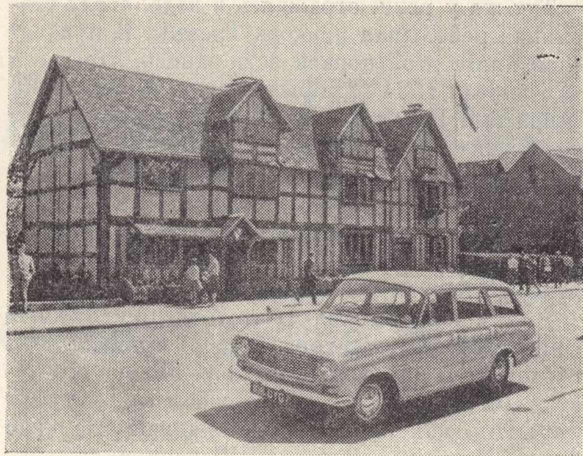
Дом, в котором жил Джон Шекспир со своим семейством, не раз горел и перестраивался за столетия, что прошли с тех пор. Все же его постарались восстановить в прежнем виде и стали охранять, как памятник. Сохраняют и другие места, связанные с именем Шекспира.

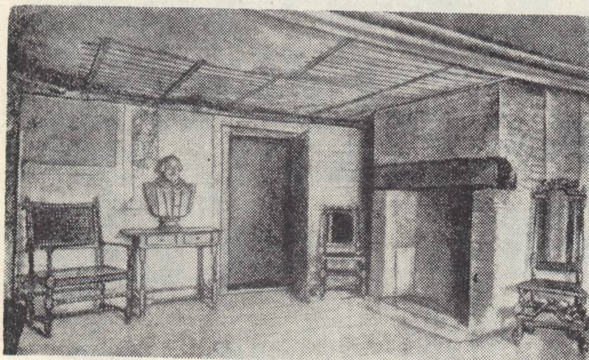
Стратфорд-на-Эйвоне.

Посредине наверху кружком отмечен дом отца Шекспира, а немного ниже и левее — школа, где Шекспир учился, и дом, в котором он жил последние годы.

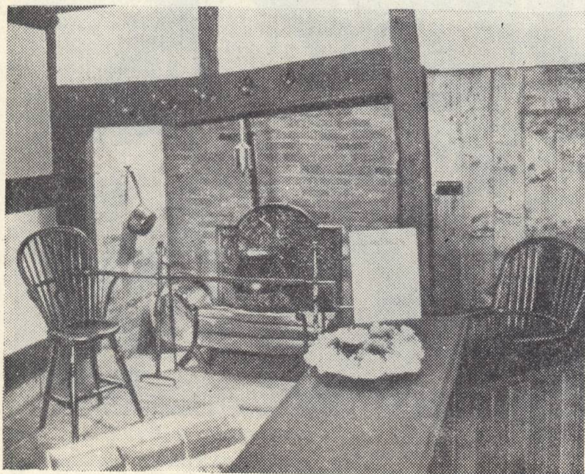
Отец Шекспира был ремесленником. Он выделывал и продавал кожи. Дела его одно время шли хорошо, он стал уважаемой персоной, его выбрали городским советником и даже городским головой.

В этом доме все сохраняется так, как было в то время, когда здесь рос маленький Шекспир.

Здесь родился Шекспир.

Камин в домике Шекспира.

Полагают, что Шекспир начал ходить в школу с семи лет. Грамматическая, то есть начальная школа Стратфорда помещалась в здании Цеховой часовни. Школьная наука начиналась, конечно, с азбуки. Букварь тех времен был особенным. Он представлял собой лист бумаги с азбукой, укрепленный на деревянном основании и покрытый сверху тонкой пластинкой из рога. Называли его «книгорог». За букварем следовала грамматика, за грамматикой — церковные книги. Ученики знакомились также с древними латинскими текстами.

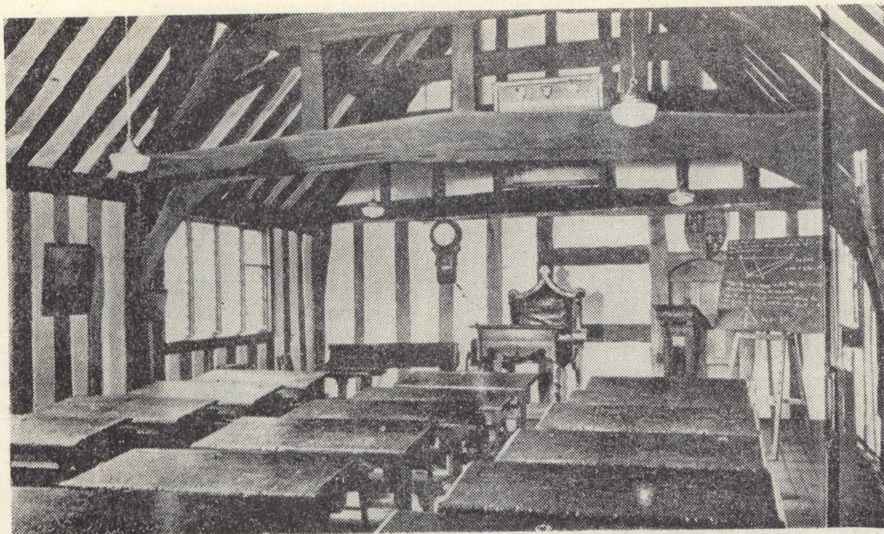

Колыбель Шекспира.

Время, в которое жил Шекспир, было временем грандиозного переворота. Это была эпоха Возрождения, она охватывает несколько веков истории человечества, а в Англии приходится главным образом на вторую половину XVI столетия. Этот переворот разрушал старый средневековый мир, расшатывал прежний порядок, прежние представления в науке, искусстве, в политике. И хотя новый порядок по-своему был жесток, людям эпохи Возрождения удалось совершить необычайно много. Росли города, далеко вперед шагнули ремесла, были созданы прекрасные книги, картины и статуи. Человек по-новому взглянул на мир.

Пора чудес прошла, и нам
Подыскивать приходится причины
Всему, что совершается на свете.

В этих строках Шекспира звучит ведущая мысль лучших умов того времени: найти, по-

Класс в Грамматической школе, где учился Шекспир.

Часто случались пожары. Один из таких пожаров произошел в тот период, когда труппу возглавлял Шекспир.

«Глобус» не сохранился до нашего времени. Как был устроен шекспировский театр, мы можем судить только по рисункам и описаниям. А между тем знать это важно, поскольку многие особенности шекспировских пьес объясняются особенностями театра того времени и прежде всего сцены. Занавеса в театрах не было. Так называемый просцениум далеко выдавался в зрительный зал, и, когда актеры по ходу пьесы выходили на просцениум, действие как бы перемещалось в зрительный зал.

Декораций, в нашем понимании, тоже не было. Картина на заднем плане оставалась неизменной от спектакля к спектаклю. И только слова: «Перед вами Троя...» или «В Вероне...» — помогали зрителям перенестись из одной страны в другую, из города — в дремучий лес или на поле битвы. Изобразительная сила заключалась в слове, в стихе, в действии.

Так, один шекспировский герой говорит:

Смотри. Вот мачта корабля,
Высокая до головокруженья,
А юнга спит на кончике ее.
Мальчишку убаюкало волненье.
Он спит, а по морю гуляет смерч,
И вьет веревку из обрывков пены,
И ловит море за седой хохол,
И вздергивает на небо, а буря,
Похоже, мертвых может разбудить.

* * *

Актерами были только мужчины. Женские роли исполняли совсем молодые люди или же мальчики.

«Приземки» — так Шекспир в «Гамлете» называет зрителей партера. И это вполне понятно. Не было ни кресел, ни скамей — зрители стояли, сидели прямо на земле. Тут собирался пестрый люд, ремесленники, мелкие торговцы, матросы, школяры, всякая беднота.

Вы, бедные, нагие несчастливцы,
Где б эту бурю ни встречали вы,
Как вы перенесете ночь такую
С пустым желудком, в рубище дырявом,
Без крова над бездомной головой?

нять, добиться! Поднимались даровитые люди с самых низов. Вот и Шекспир пришел из Стратфорда в Лондон, подобно тому, как два века спустя пробирался от берегов Белого моря в Москву Михайла Ломоносов...

Шекспиру было двадцать лет с небольшим, когда он уехал искать заработка и счастья. В Лондоне ему пришлось нелегко. Он жил на случайные заработки, узнал и нужду и одиночество. Здесь судьба свела Шекспира с его земляком Ричардом Бербеджем, знаменитым актером того времени, владельцем театра.

И с этого времени жизнь Шекспира была связана с театром. Не сразу, надо думать, взялся он за перо. Поначалу Шекспир выполнял в театре подсобные работы, затем, возможно, стал выходить на сцену в малозначительных ролях, иногда ему поручали подновлять старые пьесы. Годам к двадцати пяти он стал писать пьесы сам.

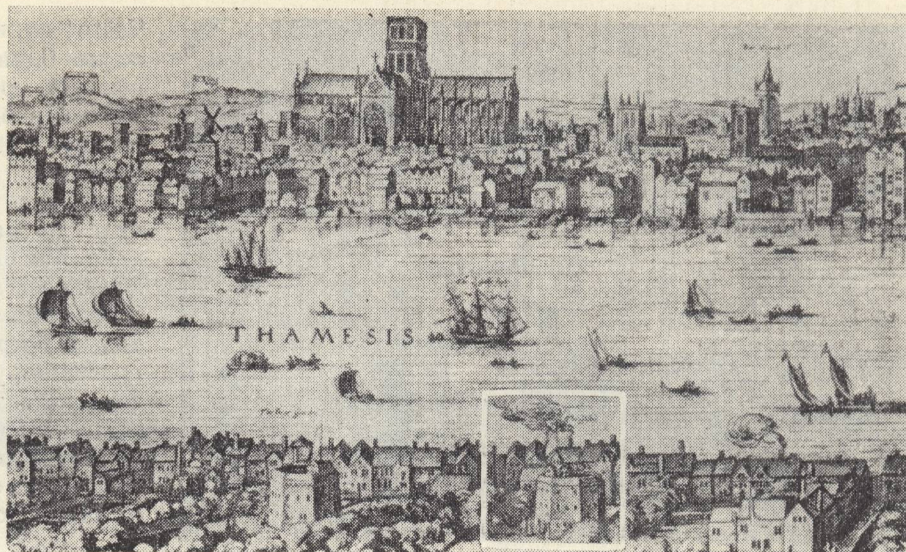
Набравшись опыта, Шекспир начинает работать с Бербеджем на равных правах. Они вместе арендуют театр «Глобус».

У «Глобуса» был гордый символ: Геркулес держит на плечах земной шар. Однако очень немногие в ту пору понимали, что хозяин этого театра — величайший гений, Геркулес мысли, которому будут удивляться люди и через века. Он по праву говорит о своих стихах:

Замшелый мрамор царственных могил
Исчезнет раньше этих веских слов.

* * *

Театральные здания шекспировской поры были деревянные. Деревянным был и «Глобус».

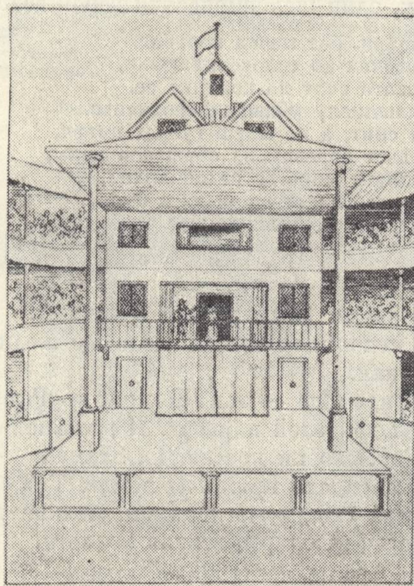

Лондон времен Шекспира.
Внизу квадратом отмечен театр «Глобус» (старинная гравюра).

Когда в трагедии Шекспира король Лир произносил эти слова, «приземки» слушали их, затаив дыхание. Они-то знали, что такое нужда и невзгоды! Шекспир заставлял зрителя плакать и смеяться, любить и ненавидеть, ужасаться и приходить в восхищение. Заставляет и сейчас, хотя три с половиной столетия прошло с тех пор.

Исполнителем главных ролей в трагедиях Шекспира был Ричард Бербедж. Он первым играл Гамлета, Отелло, короля Лира. Мы знаем имена других шекспировских актеров. Двое из них — Джон Геминдж и Генри Кондел — через несколько лет после смерти великого драматурга выпустили собрание его пьес. Друг Шекспира драматург Бен Джонсон написал к этому изданию два стихотворных посвящения. В одном из них он говорит, что Шекспир «принадлежит всем временам».

Бен Джонсон прав! Шекспир принадлежит всем временам и всем народам. Он принадлежит и нашему времени. Празднуя его четырехсотлетие, человечество празднует торжество разума, душевной силы, правды и красоты.

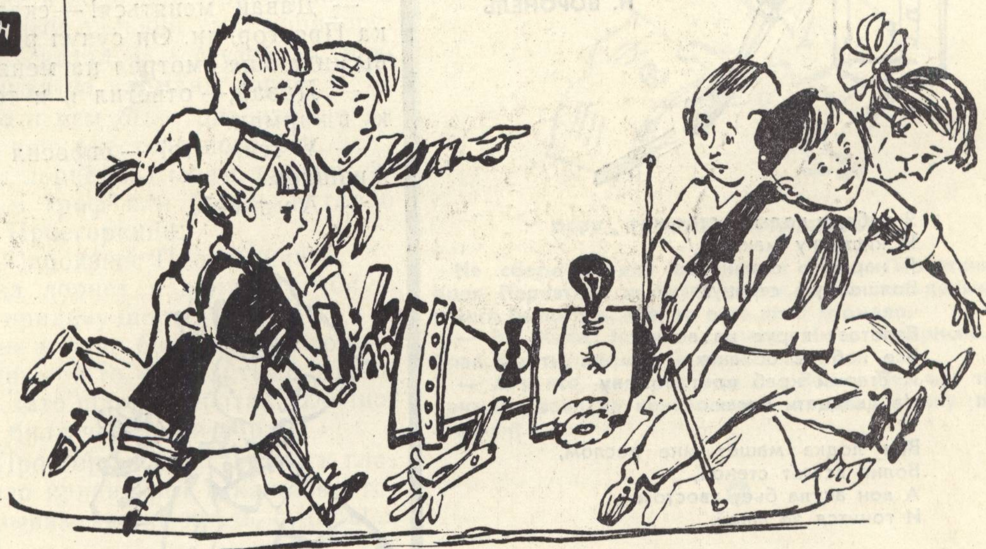

А это театр «Глобус».
Справа — здание театра, а слева вы видите, как он был устроен внутри.

Рисунки М. Скобелева и А. Елисеева.

В школе № 12345

СМЕХОТРОН стал своим человеком у нас в редакции.

Все привыкли к его забавному виду, и никому уже не кажется, что он похож на стиральную машину или на пылесос. То и дело слышится:

— СМЕХОТРОНИШКО! Как поживаешь?

— СМЕХОТРОНЧИК! Почитай новые стихи!

— СМЕХОТРОША! Расскажи что-нибудь смешное.

И СМЕХОТРОН рассказывает, читает и даже поет.

Как-то СМЕХОТРОН гулял по городу. Он долго бродил и в конце концов устал. Видит, вывеска: ШКОЛА № 12345.

«Зайду-ка к ребятам, отдохну», — подумал СМЕХОТРОН.

Он присел на крылечко и выключил все свои рубильники: отдыхать так отдыхать.

«Что это такое лежит на крылечке? — подумал Саша Зайцев. — Кажется, старая стиральная машина или сломанный пылесос. Надо сдать в металлолом».

Саша позвал ребят из своего класса. Они подняли непонятный предмет и потащили на задний двор, где были сложены старые кровати, дырявые бидоны, консервные банки — короче, металлолом.

«Куда они меня тащат? — думал СМЕХОТРОН. — Что за чудеса! Кажется, ребята приняли меня за что-то другое. Посмешу-ка я их!»

Он включил потихоньку рубильники, глаза его загорелись, и он сказал жалобно:

— Э-хе-хе! Куда вы меня тащите, пионеры?

Ребята напугались.

— Смотрите! Это не стиральная машина!!!

— Глаза-то! Глаза!..

— И разговаривает...

— Э-хе-хе! Так куда же вы меня тащите, пионеры? — снова сказал СМЕХОТРОН.

— Мы думали, что вы металлолом, — смутились ребята.

— Ну, какой же я металлолом? — сказал СМЕХОТРОН и подмигнул ребятам. Он так смешно подмигнул и так весело улыбнулся, что все сразу засмеялись.

— Знаем, знаем! Вы СМЕХОТРОН из «Пионера».

Тут ребята стали знакомиться со СМЕХОТРОНОМ. А потом повели его в школу. В гости!

Н. ВОРОНЕЛЬ

Я наберу воды в стакан,
И кисточку макну,
Я нарисую океан —
Волшебную страну.

Взлетает парус на волну,
Все небо в облаках,
И старый краб идет по дну
На двадцати ногах.

Вон лодка машет мне веслом,
Волна встает стеной,
А вон акула бьет хвостом
И гонится за мной.

А я сегодня на беду
Забыл свой острый нож.
Тогда я кисточку беру
И краску черную беру —
И наступает ночь.

И больше нет ни рыб, ни дня,
Ни солнца на листе...
Пускай теперь найдет меня
Акула в темноте!

ИЗ МАГНИТОФОННЫХ ЗАПИСЕЙ СМЕХОТРОНА

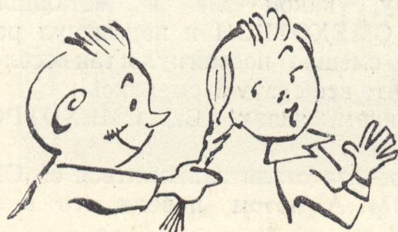
БОЛТ... БОЛТТТОВВВ... ББОЛТТОВВНЯ...

— Петя, прекрати это безобразие! Зачем ты все время девочек за косы дергаешь!

— Они сами виноваты!

— !

— Марья Васильевна сказала: кто болтает на уроке, тех надо одергивать. А они все время косами болтают. Вот я и одергиваю...

«Я ВЫЗЫВАЮ ВАС НА ДУЭЛЬ»

Олег ТИХОМИРОВ

— Давай меняться! — сказал мне Женька Проегоркин. Он сунул руку в карман и выжидающе смотрел на меня.

— Давай,— ответил я и тоже сунул руку в карман.

— У тебя что? — спросил он, насторожившись.

— А у тебя?..

— Вот,— сказал он и повертел перед моим носом большой старинный пятак. — Екатерининский!.. Видал!

— Видал. — Я стал мучительно думать, что бы предложить Проегоркину. — Во! — сказал я и достал зажигалку.

— Работает? — спросил Проегоркин.

— Вчера работала,— соврал я.

— Понятно,— махнул рукой Женька Проегоркин и хотел уже было уйти.

— Можно починить,— сказал я. — Пара пустяков починить.

Проегоркин переминался с ноги на ногу. А я все смотрел на старинный пятак. Наконец я решился:

— В придачу дам... это... ну-у...

— Что? — не выдержал Проегоркин.

— Мотоциклетную лампочку.

— На что она мне?!

Я подумал.

— Пригодится. Мотоцикл, может, когда купишь.

Мы сменялись.

Весь урок я рассматривал пятак, а Проегоркин чинил зажигалку.

На переменке я подозвал Проегоркина и повел его в самый дальний угол коридора.

— Смотри,— сказал я. — Музейная редкость. — И вынул из кармана лорнет.

Одно стекло в нем было разбито, но на ручке кое-где еще блестела позолота.

Я приставил лорнет к глазам, словно какой-нибудь там граф или барон, и гордо посмотрел на Проегоркина.

— Ух ты! — произнес Проегоркин.

В общем, за лорнет я получил губную гармошку и в придачу шприц без иглы.

На гармошке можно было играть только «Чижика-пыжика» и то, если дуть со страшной силой. Но зато шприц работал отлично: струйка воды била через три парты.

А Женька Проегоркин приставлял к глазам лорнет, зло кривил рот и каждому говорил: «Я вызываю вас на дуэль, сударь!..» Все смеялись.

На следующей перемене у меня от гармошки заболели щеки. «Что от нее толку?—подумал я.— «Чижик-пыжик»—и все... А зажигалка?.. Ее можно починить. Еще как можно!» Я подозвал Проегоркина.

— Давай меняться на зажигалку!

— Давай,— не раздумывая, сказал Женька. — Что у тебя?

— Гармошка,— сказал я и сыграл «Чижика».

Проегоркин осмотрел со всех сторон гармошку, словно незнакомую ему вещь.

— А что в придачу?

Я порылся в карманах и протянул ему екатерининский пятак.

К шестому уроку «Я вызываю вас на дуэль!» всем надоело. Никто из «сударей» не смеялся. Не смеялись даже и «сударыни». Проегоркин отозвал меня в коридор.

— Меняемся? — И он протянул мне лорнет.

Я подумал: «Стоит ли?» Но Проегоркин достал мотоциклетную лампочку и сказал:

— А это в придачу.

Тогда я подумал, что когда-нибудь куплю мотоцикл, и отдал ему шприц.

Мы разошлись, подозрительно поглядывая друг на друга.

ИЗ МАГНИТОФОННЫХ ЗАПИСЕЙ СМЕХОТРОНА

ПРРР... ПРРРИИ... ПРРИМЕРРЫ...

На сборе отряда обсуждали Колю Перчаткина. Коля Перчаткин нахватал двоек, да и поведеньице у него было липовое, то есть явно хромало.

— Эх, Коля, Коля! — сказала Нина Смирнова.— Брал бы ты пример с отличников!

— А я что, не брал, что ли! Вон у Петьки три примера взял на контрольной. А мне двойку поставили!

ГРР... ГЕОГРРР... ГЕОГРРАФФИЯ...

В пятом классе «А» шел урок географии. Петя Параллелькин сидел за партой и ловил ворон, то есть ничего не слушал, смотрел по сторонам и зевал.

«Хорошо бы сейчас пельменей поесть»,— думал Петя.

— Параллелькин, к доске! — сказал учитель.

Петя вышел к доске.

— Скажи нам, Петя, что такое полуостров!— спросил учитель.

— Это острая часть суши! — бодро ответил Петя.

— А что такое остров!

— Это два полуострова...

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

ЗАРПЛАТА ВЕСОМ В ЧЕТЫРЕ КИЛОГРАММА

Полриала (старого).

Талер Марии-Терезии.

Новый риал.

Йемен — единственная страна на земном шаре, где еще недавно не было бумажных денег.

До последнего времени в ходу были серебряные талеры Марии-Терезии, датированные 1780 годом. Они чеканились в Австрии и Англии и оттуда вывозились в Йемен. А на Йеменском монетном дворе техника чеканки была такой отсталой, что годилась только для печатания мелкой разменной монеты.

Каждый серебряный талер весил 28 граммов. Йеменский служащий ежемесячно нес домой три-четыре килограмма зарплаты. А если надо было выплатить деньги большому коллективу, кассиру подавали грузовую машину.

Теперешнее республиканское правительство провело чеканку новой монеты, а затем осуществило введение бумажных денег.

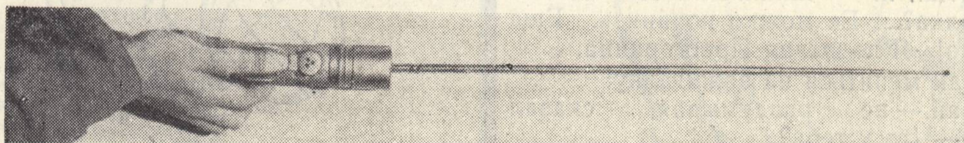
М. Максимов

СКОЛЬКО ПЕРЬЕВ У ВОРОБЬЯ!

По подсчетам датского фермера Хансена, зимой у воробья 2 551 перо, а летом — на 500 перьев меньше. Хансен — владелец единственного в мире Музея перьев. За 20 лет работы он изучил более десяти миллионов перьев самых различных птиц.

С. Фролов

ПЕРЕКРЫВАЯ ГОРНЫЕ КРЯЖИ

На снимке — миниатюрная радиостанция. Конструкторы предназначали ее сначала только для альпинистов. Весит она всего 350 граммов. Приемник и передатчик удобно смонтированы вместе — в корпусе карманного фонарика. Радиостанция собрана на транзисторах. Весом и объемом она не обременит спортсменов во время трудных восхождений и спусков. Зато будет надежным средством сообщения: держа в руке этот небольшой цилиндр с антенной, можно принимать радиопередачи и вести их самому. Радиус действия — от двух до четырех километров. А если устроить цепочку таких радиостанций, получится «радиорелейная» линия, перекрывающая горные хребты.

Да и во всех других случаях, где нужно установить двустороннюю ближнюю радиосвязь — на стройках, на транспорте, на колхозных полях,— пригодится эта миниатюрная станция.

И. Силин
Фото С. Карасева.

И САМОЛЕТУ НУЖЕН ПАРАШЮТ

...Автомобиль мчался со скоростью 80 км/час. Пассажир, сидевший в машине, повернулся назад и дернул за шнур. Из большого ранца позади сиденья выскользнул и развернулся огромный матерчатый купол. Он держался на шнурах, прикрепленных к буксировочному крюку машины. Встречный поток воздуха быстро заполнил купол, который стал тормозить движение машины. Автомобиль остановился.

Так проходили в 1911 году испытания первого в мире авиационного парашюта. Его создал русский конструктор Глеб Иванович Котельников. Провести испытания парашютов в воздухе не разрешили, чтобы не подвергать опасности человека. Вот и пришлось приспособить парашют к автомобилю. Не подозревая того, Котельников изобрел сразу и тормозной парашют. Он и сейчас применяется в авиации.

А. Краснов

ВОДОРОСЛЬ-ЧЕМПИОН

До недавних пор считалось, что быстрее всех растет бамбук. За сутки он вырастает на 30 сантиметров. Этот рекорд оставила позади гигантская водоросль, обитающая у берегов Калифорнии. Ее суточный прирост — 50 сантиметров.

С. Берменьева

ИСКУССТВЕННЫЕ БОЛОТА ДЛЯ АИСТОВ

За последние годы ученые-орнитологи с удивлением отметили, что все меньше и меньше аистов возвращается летом из Южной Африки в Европу. Оказывается, виной этому осушение болот, которое проводится во многих странах Европы. Чтобы сохранить аистов, во Франции принято решение создать искусственные болота и развести в них лягушек — любимое «блюдо» аистов.

Ал. Годзецкий

ГОРГИППИЙСКИЙ СПИСОК

Этот мраморный столб найден на территории нынешней Анапы. В III веке до нашей эры здесь располагалась греческая колония Горгиппия — крупный город Боспорского царства. Одна сторона столба покрыта высеченными на мраморе греческими именами. Их более трехсот. Как выяснили ученые, это имена победителей спортивных соревнований, которые проводились в Горгиппии. А список — первый и единственный дошедший до нас документ, из которого можно узнать, по каким видам спорта проводились соревнования в древности. В те времена особенно распространенным был бег на большие дистанции, до четырех тысяч метров, и различные соревнования на выносливость, ловкость и проворство спортсменов.

Б. Случанко

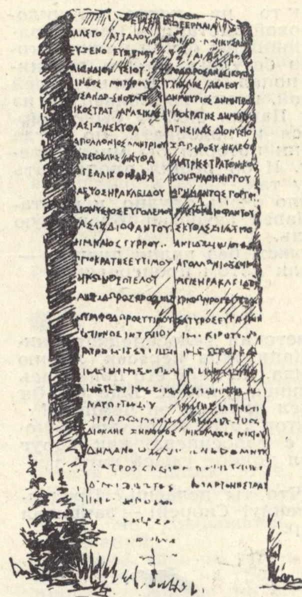

Рисунок В. Дерещука.

ПОРТРЕТ «ИМПЕРАТОРА»

На рисунке — ископаемый слон Архидискодон император. Это близкий родич мамонта. Он жил на территории Северной Америки.

Архидискодон император был гигантом даже среди слонов. Его рост — четыре метра от земли до холки. Его огромные бивни, способные устрашить любого врага, служили не только оружием. Чтобы достать нежные верхушечные побеги, слон ломал деревья, крепко зажав ствол между бивнем и хоботом. Бивнями он разгребал валежник и опавшие листья, чтобы добраться до молодой травы.

Длина бивней у него — больше трех метров. Бивни — те же зубы, но без корней. Поэтому их рост продолжается всю жизнь.

Гигантские слоны североамериканского материка вымерли, когда начался ледниковый период,— больше чем пятьдесят тысяч лет назад. Ученые-палеонтологи ищут следы давно исчезнувшей жизни и восстанавливают облик вымерших животных, иногда имея в своем распоряжении лишь разрозненные части скелета. Но на этот раз им повезло. Архидискодон император был найден целиком, весь скелет до последней косточки.

Слон увяз в асфальтовом болоте, и вся сила могучих мышц не помогла ему вырваться из смертоносного плена. Он погиб. А через пятьдесят тысяч лет его «портрет» нарисовал известный чешский палеозоолог и художник Зденек Буриан.

О. Сергеев

ОДНАЖДЫ НА ОЛИМПИАДЕ...

Как-то на пятнадцатикилометровой дистанции Павел Колчин лишился одной палки. Кто-то из бегущих следом лыжников попал в ее кольцо своей палкой, и она выскользнула из руки Павла. Можно было вернуться и подобрать, но тогда Колчин потерял бы много времени. И он решил продолжать гонку так.

Было очень трудно, и все-таки Павел завоевал бронзовую медаль.

«Может, без палки лучше?» — шутили потом проигравшие.

●

Советский велосипедист Виктор Капитонов пересек линию финиша. На лице его появилась блаженная улыбка. Еще бы! Он пришел первым, он чемпион!

Виктор хотел было уже соскочить с велосипеда, как вдруг увидел полное ужаса лицо тренера.

— Что ты делаешь? Продолжай гонку! Скорей! — закричал тренер.

Оказывается, Виктор сбился со счета. Он не закончил гонку. Ему оставалось пройти еще целый круг!

Дорогое время было потеряно, но Виктор не упал духом, помчался вперед и опять пришел к финишу первым. Теперь уже по-настоящему первым.

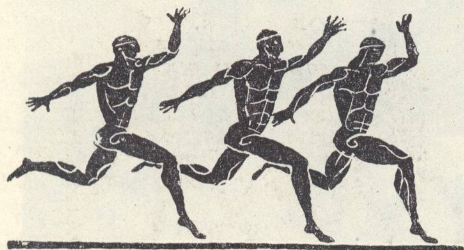
●

Финишировав в беге на 800 метров, американец Томас Куртней упал и потерял сознание. Он не приходил в себя очень долго и только через два часа смог заговорить.

— Кто победил? — спросил он и очень удивился, услышав в ответ:

— Вы!

Оказалось, Куртней совсем забыл, как в ходе бега он вышел на второе место после англичанина Дерека Джонсона и как за десять метров до финиша, сделав отчаянный рывок, опередил Джонсона. От этого невероятно сильного рывка чемпион и потерял сознание.

Состязание в дромосе. С греческой вазы.

А. СВЕТОВ

Как известно, меркой человеческой силы, быстроты, выносливости служат спортивные рекорды. Какими были рекорды в Древней Греции, родине олимпийских игр? В точности этого никто не знает: ведь у древних не было ни секундомеров, ни рулетки, ни точных весов. И все же, сопоставляя некоторые, дошедшие из глубины веков сведения, мы кое-что можем сказать.

Прежде поговорим о силе. По преданию, знаменитый атлет, шестикратный олимпийский победитель, Милон Кротонский мог взять в ладонь яблоко, и ни одному силачу не удавалось разомкнуть его пальцы.

В то время было принято отливать из бронзы статуи атлетов, победивших в олимпийских играх. Когда была готова статуя Милона, атлет сам взвалил ее на плечи, принес и установил на постамент.

Если бы статуя Милона сохранилась, мы бы просто взвесили ее и таким образом определили бы рекорд. Но она не сохранилась, и приходится обойтись без нее. Предположим, что сам Милон весил 100 килограммов. Это вполне нормальный вес для сильного мужчины с хорошо развитой мускулатурой. Статуи олимпийцев отливались в натуральную величину. Это очень важно, потому что при равных размерах статуи и человека задача упрощается. Удельный вес античной бронзы — примерно 8,7. Удельный вес человеческого тела немного больше единицы. В таком случае выходит, что статуя, которую нес Милон, весила примерно 870 килограммов? Это было бы так, если бы отливка была сплошной. Но греки отливали скульптуры полыми внутри. На это надо скинуть килограммов шестьсот. Все равно остается около трехсот килограммов.

А вот еще один измеренный рекорд. Для тренировок античным спортсменам служили гантели, не похожие на наши. Это были каменные бруски с углублениями для пальцев. Один такой брусок археологи нашли при раскопках в Олимпии. Надпись, высеченная на бруске, сообщала, что атлет Вывон одной рукой поднял его над головой. Брусок взвесили, и оказалось, что в нем 143 килограмма.

Дистанции, которые пробегали античные спортсмены, установить было не так уж сложно. В состязаниях бегунов было три дистанции: дромос, диаулос и долихос. Участники дромоса пробегали специально

Рисунки О. Зотова.

отмеренную дорожку длиной в одну стадию. В диаулосе атлет, добежав до конца дорожки, отталкивался рукой от столба и бежал обратно к месту старта. Долихос — стайерская дистанция. Ее длина — 24 стадии. Но чему равна стадия? Оказывается, это мера не слишком точная, потому что в основу ее бралась длина ступни главного жреца того города, где предстояли состязания. Отмеренная шестьсот раз, она давала стадию. Но ведь ступни у жрецов были разные! Если считать по самому большому и самому маленькому размеру мужской ноги, стадия получается 176 — 192 метра. Какие расстояния в метрах преодолевали атлеты дромоса, диаулоса и долихоса, это вы сосчитайте сами.

Скорость античных спринтеров определить труднее. Ведь в Древней Греции не было секундомеров, а по солнечным или песочным часам секунды не учтешь. Победителя определяли просто: атлеты стартовали все вместе, и побеждал тот, кто успевал добежать первым. Все же, хотя бы приблизительно, мы можем определить и эту неизмеренную скорость. Одна из записей сообщает о бегуне, который догнал зайца и поймал его за уши. У зайца скорость 36 километров в час. Бегун, его поймавший, был неплохим спринтером! Он мог секунды за две пробежать даже ту стадию, которая была отмерена самой большой ступней.

Нашли археологи каменные таблички с высеченными на них надписями. А в надписях сообщались результаты прыжков в длину знаменитого атлета Спарты Эхиона. Когда перевели эти результаты в метрическую систему, получилась невероятная цифра: 16 метров! Такой прыжок под силу только кенгуру. Но венгерский ученый Ференц Мёзе, крупнейший специалист по истории олимпийских игр, предложил хорошее объяснение: в надписях речь идет не о простом прыжке, а о сложном, наподобие тройного прыжка современных нам атлетов. Если Ференц Мёзе прав, одинарный прыжок Эхиона имел длину 5 метров 55 сантиметров.

Дискобол Флегий во время тренировки перебросил диск через реку Алфей. Об этом тоже сохранилась запись. В наше время ширина Алфея — метров пятьдесят. Но реки мелеют, возможно, что в древности Алфей был шире. Следовательно, результат Флегия не меньше пятидесяти метров, но вполне вероятно, что и больше.

ОДНАЖДЫ НА ОЛИМПИАДЕ...

После победы австралийских спортсменок в очередном заплыве их тренера спросили:

— Как вы добиваетесь таких результатов?

— О, это очень просто,— ответил он.— На тренировках в открытом море, если они плывут слишком медленно, я кричу: «Акула!» Думая, что это правда, спортсменки начинают плыть гораздо быстрее и вот так приобретают большую скорость.

•

Как-то финский спортсмен Линносвуо выбил в стрельбе из пистолета 581 очко; меньше, чем, по его мнению, должны были выбить три его главных соперника. Хотя они еще не вышли на линию огня, он решил, что на медаль нечего рассчитывать, и... уехал со стрельбища, не дождавшись конца состязаний.

Однако, едва он уехал, оказалось, что один из трех лидеров провел стрельбу не лучше и набрал то же количество очков, что и финн. Судьи назначили дополнительные соревнования между ними. Но где найти Линносвуо? Его искали полтора часа, и он поспел на стрельбище, когда остались считанные минуты до начала. Правда, в дополнительной стрельбе он снова проиграл. Но, может, этого бы и не случилось, если бы он прежде времени не демобилизовался.

•

Каждый раз, как кто-либо из советских спортсменов завоюет на олимпиаде медаль, ему в тот же день в олимпийской деревне товарищи преподносят торт. Торты наших олимпийцев всегда круглые, как медаль, но отличаются от нее солидными размерами. И побед, и медалей, а значит, и тортов было немало. Как подсчитали любители арифметики, нашим олимпийцам пришлось в общей сложности съесть несколько тонн сладкого, поставив таким образом гастрономический рекорд.

Состязание в долихосе. С греческой вазы.

О серпе и молоте

А. ДОРОХОВ.

Вот какая история произошла в одном небольшом белорусском городке в дни войны с фашистами.

Захватив этот городок, фашисты первым делом поспешили разбить советский герб, выложенный из кирпича на фронтоне здания школы. Но на следующее утро уничтоженный врагами герб появился снова. Только на этот раз он был нарисован на большом листе бумаги.

Фашистский комендант приказал своим солдатам сорвать и сжечь рисунок. Но через несколько часов герб словно чудом воскрес опять. Гитлеровцы сорвали его снова и приклеили на дверях школы объявление, что тот, кто попытается восстановить герб, будет расстрелян.

А наутро жители городка увидели на здании школы уже два герба. Один по-прежнему красовался над входом, а другой был наклеен на объявлении коменданта.

Фашисты поняли, что все это происходит не без участия школьников. Они согнали на вокзал всех ребят городка от десяти до шестнадцати лет, погрузили их в вагоны и увезли в Германию.

Но на следующее утро герб был снова на том же месте. Тогда фашисты устроили в школе засаду. Ночью, услышав шорох, часовые подстрелили двух кошек. Но с рассветом все увидели над школой все те же красные серп и молот.

И только когда наши войска освободили городок, люди узнали, что мужественную войну с фашистами за советский герб вели два смелых пионера. Они спрятались в здании школы, а по ночам, рискуя жизнью, рисовали и укрепляли новые гербы на месте уничтоженных.

Почему каждому советскому человеку так дорог

герб, на котором перекрещены серп крестьянина и молот рабочего?

Когда и как появился впервые этот символ нашего государства? Какие гербы были раньше в России и других государствах?

Обо всем этом можно прочитать в очень интересной книжке **Михаила Лященко «Рассказы о советском гербе»**, вышедшей недавно в Детгизе.

И не только об этом. В рассказах о происхождении гербов и знамен воскресают многие важнейшие события в истории человечества — от восстания римских рабов, которых вел Спартак, до рождения новых свободных государств в Африке в наши дни. А повесть о советском гербе—это, по существу, повесть о становлении нашего Союза Советских Республик, о первой государственной печати, о первых революционных знаменах и марках, о красных звездочках, впервые засиявших на буденовках красноармейцев.

Прочитав эту книжку, начинаешь по-новому всматриваться в привычное изображение серпа и молота, встречающее тебя повсюду: на аттестате зрелости и на трибуне в Кремлевском дворце, на флаге корабля и на вымпеле, заброшенном на Луну. И понимаешь, почему бедняки в угнетенных странах хранят, как величайшую святыню, случайно найденную монетку или марку с изображением герба, принадлежащего первому в мире государству рабочих и крестьян.

Путешествие во времени

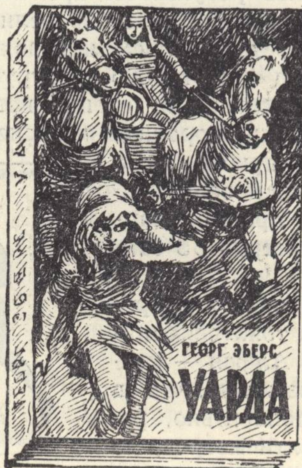
Е. РУБЦОВА.

Молчаливым жестом Путешественник пригласил меня занять место в машине времени. Поворот рукоятки. Медленно исчезли, словно растаяли, очертания окружающих предметов...

Это не отрывок из фантастического романа Герберта Уэллса. Путешественник по времени не выдумка. Он действительно берет вас в свою удивительную машину, мчит через века и тысячелетия.

Мне было столько лет, сколько вам сейчас, когда он впервые взял меня в путешествие. Я увидела древние Фивы — столицу Египта и таинственный Город мертвых на другом берегу Нила. Я встретила прекрасную Бент-Анат, дочь могучего фараона Рамзеса II. Я узнала, как молодой жрец Непсехта, изучая тайны природы, понял, что богов нет, и как его друг, поэт Пентаур, стал прославленным воином.

Я подружилась с золотоволосой девочкой Уардой. Я участвовала в битвах Рамзеса, с тревогой следила

за кознями честолюбивой и хитрой Катути и жестокого махора Паакера. Я побывала и в домах знатных горожан, и в величественных храмах, и в хижине отверженного парасхита — вскрывателя мертвых, — и в таинственной пещере колдуньи...

Но пора раскрыть тайну Путешественника, назвать его имя, сказать, где скрыта машина времени, чтобы каждый из вас мог совершить удивительный рейс.

Путешественника зовут *Георг Эберс*. Это замечательный немецкий ученый-египтолог, живший в прошлом веке. В отличие от большинства других специалистов он писал не только научные сочинения, трудные для непосвященных. Он писал и увлекательные романы о Древнем Египте. А так как он о Египте знал столько, словно сам побывал в нем, его книги полны жизни и правды. Они переносят нас по воле автора в эту удивительную страну далекого прошлого.

Когда Эберс написал свой первый исторический роман, он получил за это хорошую взбучку от своего учителя, знаменитого профессора Лепсиуса.

Лепсиусу вручил он только что законченную рукопись, ожидая похвал. Но профессор, узнав, что это роман, пришел в негодование.

— Стыдитесь, молодой человек,— отчитывал он Эберса.— Я считал вас серьезным, вдумчивым и подающим надежды исследователем, а вы... Вы компрометируете свое имя ученого, занимаясь подобными пустяками!

Молодой египтолог стоял в растерянности, низко опустив голову. Лепсиус все же обещал просмотреть «эту курьезную» рукопись. Не прошло и двух недель, как он пригласил Эберса к себе. Теперь он не бранил, а хвалил. Он сказал, что хотя это роман, который читается легко и с увлечением, его вполне можно назвать настоящей научной работой. В устах Лепсиуса это была большая похвала.

С тех пор талант ученого в Эберсе «на законных правах» жил рука об руку с талантом романиста. А рассказала я обо всем этом потому, что появилась на свет, заново изданная, та книга, которую я, прочитав в детстве, помнила всю жизнь. Книга эта называется *«Уарда»*. Теперь ее нетрудно найти на полках школьной библиотеки. Пусть она и вам поможет совершить такое же захватывающее путешествие.

Первая книжка о пионерах

Частенько ко мне в Тарусу заходят пионерские экскурсии и, интересуясь историей, с любопытством рассматривают книжку

«Пионер в деревне». Это — первое художественное произведение о пионерах, вышедшее в нашей стране. Год издания — 1924.

В ту пору, будучи вожатым, я одновременно заведовал отделом пионерской жизни в журнале «Пионер». И еще не думал быть писателем.

Однажды мне поручили написать инструкцию для ребят, едущих в деревню, о том, как надо помогать сельским ребятам в организации пионерских отрядов. Мне удалось написать ее так занимательно, что, читая ее, работники Центрального Бюро юных пионеров — Валериан Зорин, Лиза Теремякина и Саша Волков — хохотали до слез. И Зорин посоветовал издать ее в виде книжки с рисунками, что и было сделано. Книжка «Пионер в деревне» вышла в издательстве «Молодая гвардия» с яркими иллюстрациями художника Баюскина. Благодаря этой книге организовалось немало пионерских отрядов. И вскоре редакция «Пионера» стала получать письма про их боевые дела. На основе этих писем я написал еще одну книжку,

о первых деревенских пионерах, назвавших себя «Партия свободных ребят». Теперь книжки вышли в новом издании: это **«Один из первых»** и **«Партия свободных ребят».**

Пионеры в гостях у писателя Богданова в Тарусе.

Много написано мною книг, но особенно дорога мне самая первая — «Пионер в деревне» — книжка-юбиляр (вместе с ее сорокалетием исполняется и сорок лет моей литературной деятельности). Путевку в литературу дала мне, бывшему вожатому, пионерская организация имени Ленина.

Николай БОГДАНОВ

Как стекло стало ситаллом

Е. РУБЦОВА

Рисунки Б. Кыштымова.

Стекло всякий знает. В современной жизни оно встречает нас на каждом шагу. Оконные стекла и чайные стаканы электролампы и очки, изоляторы на телеграфных столбах и разноцветные бусы, банки с вареньем и бутыли с кислотой, термометры, термосы, телескопы...

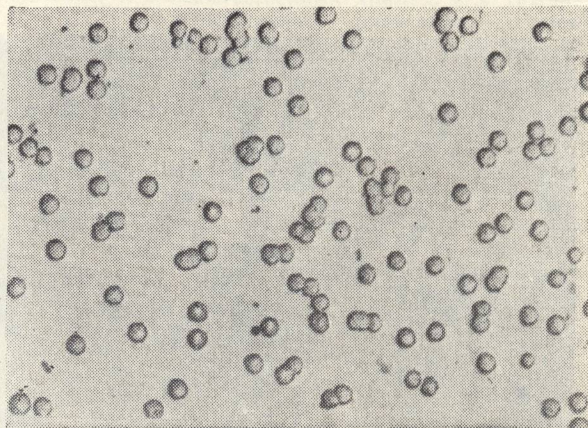
Замечательные свойства стекла нам тоже известны из повседневного опыта. Оно прозрачно, иначе не было бы стеклянных окон и очков. Оно газонепроницаемо, иначе из него не делали бы лампочек. Оно неэлектропроводно (изоляторы!). Оно кислотоупорно. Вот только насчет прочности... Не зря же го-

Стекло встречается на каждом шагу.

Но... у него есть недостаток.

Это снимок стекла, остывающего «по-ситалловому». Видны зародыши будущих кристаллов.

ворят «хрупкий, как стекло». Но что поделаешь! Стеклу вот уже добрых четыре тысячи лет прощают этот недостаток. А все же, если бы...

Вообразите стеклянный лист, который не сломается, если вы на край его положите груз почти в тонну. И не разобьется, если вы изо всех сил ударите по нему молотом. И не растрескается, если вы нальете в него кипящую ключом воду. Да что воду! У нее температура — сто градусов. Можете налить расплавленного свинца. Это уже чуть не полтысячи градусов. И все равно не растрескается.

Так не бывает, скажете вы. Бывает, если стекло превратить в ситалл.

Ситалл... Это красивое название придумал Исаак Ильич Китайгородский, профессор Московского химико-технологического института имени Менделеева. Он руководил коллективом химиков, превративших стекло в ситалл.

Ситаллы обладают удивительными свойствами. Ситаллы легки. Легче алюминия. Ситаллы очень прочны, особенно на сжатие. Они могут выдержать давление от полутонны до пятнадцати тонн на квадратный сантиметр. При нормальном давлении нужно больше тысячи градусов, чтобы ситаллы начали размягчаться.

Разными ситаллами можно заменять сталь, медь, алюминий, дерево, фарфор, керамику, бетон.

В чем же секрет ситалла? Каким волшебством удалось так изменить стекло?

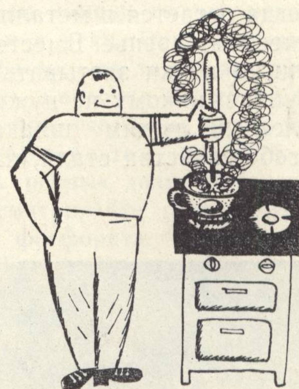
Давайте сначала взглянем попристальнее на стекло. Что в основе оно из кварца, вы, вероятно, знаете. Кварц — это соединение двух химических элементов: кремния и кислорода.

Обыкновенный кремешок — это кварц. Горный хрусталь — кварц. Драгоценные камни аметист и дымчатый топаз — тоже кварц. Все эти виды двуокиси кремния имеют кристаллическое строение. И у крохотных обкатанных морем кварцевых песчинок, из которых варят стекло, кристаллическое строение. А у стекла — не кристаллическое. Аморфное, как говорят химики. В стекле молекулы и цепочки молекул расположены в беспорядке, как попало.

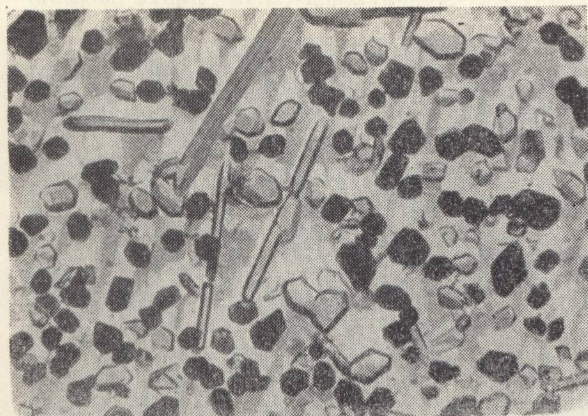
Когда-то природные кристаллы двуокиси кремния — кварца — родились из остывающих каменных расплавов в земной

Ситалл не разобьется, если изо всех сил ударить по нему молотком...

И не растрескается не только от кипящей воды, но и от расплавленного свинца.

Здесь уже идет управляемая кристаллизация. В стеклянной массе растут четкие кристаллики.

коре. Так почему же, вновь расплавленные человеком, они, остывая, не кристаллизуются так, как в природе? И почему кристаллы, «самовольно» образовавшиеся в стекле, превращают стекло в брак? Всякому химику-стекловару известно, что надо избегать образования кристаллов в остывающей стекольной массе. Почему? В поисках ответа ученые обнаружили, что если стекло, которое содержит зародыши кристаллов, нагревать и охлаждать особым образом, в нем продолжается рост кристаллов, но по-иному. И получается уже не испорченное стекло, а новый материал с совсем особенными свойствами.

Так была найдена путеводная нить к ситаллам.

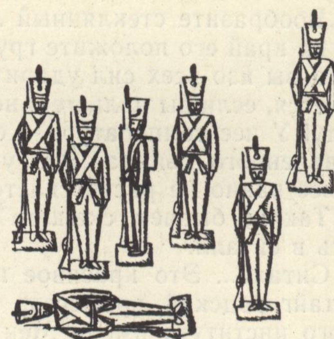
В самом названии отражены признаки вновь созданного вещества. Ситалл — название составное. В нем начало слова «стекло» и конец слова «кристалл».

А теперь заглянем в глубь этого вещества сквозь окошко, которое открывает нам электронный микроскоп. Вот снимки. На первом увеличенное в десять тысяч раз остывающее стекло. Остывающее не просто, а «по-ситалловому». Видите его неоднородность, возникшие в нем каплеобразные сгущения? На втором снимке уже видны в массе стекла ограненные, четкие кристаллики.

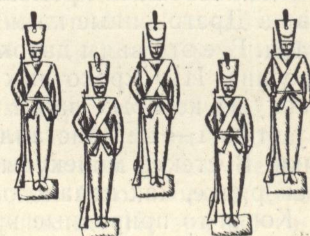
Третий снимок. Отдельные кристаллы кварца и другого минерала тут уже построились в более крупные образования. Несмотря на то, что здесь увеличение в 20 тысяч раз, просветов с некристаллической стеклянной массой гораздо меньше.

Четвертый снимок. Ситалл с еще более плотной кристаллической упаковкой. Стеклянных просветов еще меньше.

Следующий шаг ученых — превращать в ситаллы не стекло, а шлаки, отбросы металлургического производства. Горы шлаков, загромождавшие заводские дворы, идут теперь в ход. Ведь что такое шлак? Это расплав каменной примеси, которая всегда остается в металлической руде. Это «пенки» на металлическом варенье. Вместе с инженерами химики заставили каменные пенки застывать так, чтобы они превращались не в хрупкие, никому не нужные шлаки, а в твердые, красивые и полезные людям шлакоситаллы — материал, соединяющий в себе свойства стали, пластмассы и стекла.

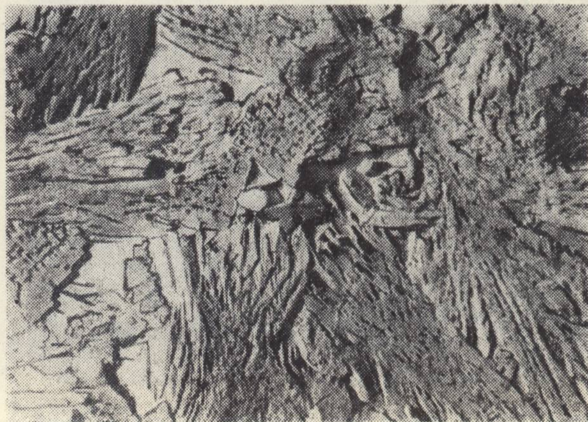

Эти расположены в беспорядке, как попало.

А эти — в четком строю.

А здесь — два разных ситалла. У обоих плотная упаковка кристаллов, хотя строение разное.

НА ПОИСКИ «КАМНЯ ПЛОДОРОДИЯ»

Мы побывали в Институте горнохимического сырья у профессора Бориса Михайловича ГИММЕЛЬФАРБА. Всю свою жизнь Борис Михайлович занимается поисками фосфоритов — замечательного сырья для удобрений. Тем ребятам, которые хотят стать помощниками геологов, знают свой край и любят путешествовать, он советует отправиться летом на поиски новых залежей фосфоритов. Вот что рассказал нам Борис Михайлович.

Некоторые горные породы издавна называются «камни плодородия». Они богаты как раз теми веществами, которые особенно нужны для питания растений: азотом (селитра), калием (калийные соли), фосфором (фосфориты и апатиты).

Фосфориты и апатиты — самые распространенные из этих пород.

Поэтому мы и советуем вам отправиться на поиски фосфоритов.

В нашей стране открыто много залежей этого сырья для удобрений, но с каждым годом требуется все больше и больше. Нужно, чтобы все районы страны были обеспечены своими запасами сырья. А пока приходится везти фосфориты издалека: на востоке страны до сих пор не найдены крупные месторождения. Да и не только крупные — даже небольшое новое месторождение фосфорита принесет огромную пользу колхозам и совхозам вашего района.

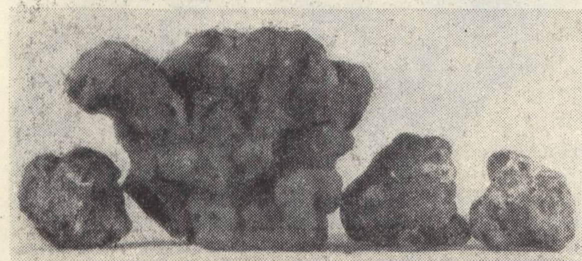
ЧТО ТАКОЕ ФОСФОРИТЫ?

Фосфориты — это осадочные породы. Они образовались на дне древних морей и океанов.

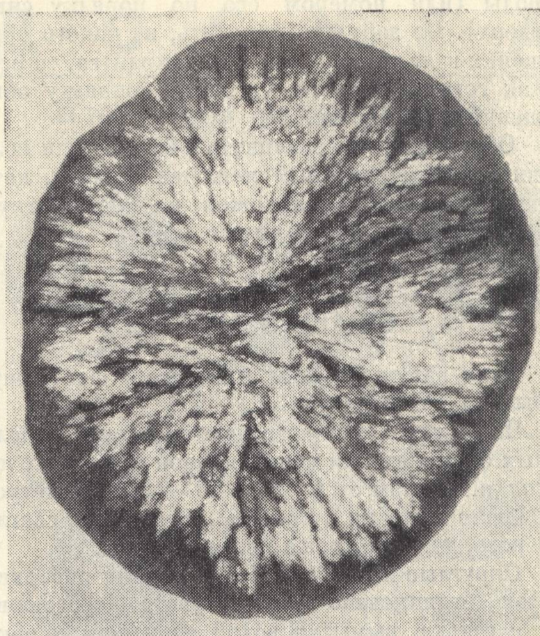
Чаще всего фосфориты встречаются там, где много других осадочных пород — песков, песчаников, глины, мела, известняков, галечника.

ГДЕ ИХ ИСКАТЬ?

Фосфориты — древние, «почтенные» породы. Почва и более молодые напластования скрывают их в земле от глаз человека. Чтобы увидеть древние породы, нужно искать места, где они открыты. Такие места геологи называют «обнажениями». Внимательно осмотрите все обнажения в вашем районе: речные берега, овраги, обрывы, каменоломни, карьеры, железнодорожные выемки. Но таких мест обычно бывает немного, и тут на помощь геологу-разведчику приходят ручьи и реки. Они размывают горные породы, а обломки их тащат за собой. Среди них могут быть и кусочки тех пород, которые не обнажены, которые вы не могли увидеть. Маршрут походов поэтому лучше всего прокладывать вдоль речных долин и оврагов.

Желваковые фосфориты.

Разрез желвака. Видно, как из одного центра выросли игольчатые кристаллы фосфата.

Внимательно рассматривайте речную гальку — ищите гальку фосфорита. Чем округлее галька, тем больший путь она прошла, тем дальше находится пласт фосфорита, размываемый водой. Нужно идти вверх по реке, пока встречается галька. Пласт должен быть вблизи того места, где галька перестанет встречаться.

Там, где склоны не заросли и не покрыты дерном, сделайте остановку. Верхний покров нужно снять небольшой полосой, так, чтобы пересечь все слои обнажения. Детально осмотрите и опишите все слои, как они располагаются один за другим, снизу вверх (чем выше залегает слой, тем моложе его возраст). Если вы не знаете названий пород, опишите их своими словами: какого цвета слой, какой толщины, из чего состоит. От каждого слоя отбейте кусочек (образец), напишите этикетку с названием по-

роды (или номером его по порядку снизу вверх). Не забудьте пометить, из какого обнажения взят образец, где оно находится, то есть, как говорят геологи, сделайте привязку обнажения к местности.

Образец нужно завернуть в бумагу или положить в нумерованный мешочек. Гальку, которая покажется вам похожей на фосфоритную, тоже опишите и возьмите с собой.

КАК ОТЛИЧИТЬ ФОСФОРИТЫ ОТ ДРУГИХ ПОРОД?

И по внешнему виду и по цвету фосфориты бывают очень разные.

Чаще всего они встречаются в виде отдельных округлых или неправильной формы *желваков* диаметром от 1—2 до 10—15 сантиметров. Обычно желваки бугристые, шершавые, светло-серого, темного, реже черного цвета.

Округлые желваки с более ровной поверхностью, глянцевито-черного цвета — фосфоритная галька, вымытая водой из пласта и обкатанная в реке или в море.

Желваки и галька залегают среди песков и глин, образуя фосфоритные слои. Толщина таких слоев от 15 сантиметров до 1,5 метра. Часто слоев бывает несколько. Они залегают один под другим, разделенные прослойками песка и глины.

Когда фосфориты залегают не отдельными желваками, а сплошными, однородными, правильными пластами, вроде известняка, образуются *пластовые (массивные) фосфориты.*

Такие пласты бывают разного цвета. Иногда белые, похожие на мел, чаще темно-серые, почти черные, напоминающие темные известняки и кремень. Их часто путают между собой.

Толщина пластов достигает 5 и даже 15 метров.

Эти отложения по содержанию фосфата гораздо богаче желваковых и часто занимают большую площадь. Одно из самых богатых месторождений пластовых фосфоритов — Каратау в Казахстане.

Чтобы узнать фосфорит, разбейте кусочек породы, сильно потрите обломки друг о друга и понюхайте. У фосфорита острый, неприятный запах. Более точно можно определить фосфорит по химической реакции с раствором молибденовокислого аммония в азотнокислой среде. Если в породе есть фосфор, выпадает осадок ярко-желтого цвета.

ЧТО НУЖНО ВЗЯТЬ В МАРШРУТ?

Молоток для отбивания образцов (лучше с длинной ручкой — удар будет сильнее), небольшую железную лопату (саперную) для расчистки выходов пород, записную книжку, карандаш, перочинный нож, складной метр или рулетку, мешочки или бумагу для завертывания образцов, рюкзак, бутылочку с химическим реактивом для определения фосфора в горных породах, компас, географическую карту района.

Хорошо, конечно, иметь с собой определитель пород и минералов. Перед походом полезно почитать книги по геологии: ведь вам могут встретиться не только фосфориты, но и другие породы. Сохраните все образцы, сделайте коллекцию минералов вашего района. Может быть, среди них окажутся породы, полезные для промышленности района: известковый туф (для известкования почвы), хорошая гончарная глина, чистый кварцевый песок (для стекольной промышленности) и другие.

Учитель географии или сотрудники краеведческого музея помогут вам определить названия пород.

КУДА ПОСЛАТЬ СООБЩЕНИЯ О НАХОДКЕ?

Если недалеко работает геологическая партия, лучше всего передать ей образцы породы и описание. Можно послать их в Геологическое Управление вашей республики или в Геологический Комитет СССР. Не забудьте указать свой адрес.

●

Если у вас возникнут какие-либо вопросы или затруднения, советуем посмотреть брошюру *Б. М. Гиммельфарба «Что такое фосфориты, где и как их искать»*. Там же вы узнаете, как приготовить химический реактив для определения фосфора в горных породах.

Желаем вам успехов!

Пластовый фосфорит. Темные слои богаче фосфоритом, светлые — беднее.

В ЧАСЫ ДОСУГА

Загадочный щит

Бывает, что иная вещь лежит на виду, но ее не видит рассеянный взгляд. Так случилось и с нашими ребятами-туристами: ключ к расшифровке загадочного текста на щите у них перед глазами, а они его не замечают!

Может быть, среди наших читателей найдутся более наблюдательные и более смекалистые отгадчики?

Составил Александр ГОРЮШКИН
г. Тейково, Ивановской области.

Кто с кем разговаривает?

Научись записывать ребус

Прежде чем построить дом, делают чертежи, по которым он будет строиться. Так и с ребусом: сначала составляют текстовую запись его; по ней, как по чертежу, изготовляется ребус в том виде, в каком мы привыкли его видеть.

Изображения каких-либо предметов и рисованные буквы — основной материал, из которого делается ребус. Об этом говорилось в задаче «Ребус, которого еще нет» («Пионер» № 4). Напомним: рисунки и рисованные буквы, приведенные в этой задаче, требовалось расположить в определенном порядке и дополнить их, где надо, ребусными запятыми — так, чтобы получился ребус с зашифрованной в нем пословицей: «Под лежачий камень вода не течет».

Вот решение головоломки:

ПОД «Л» — «ЕЖ(И)» + (Д)АЧ(А) + И + + (ЛЕ)ЙКА + (РЕ)МЕНЬ + В «О» — «Д» + + (Т)АНЕ(Ц) — ТЕ(НЬ) + (С) ЧЕТ(Ы).

Это и есть текстовая запись ребуса. Рассмотрим ее.

То, что в ребусе должно обозначаться рисунками, в текстовой записи пишется словами, названиями нарисованных предметов. Частицы, из которых составляется ребус, в текстовой записи всюду соединены знаком плюс, чтобы отделить их одну от другой. В скобки заключены те буквы, которые снимаются ребусными запятыми, при чтении зашифрованного текста они не принимаются во внимание.

Запомни правило: из слова, обозначаемого рисунком, разрешается снимать ребусными запятыми не более половины букв, составляющих это слово. И вообще, чем меньше букв снимается запятыми, тем лучше ребус.

Буквы-невидимки

Первая частица в рассмотренной нами текстовой записи ребуса — комбинация буквы с рисунком: ПОД «Л» — «ЕЖ(И)». В ребусном изображении это будет выглядеть так.

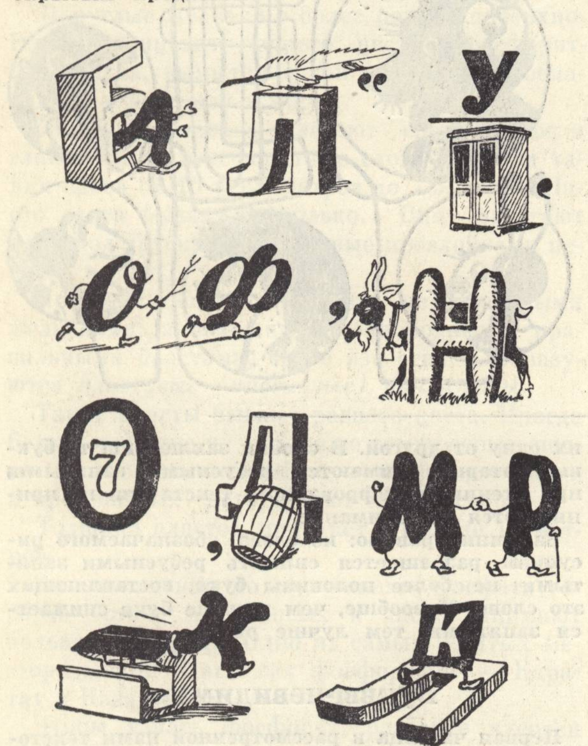

Мы видим тут и букву «Л» и «ежей». Не нарисован только предлог «под», но его и незачем рисовать, он незримо присутствует в этой комбинации. В ребусах такие невидимые предлоги называются скрытыми.

Предлоги «под» и «над» в подобных ребусных комбинациях сопутствуют друг другу. В самом деле, глядя на тот же рисунок, мы можем расшифро-

вать его иначе: НАД «ЕЖ(И)» «Л» или «Л» НАД «ЕЖ(И)». Оба варианта к решению не приводят, только поэтому мы и не можем ими воспользоваться.

Может показаться странным: почему, приводя примеры со скрытым предлогом «над», мы составляем грамматически неправильную фразу: НАД «ЕЖ(И)» — «Л», вместо того чтобы сказать НАД «ЕЖ(АМИ)» — «Л»? Но такое построение фразы отнюдь не случайно. Падежные окончания меняют количество букв в слове, что для ребуса совершенно неприемлемо. В слове «еж (и)» в скобках только одна буква; в слове «еж(ами)» в скобках уже три буквы. А ведь каждая буква текстовой записи, заключенная в скобки, означает ребусную запятую в готовом ребусе! Ясно, что количество ребусных запятых не может в одном и том же ребусе уменьшаться или увеличиваться. Вот почему существует правило: название предмета, обозначенного в ребусе рисунком, всегда читается в именительном падеже. Это условие надо постоянно иметь в виду, когда слово или буква даются в сочетании со скрытым предлогом.

Вот несколько маленьких ребусов, в каждом из них использован какой-либо скрытый предлог. Найди эти буквы-невидимки и расшифруй ребусы.

Содержание

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются. Технический редактор В. Пархоменко.
А 00375. Подписано к печати 21/IV 1964 г. Тираж 575 600 экз. Изд. № 764. Заказ № 923.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ

ВЫСТАВКИ, КНИГИ, АЛЬБОМЫ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОТКРЫТКИ вы можете получить по почте наложенным платежом из магазина «КНИЖНЫЙ МИР».

ДЛЯ ЛЕНИНСКИХ КОМНАТ И УГОЛКОВ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ. Выставка картин из жизни и деятельности В. И. Ленина. «Советский художник». 1964. 30 цветных репродукций большого формата в папке. Ц. 6 р. 68 к.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЛЕНИНСКИХ УГОЛКОВ. Набор альбомов, открытки, репродукции, посвященные В. И. Ленину. Ц. 5 р.

ДЛЯ ЮНЫХ ХУДОЖНИКОВ

ЮНОМУ ХУДОЖНИКУ. Книга для чтения по истории искусства. Изд-во Акад. худож. СССР. 1962. 582 стр. Ц. 3 р. 50 к.

ЮНОМУ ХУДОЖНИКУ. Практическое руководство по изобразительному искусству. (Рисунок и живопись. Скульптура. Гравюра. Художественно-оформительская работа в школе.) Изд-во Акад. худож. СССР. 1963. 336 стр. Ц. 2 р. 50 к.

РИСУНКИ И. И. ШИШКИНА. Альбом. Изд-во Акад. худож. СССР. 1960. 102 тоновых рисунка. Ц. 2 р. 70 к.

Э. ЛАНТЕРИ. Лепка. Изд-во Акад. худож. СССР 1964. 335 стр. Ц. 2 р. 35 к.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОТКРЫТКИ

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО. ЖИВОПИСЬ. «Советский художник». 1963.
Выпуск I. 1917—1932 гг. 25 открыток. Ц. 75 к.
Выпуск II. 1932—1941 гг. 25 открыток. Ц. 75 к.

ЦВЕТЫ. Изогиз. 1963 50 открыток. Ц. 1 р.

ЛЮБИМЫЕ АРТИСТЫ КИНО. Фотооткрытки. Издание Бюро пропаганды советского искусства. 50 открыток. Ц. 4 р.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬБОМЫ
(Подарочные издания)

МОСКВА. Современные виды города. Московский рабочий. 1963. 152 цветные фотографии. Ц. 5 р.

РУССКАЯ ЖИВОПИСЬ XIX ВЕКА. Изогиз. 1962. 64 репродукции. Ц. 4 р. 32 к.

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ ДО ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА. Изогиз. 1962. 114 репродукций. Ц. 2 р. 93 к.

РУССКАЯ ПЕЙЗАЖНАЯ ЖИВОПИСЬ. Изогиз. 1962. 112 репродукций. Ц. 3 р. 62 к.

АЙВАЗОВСКИЙ И. К. Изд-во Акад. худож. СССР. 42 репродукции. Ц. 4 р.

Заказы направляйте по адресу: Москва, центр, ул. Кирова, 6. Магазин 120 Москниги «КНИЖНЫЙ МИР». Деньги в конвертах высылать нельзя. Заказ оплачивается на почте при получении бандероли с книгами.

«КНИГА — ПОЧТОЙ»

Цена 25 коп.

Индекс 70694

РАЗРЕЗ ОБНАЖЕНИЯ № 12

№ слоя	Порода	Мощность
		50 см
11		35
10		
9		110
		60
8		20
7		20
6		50
5		40
4		25
3		60

ПЕСЧАНИК

МЕРГЕЛЬ

ИЗВЕСТНЯК

ПЕСЧАНИК С РЕДКИМИ ЖЕЛВАКАМИ ФОСФОРИТОВ

ГЛИНИСТ. СЛАНЕЦ

ПЕСЧАНИК

ПЕСЧАНИК С ЖЕЛВАКАМИ ФОСФОРИТОВ

ПЕСЧАНИК

ПЕСЧАНИК С ЖЕЛВАКАМИ ФОСФОРИТОВ

ГЛИНИСТЫЙ СЛАНЕЦ

15. VI. 1964 г.

Маршрут № 4 от пос. Красное вниз по реке Черный Урюм.

Обнажение № 12

Привязка – обнажение расположено на правом берегу р. Черный Урюм, в 2,5 км. ниже по течению от пос. Красное.

Снизу вверх.

Слой № 1. Светло-желтые песчаники, равномернозернистые. Состав песка - кварцевый. Видимая мощность слоя - 55 см. Образец 12/1

Слой № 2. Тонкополосчатая глина красновато-коричневого цвета. Мощность - 60 см. Образец - 12/2

Слой № 3. Светло-желтые песчаники с округлыми желваками темно-серого цвета. Размер желваков от 3-10 см. Количество - до 50-60% от объёма породы. Желваки имеют радиально-лучистое строение.

Масштаб 1:5

При трении друг о друга издают характерный неприятный запах. Вероятно, это желваки фосфоритов. Средняя мощность слоя - 25 см. Образец - 12/3